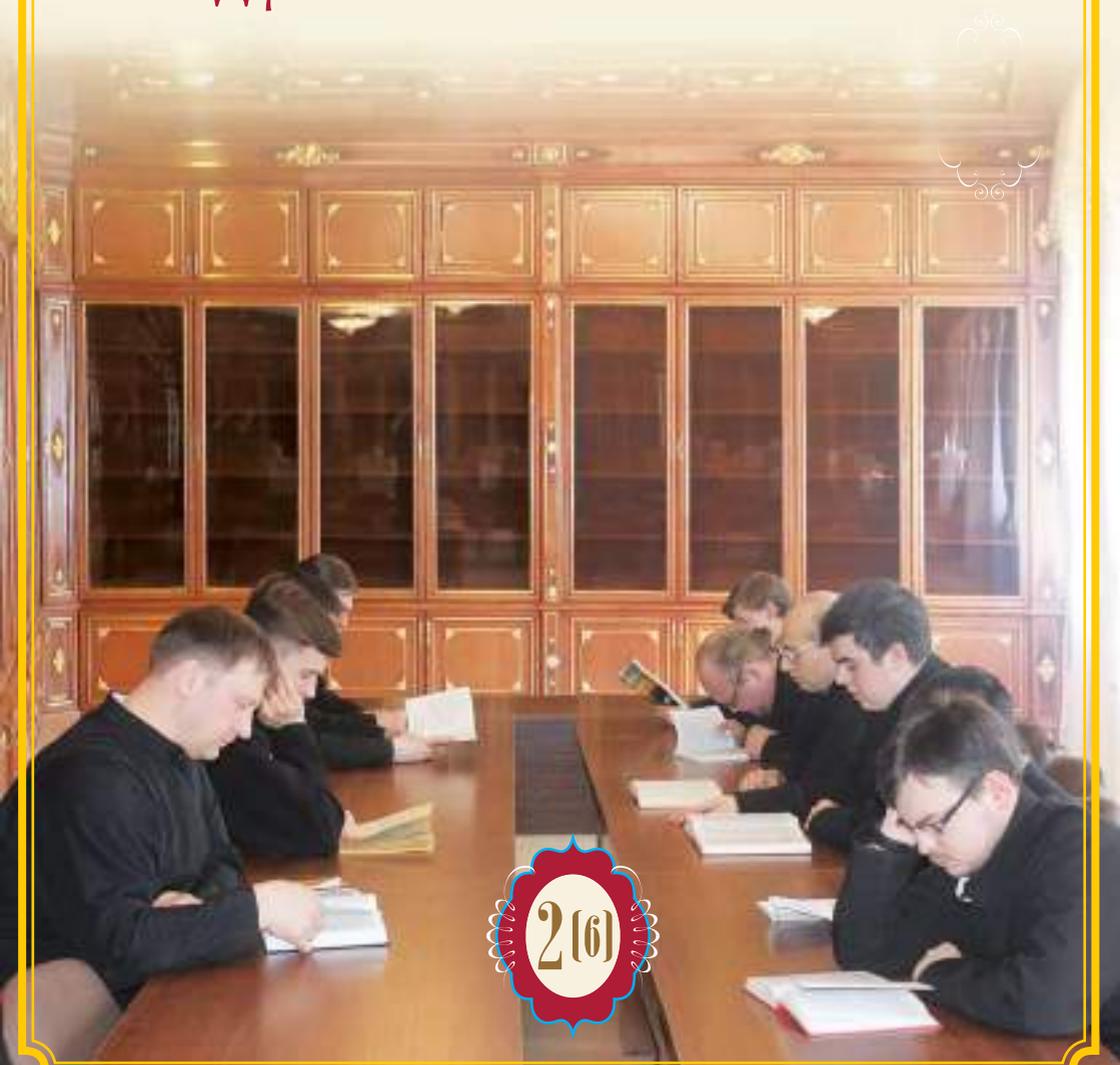

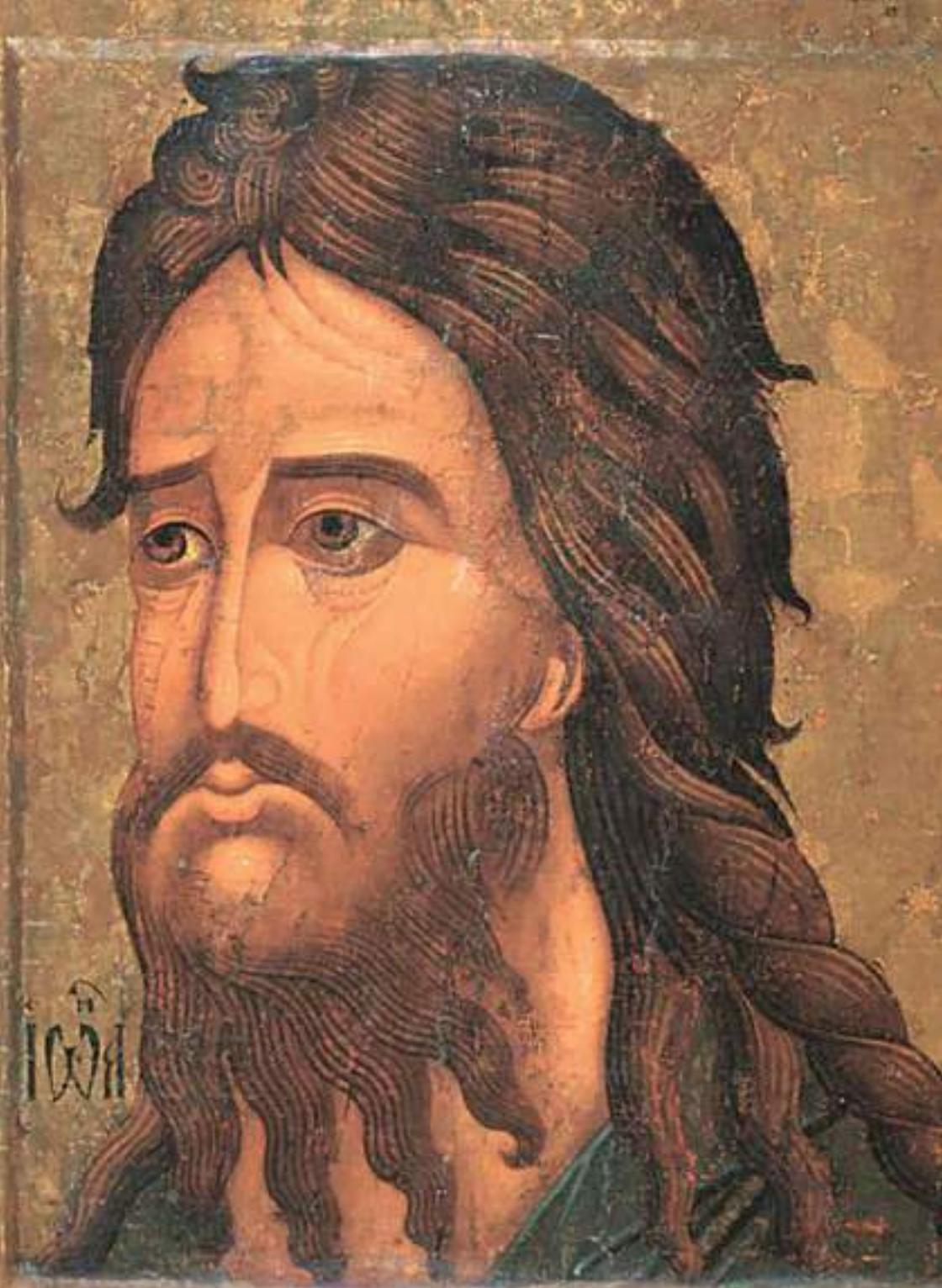

ДУХОВНАЯ ШКОЛА

ЖУРНАЛ ГАРАНСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

2(6)

1004

Одобрено Синодальным информационным отделом
Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

Рукоположения студентов и выпускников	2
Поздравляем юбиляра!.....	5
Поздравляем с успешной защитой!	11
Высокопреосвященнейший Митрополит ЗИНОВИЙ. Слово о духовном знании	15
Назарова Н.Б. Аграфы.....	17
Митроф. прот. Василий Антипов. Триадологические и сотериологические воззрения святителя Тихона Задонского	26
Иером. Марк (Шляхтин). Ф.И. Тютчев как политический философ: концепция театра символов	41
Прот. Алексей Пенькевич. Николай Никанорович Глубоковский (1863-1937 гг.) и его труд «Благовестие христианской свободы в Послании святого апостола Павла к Галатам»	48
Свящ. Дмитрий Большаков. Теория и практика православного воспитания	68
Елдин М.А. Российская духовная традиция в культурном пространстве Среднего Поволжья и Республики Мордовия: специфика, развитие, перспективы	78
Свящ. Максим Адамов. «Музыка – это язык ангелов...»	91
Прот. Алексей Пенькевич. Святые благоверные князь Петр и княгиня Феврония, в схиме Давид и Евфросиния, Муромские чудотворцы. (Поэма-житие)	115

РУКОПОЛОЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ И ВЫПУСКНИКОВ

8 марта 2017 г. за Божественной Литургией в Свято-Феодоровском кафедральном соборе г. Саранска **Высокопреосвященнейший митрополит Саранский и Мордовский ЗИНОВИЙ (Корзинкин)** рукоположил **во диакона** Сергея Владимировича Меньяло, студента подготовительного курса Саранского Духовного училища. Диаконское служение о. Сергию определено нести в Свято-Феодоровском кафедральном соборе г. Саранска.

Справа – наместник Иоанно-Богословского Макаровского монастыря игумен Мелетий (Кисняшкин)

Слева – иеромонах Григорий (Хлебин)

17 сентября 2016 г. за Божественной Литургией в Свято-Никольском кафедральном соборе г. Ардатова **Преосвященнейший епископ Ардатовский и Атяшевский ВЕНИАМИН (Кириллов)** рукоположил **во диакона** Дмитрия Николаевича Большакова, выпускника Саранского Духовного училища 2016 г.

6 декабря 2016 г. за Божественной Литургией в Свято-Никольском кафедральном соборе г. Ардатова **Преосвященнейший епископ Ардатовский и Атяшевский ВЕНИАМИН (Кириллов)** рукоположил диакона Дмитрия Большакова **во пресвитера**.

О. Дмитрий назначен клириком Благовещенского храма посёлка Комсомольский Чамзинского района Республики Мордовия.

9 июня 2017 г. за Божественной Литургией в Свято-Никольском кафедральном соборе г. Ардатова Преосвященнейший епископ Ардатовский и Атяшевский ВЕНИАМИН (Кириллов) рукоположил во диакона Илью Алексеевича Абудеева, выпускника Саранского Духовного училища 2015 г.

В центре – старший диакон Ардатовской епархии Николай Пятериков

9 июля 2017 г. за Божественной Литургией в Свято-Никольском кафедральном соборе г. Ардатова Преосвященнейший епископ Ардатовский и Атяшевский ВЕНИАМИН (Кириллов) рукоположил диакона Илью Абудеева во пресвитера. О. Илья назначен клириком Свято-Никольского кафедрального собора г. Ардатова Республики Мордовия.

СИМБИРСКАЯ МИТРОПОЛИЯ:

13 августа 2017 г. в домовом храме в честь Всемиловитого Спаса г. Барыша Преосвященнейший епископ Барышский и Инзенский ФИЛАРЕТ (Коньков) совершил монашеский постриг выпускника Саранского Духовного училища 2016 г. Сергея Викторовича Дунина с наречением имени ЕЛЕАЗАР – в память святого мученика Елеазара (166 г. до Р.Х.).

20 августа 2017 г. за Божественной Литургией в Свято-Троицком кафедральном соборе г. Барыша Преосвященнейший епископ Барышский и Инзенский ФИЛАРЕТ (Коньков) рукоположил монаха ЕЛЕАЗАРА (Дунина) во иеродиакона.

1 октября 2017 г. за Божественной Литургией в Свято-Троицком кафедральном соборе г. Барыша Преосвященнейший епископ Барышский и Инзенский ФИЛАРЕТ (Коньков) рукоположил иеродиакона ЕЛЕАЗАРА (Дунина) во иеромонаха.

О. Елеазар назначен клириком Архиерейского подворья Свято-Никольского храма села Новая Ханинеевка Барышского района Ульяновской области.

**Диакон
Сергей Меняйло,
студент 1-го курса
Саранской
Духовной семинарии**

**Иерей
Дмитрий Большаков,
выпускник Саранского
Духовного училища
2016 года.**

**Иерей
Илья Абудеев,
выпускник Саранского
Духовного училища
2015 года.**

**Иеромонах Елеазар
(Сергей Викторович Дунин),
выпускник Саранского
Духовного училища
2016 года.**

Аксиос! Аксиос! Аксиос!

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА!

Ветерану нашей Духовной школы
помощнику проректора по воспитательной работе

ЮРИЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
МАЛЫГИНУ

60
лет!

Юрий Александрович Малыгин родился 21 мая 1957 г. в селе Аромашка Режевского района Свердловской области в семье учителей. Вскоре семья переселилась на историческую родину – в Мордовию, в г. Саранск. Стараниями бабушки Юрий в раннем возрасте воспринял веру, стал воцерковленным православным человеком. Одаренный и много-сторонне развитый ребенок удивительно гармоничным образом сочетал три увлечения, которые пронес через всю свою жизнь. Музыка. Спорт. Поэзия. Обучаясь в средней школе, Юрий Малыгин был солистом вокально-инструментального ансамбля, занимался в Оперной студии при Дворце Пионеров. Своеобразие обучения заключалось в запрете на обыденную речь: даже самые простые фразы при общении требовалось исполнять, как в опере! И позднее, в армии, Юрий служил солистом в ансамбле. Неотъемлемой частью жизни стал футбол. Сначала школьная команда «Дружба», затем – Детско-юношеская спортивная

школа при команде мастеров «Спартак» города Саранска. На всю жизнь запомнилась встреча с легендой советского футбола, капитаном сборной СССР Галимзяном Хусаиновым. «Если ты ведешь мяч, - говорил ему Мастер, - то у тебя должно быть 5-6 вариантов решений. А если у тебя всего одно решение, то ты – раб, а не футболист!». «Если ты ведешь мяч, - продолжал он, - то ты должен владеть ситуацией, знать, где игроки твоей команды, и где соперники, каков их замысел. Надо уметь быстро принимать решения в связи с меняющейся обстановкой. **Футбол – это шахматы в движении**». Успехи в спорте были налицо. Но травма, полученная во время одного из матчей, положила предел карьере футболиста. Со временем Юрий Александрович перешел на тренерскую работу в соответствии с полученной в вузе профессией. При этом была разработана собственная уникальная методика, предполагающая начало спортивных занятий с дошкольного возраста. Главная ошибка наших тренеров, по убеждению Ю.А. Малыгина, заключается в том, что детей сразу погружают в ту или иную спортивную дисциплину, будь то футбол, волейбол и проч. Но ребенок должен пройти подготовительный этап. Необходимо, чтобы он, занимаясь поначалу в легкой форме, без перегрузок, поверил в себя, в свои силы и получал удовольствие от занятий, ожидая от тренера помощи, а не ругани. Только на следующем этапе целесообразно начинать погружение в конкретную дисциплину. Для подготовительного этапа Юрий Александрович разработал целую систему специальных упражнений, предполагающих, кроме того, музыкальное сопровождение. Результаты оказались поразительными! Показателен тот факт, что Детско-юношеская спортивная школа при команде мастеров получала целые спянные, сложившиеся футбольные команды, подготовленные Ю.А. Малыгиным!

Переломным стал 1999 год, когда по приглашению священника Александра Пелина, ректора Саранского Духовного училища, Юрий Александрович перешел на должность преподавателя физической подготовки СПДУ. Надо сказать, что с отцом Александром они были друзьями детства, и будущий ректор часто бывал в семье Малыгиных, пользовался их богатейшей библиотекой.

С Духовным училищем связан новый период жизни Ю.А. Малыгина. В Духовной школе он организовал баскетбольную, волейбольную и футбольную команды. Последняя добилась наилучших результатов – в товарищеских встречах воспитанники СПДУ обыгрывали команды Детско-юношеской спортивной школы «Лисма» и Милицейской Академии. Кроме того, на протяжении многих лет Ю.А. Малыгин был начальником православных летних спортивно-оздоровительных лагерей, организованных на базе СПДУ и Союза Православной молодежи Мордовии. В 2010 г. стал помощником проректора по воспитательной работе и занимает эту должность по сей день.

Увлечение поэзией началось с 7 лет. Юрий Александрович запомнил самое первое написанное им стихотворение:

В том лесу, где волки выли,
Где дожди так часто лили,
Пробудившись ото сна,
Горько плакала сосна.

Любимыми поэтами стали Баратынский, Есенин, из зарубежных – восточные поэты. Нам удалось получить согласие Юрия Александровича на публикацию одного из его последних стихотворений:

Я был в печаль свою одет,
И дождь стучал в окно.
А на окне – мой силуэт,
Стекала грусть с него.
Дождь не смеялся, он жалел;
Знаком я с ним давно.

О сокровенном он пропел:
«Прорвемся... Ничего.
Крепчает лишь душа твоя
От жизненных невзгод...»
Вдыхал я тишину дождя
И верил: все пройдет!

Читатели, несомненно, высоко оценят поэтические сборники, Ю.А. Малыгина, которые сейчас готовятся к печати. Ждут своей публикации его оригинальные научно-методические разработки.

Руководство Саранской Духовной семинарии, члены профессорско-преподавательской корпорации, сотрудники и учащиеся желают уважаемому Юрию Александровичу здоровья, помощи Божией, творческих сил. Желаем здоровья и благополучия семье юбиляра: маме – Любове Дмитриевне, супруге – Зое Александровне, с которой они вместе 33 года, сыну Михаилу, дочери Александре, внуку Николаю.

Многая и благая лета!

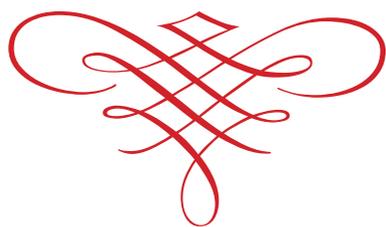

С внуком Николаем (июнь 2017 г.)

21 мая 2017 г. после совершения воскресной Божественной Литургии в теплой и дружеской атмосфере состоялось чествование Ю.А. Малыгина. Со словами благодарности к Юрию Александровичу обратился настоятель Свято-Предтеченского семинарского храма протоиерей Павел Горбунов и, следуя давней традиции, вручил виновнику торжества Богородичную просфору. Свои поздравления выразили преподаватели и учащиеся Семинарии. Выступавшие отмечали мудрость, справедливость и поистине человеческое отношение к людям, неизменную доброжелательность, исходящую от Юрия Александровича, к которому всегда можно подойти со своими проблемами и нуждами. С проникновенным словом выступил студент Алексей Чушкин. Поздравительный Адрес, составленный учащимися СПДС, зачитал Кирилл Паньков. После вручения цветов и памятных подарков в храме прозвучали многолетия юбиляру, на протяжении 18-ти лет достойно и самоотверженно исполняющему свой профессиональный долг.

ПОЗДРАВЛЯЕМ С УСПЕШНОЙ ЗАЩИТОЙ!

19 октября 2016 г. в учебном корпусе Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева состоялась защита диссертации на соискание ученой степени **доктора философских наук** доцента кафедры МГУ, преподавателя истории религий и заведующего кафедрой истории Саранского Духовного училища **Михаила Александровича Елдина** по теме «Российская духовная традиция в культурном пространстве Среднего Поволжья и Республики Мордовия: специфика, развития, перспективы».

На защите присутствовал **Высокопреосвященнейший митрополит Саранский и Мордовский ЗИНОВИЙ**.

Высшая Аттестационная Комиссия при Министерстве образования и науки Российской Федерации своим Приказом от **21 марта 2017 г.** присвоила **М.А. Елдину** искомую степень **доктора философских наук**.

Михаил Александрович Елдин родился в 10 июля 1974 г. в селе Архангельское Голицыно Рузаевского района Мордовской АССР. У юноши рано проявился интерес к предметам старины, к вопросам краеведения, и поэтому совершенно закономерным стало, после окончания средней школы, поступление на исторический факультет Мордовского государственного университета. За годы студенчества Михаил Александрович открыл для себя еще одну область интересов, которая определила направление его последующих научных изысканий, а именно – культурно-историческое и религиозное наследие Византии. Изучая духовные традиции родного края, неразрывно связанные с Православием, молодой ученый, словно бы пройдя к истокам большой реки, обратился к вопросам византологии. Безусловно, сказались и детские впечатления: в византийском стиле в родном селе построен старинный храм во имя Архангела Михаила (отсюда, кстати, происходит первая часть названия населенного пункта; вторая часть названия

указывает на бывших владельцев – князей Голицыных).

В 2000 г. Михаил Александрович успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Византийская святоотеческая традиция и судьбы русской духовности: философско-этический анализ». Работа была подготовлена под руководством выдающегося ученого-педагога и замечательного человека – профессора Рудины Ивановны Александровой (+ 2003 г.).

С 2000 г. кандидат философских наук М.А. Елдин становится штатным преподавателем кафедры философии Мордовского государственного университета и одновременно вступает в преподавательскую корпорацию Саранского Духовного училища, где заведует кафедрой истории, преподает византологию и историю религий. В 2013 г. ему присвоено ученое звание доцента. 17-летний период активной научной и педагогической деятельности ознаменовался успешной защитой докторской диссертации «Российская духовная традиция в культурном пространстве Среднего Поволжья и Республики Мордовия: специфика, развитие, перспективы» (научный консультант – зав. кафедрой философии Мордовского госуниверситета доктор философских наук, профессор Евгений Владимирович Мочалов).

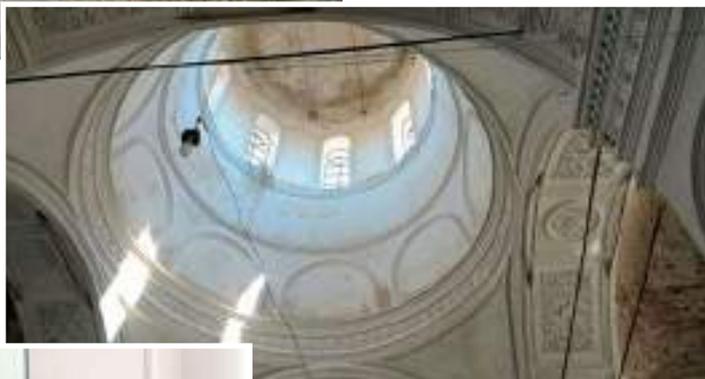
«Проблема духовного выбора, – рассказывает Михаил Александрович, – всегда является судьбоносной для человека. Каждый

решает эту проблему по-своему, но неизменным остается стремление человека к возвышенному, созидательному, конструктивному началу своего общественного бытия. Поскольку мы живем в России, то проблема значения российской духовности, ее влияния в региональном измерении является непреходящей. Что касается выбора проблемы регионального измерения, то диалог Мордовии с российской духовностью носит уникальный характер. Это – опыт мирного взаимопроникновения русского, мордовского, татарского и других этносов, которые создали уникальный феномен российской духовной традиции в Мордовском крае. В основе ее – гуманизм, человеколюбие и вечные духовно-религиозные ценности».

Традиционно докторское исследование предполагает восхождение от рассмотрения каких-либо частных вопросов к неким глобально-значимым обобщениям. Уникальность работы М.А. Елдина заключается как раз в обратном: феномен русского византизма, довольно хорошо исследованный учеными в глобальном масштабе, теперь впервые рассматривается с учетом специфики его проявления, развития и конструктивных возможностей в отдельном конкретном регионе – в Мордовском крае. Фактически создано целое новое направление. Необходима апробация этих идей, необходимы новые исследования на частном, региональном материале. В этом отношении большие

**Храм святого Архангела
Михаила в с. Архангельское
Голицыно**

**На защите докторской диссер-
тации М.А. Елдина присутствует
Высокопреосвященнейший
митрополит Саранский и
Мордовский ЗИНОВИЙ
(19 октября 2016 г.)**

**Возле Иоанно-Богословского
собора г. Саранска 2016 г.**

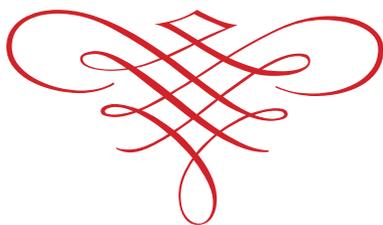
Фотографии из личного архива М.А. Елдина

надежды ученых возлагает на новооткрытую Саранскую Духовную семинарию, которая должна стать центром духовного образования Поволжья. Многие ее учащиеся, хорошо зарекомендовавшие себя еще в статусе студентов Духовного училища, безусловно, имеют высокий научно-исследовательский потенциал.

Михаил Александрович Елдин является автором многих научных работ, в том числе двух монографий: «Судьбы русского религиозного традиционализма в пространстве российского обще-

ства» (Саранск, 2007 г.) и «Диалог духовных традиций и конфессий в России» (Саранск 2012 г.); является также соавтором коллективной монографии «Византия: философия, история, богословие и культура» (совместно с М.Ю. Грыжанковой, Е.В. Мочаловым, А.В. Ширшовым; Саранск, 2016 г.). Исследования продолжаются. Руководство и профессорско-преподавательская корпорация Саранской Духовной семинарии желают уважаемому Михаилу Александровичу здоровья, помощи Божией в его трудах,

Многая и благая лета!

СЛОВО О ДУХОВНОМ ЗНАНИИ

**ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО ЗИНОВИЯ,
МИТРОПОЛИТА САРАНСКОГО И МОРДОВСКОГО,
РЕКТОРА САРАНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ**

Духовное знание является очень важным аспектом в деле нашего спасения. Но само по себе знание никогда не спасало человека. В образовательной среде, в педагогике у учащихся формируют знания и умения, т.е. способность применять эти знания в жизни, в реальных действиях. В духовных учебных заведениях речь идет, конечно, о приобретении знаний духовных основ нашей жизни. Но очень часто мы наблюдаем картину весьма печальную: знания учащиеся получают, но это нисколько не укрепляет их внутреннего благочестия в жизни по вере. А ведь жизнь по вере и составляет основу нашего спасения! «Вера без дел мертва» (Иак. 2,17). Конечно, вера и без знаний слаба. Вера - дар Духа Святого, без которого человеческая душа не может преодолеть эту неизмеримую дистанцию между миром земным, материальным, сотворенным, и миром духовным, миром Божиим. Поэтому вера является особым предметом нашей заботы в деле спасения. И тот, кто желает спастись, будет искать и приумножать те благодатные дары, которые способствуют ему в деле спасения и особенно – в благодатном дару веры.

Наша задача – сформировать правильное представление об истинных абсолютных ценностях. В противном случае мы невольно впадем в оборот ценностей относительных, которые на сегодняшний день являются ценностями, а завтра просто перестанут быть таковыми. А ведь есть ценности, без которых мы вообще не спасаемся, без которых наша душа не обретает жизни вечной. Поэтому один из предметов, которые должен постигать наш разум, – это освоение и осмысление тех ценностей, которые являются вечными и абсолютными, происходящими от Бога. Для того, чтобы наши духовные знания были крепки, имели для нас настоящую ценность, мы должны их определять в связи с нашими целями. Пока человек не поставит лично для себя цель – спастись, то все слова о спасении для него так и останутся неувоенными. Господь наш Иисус Христос ясно указал нам на то свойство, которое помогает спастись: Он «смирил Себя, быв послушным даже до смерти» (Филипп. 2,8). Когда человек берется за очень трудное дело, твердо ставит перед собой цель выполнить его и старается достигнуть этой цели, то и Бог ему является помощником.

Духовные знания – это венец всякой познавательной деятельности человека.

Желаю всем отцам преподавателям иметь целью дать знания духовной жизни своим питомцам, а учащимся – воспринимать их со смирением, с послушанием, с чистым сердцем, во исполнение заповедей Христовых.

Да хранит вас всех Господь!

Н.Б. НАЗАРОВА,
кандидат педагогических наук, доцент

АГРАФЫ

Аграфами (от греч. «ἄγραφα» - «незаписанные») принято называть высказывания Господа нашего Иисуса Христа, встречающиеся в раннехристианской литературе, но не вошедшие в канонические Евангелия. В евангельскую эпоху среди иудеев слова религиозных учителей полагалось запоминать наизусть. Изначально устно передавались и изречения Спасителя. Как показало изучение библейской устной традиции (Б.Герхардсон и др.), она отличалась необыкновенной устойчивостью и, вероятно, даже опиралась на особую группу лиц, в обязанность которых входило хранить традицию. Ее закреплению способствовал поэтический ритм традиционного материала, который ощутим даже в переводах Евангелий на новые языки и который был удобен для заучивания. В «Климентинах», памятниках древнехристианской письменности конца II-го – начала III-го вв., которые предание приписывало святителю Клименту Римскому, апостол Петр говорит: «Около полуночи я всегда пробуждаюсь, и сон не идет ко мне из-за привычки повторять про себя слышанные мною слова моего Господа, чтобы их точно запомнить» («Встречи», II,1)¹. Даже если эти слова и не подлинны, они верно отражают отношение апостолов к тому, что они видели и слышали (1 Ин. 1,1). «Не исключена возможность, что проповедь Иисуса дошла до нас почти такой, какой восприняли ее первые Его слушатели» [1].

¹ «Встречи» (лат. «Recognitiones») – произведение в составе «Климентин», дошедшее до нас в латинском переводе Руфина (IV в.). «Климентины» повествуют о судьбе римского аристократа Климента, который в поисках истины приезжает в Александрию, где знакомится с апостолами. Апостол Петр рассказывает ему о своей жизни; Климент становится спутником Петра.

Письменный труд о служении и проповеди Спасителя сначала писал апостол Марк (70-е годы I века), спустя десятилетие - апостол Матфей и, примерно в это же время, - апостол Лука, затем, в 90-е годы I века, - апостол Иоанн. Евангелисты обращались, главным образом, к четырем культурным ареалам: иудейскому, восточно-эллинистическому, греческому и римскому.

Прот. Александр Мень отмечает, что канонические Евангелия «не были написаны в жанре “биографии великого человека” в античном (как у Плутарха) или в современном смысле слова; их цель – не удовлетворение любознательности, а провозвестие Искупителя. Есть основания считать, что Евангелия создавались не просто как книги для личного употребления, а, в первую очередь, как богослужебные писания, как тексты, читаемые на молитвенных собраниях христиан и при подготовке к крещению. Это закрепилось и в непрерывной литургической практике Церкви на протяжении веков» [3].

Для более полного понимания Евангелия следует учитывать историческую среду апостольского времени. Исследования показали, что язык и стиль евангелистов в целом «нелитературный», полуразговорный; чаще всего это язык простого народа. И, тем не менее, по силе воздействия Евангелия превосходят творения величайших литературных гениев. Евангелисты создают новый, доселе небывалый жанр письменности, в котором керигматическая схема заменена живым конкретным образом Христа Спасителя. Это открытие было чудом Духа Святого в истории Церкви, ибо измыслить, изобрести этот образ не были бы в состоянии ни сами общины, ни даже великие апостолы, такие как Павел. Уникальность Евангелий в том, что они запечатлели образ подлинного исторического Богочеловека. Отметим, что одну и ту же мысль Христос высказывал по-разному, так как состав слушателей менялся, и Спаситель мог повторить что-то, что уже говорил. В Евангелиях мы имеем много таких примеров - взять, хотя бы, два варианта молитвы Господней (Мф. 6, 9-13 и Лк. 11, 2-4).

Известные в настоящее время аграфы были записаны на греческом, латинском, сирийском, коптском, арабском и славянском языках. На славянском языке сохранились аграфы, содержащиеся в переводах трудов святого священномученика Мефодия Патарского (+ 311 г.). Первое систематическое изложение и изучение аграфов было проведено в XVIII веке Йоханом Готтфридом Кёрнером, удачно введшим в употребление самый термин. В изданном на латинском языке в 1776 году сочинении «De sermonibus Christi agraphois» («О не записанных изречениях Христовых»). Этот ученый исследовал 16 аграфов. Впоследствии значительных успехов в изучении подобных речений достигли немецкие ученые А.Реш и Э.Нестле. Причем А.Реш по признаку несомненной подлинности отобрал 14 аграфов, а Э.Нестле – 27. Среди отечественных богословов изысканием не записанных в Евангелиях изречений Спасителя занимался профессор

Санкт-Петербургской Духовной Академии Александр Павлович Лопухин (1852-1904 гг.). Из позднейших исследований интересна работа епископа Михаила (Чуба) «Аграфы в творениях святого священномученика Мефодия» [11]. На материале апокрифических (но не еретических) Евангелий проф. М.А. Таубе описал 71 аграф [8]. Ввиду сомнительности некоторых источников определенно установить число аграфов невозможно.

Признаками подлинности того или иного изречения Спасителя являются: во-первых, древность и неповрежденность источника, содержащего изречение; во-вторых, соответствие аграфов духу евангельских слов Христа; и, наконец, их конструктивная согласованность и схожесть с обычными евангельскими оборотами речи.

По источникам аграфы можно разделить на четыре группы: а) содержащиеся в книгах Нового Завета, помимо Четвероевангелия; б) сохранившиеся в неканонических Евангелиях, не имеющих еретических искажений; в) записанные в творениях отцов и учителей Древней Церкви и в древних литургических памятниках; г) найденные в новооткрытых памятниках древнехристианской письменности. Наиболее авторитетна первая группа аграфов.

Классическим примером аграфов, содержащихся в Новозаветном каноне, является изречение из прощальной беседы апостола Павла с ефесскими пресвитерами: «Блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. 20,35) Его нет в Евангелиях, но апостол Павел прямо указывает на его принадлежность Иисусу Христу. В Посланиях апостола Павла имеется целый ряд мест, которые, согласно утверждениям самого апостола, являются высказываниями Спасителя: 1 Кор. 11, 23-25; 7, 10-12; 1 Фес. 4, 15-17. Апостол Иаков пишет: «Не клянитесь ни небом, ни землею, и никакою другою клятвою; но да будет у вас: “да, да” и “нет, нет”, дабы вам не подпасть осуждению» (Иак. 5,12). Нагорная проповедь (Мф. 5, 33-37) дает основание предполагать, что апостол Иаков цитирует слова Христа. По убеждению Оригена, заповеди из 1 Фес. 5, 21-22 и Еф. 4,26 принадлежат Самому Христу. Сирийская «Дидаскалия», памятник церковной письменности III века, определяет слова из 1 Петр. 4,8 как принадлежащие Самому Спасителю. Отсюда можно сделать вполне допустимый вывод, что и многие другие глубокие и лаконичные предписания апостолов, как, например, 1 Фес. 5, 16-17 и 5,19 принадлежат Самому Божественному Учителю. По мнению Дидима Александрийского (IV в.) и св. Епифания Кипрского (+ 403 г.), слова апостола Петра из 2 Петр. 3,10 принадлежат Христу. В Апокалипсисе есть слова, сказанные от первого лица: «Се иду, как тать» (Откр. 16,15), предвещающие великий день Второго Пришествия Христа. Св. Епифаний считает Христовым и другое выражение из Апокалипсиса: «Се, стою у двери и стучу» (Откр. 3,20). Священный авторитет вышеприведенных аграфов непререкаем, так как Церковь признала боговдохновенными все книги Новозаветного канона.

Ко второй группе аграфов относят изречения Спасителя, сохранившиеся в апокрифических, но не еретических Евангелиях, таких, как, например, «Евангелие от евреев», «Евангелие от египтян», «Евангелие 12-ти апостолов», бесспорно восходящих к глубокой древности. Возможно, некоторые из этих Евангелий имел в виду евангелист Лука (1, 1-2) («Как уже многие начали составлять повествования...»). К этой группе можно отнести аграфы из «Евангелия от евреев», в частности, приведенный Блаженным Иеронимом: «Кто огорчает дух брата своего, повинен в величайшем грехе» [14, с. 217]. Сюда же относится текст, имеющийся в так называемом Кодексе Безы (Кембриджском), не вошедший в Четвероевангелие. В поучении о выборе места на брачной вечери, кроме известных слов, приводимых евангелистом Лукой (Лк. 14, 8-11), содержатся следующие слова Христа: «Вы же старайтесь возрастать из малого, а из большего делаться меньшим» [Там же]. Это выражение есть также в Италийском (до-Иеронимовом латинском) переводе Нового Завета – одном из древнейших (II в.).

К третьей группе аграфов относятся слова Христа, приведенные в «Апостольских постановлениях», древнейшем сборнике канонических правил (IV в.): «Горе имеющим и лицемерно (еще) берущим или могущим самим себе помочь и желающим брать у других; ибо каждый даст ответ Господу Богу в день суда» [14, с. 303]. Аналогичное выражение содержится в «Учении двенадцати апостолов», или «Дидахе» (конец I-го – начало II-го вв.). В «Разговоре с Трифоном иудеем» св. Иустина Философа мы находим следующее изречение Христа: «В чем Я найду вас, в том и буду судить вас» (Диал. 47). Внутреннее сродство этого выражения с притчей Спасителя о десяти девах (Мф. 25, 1-2) очевидно. Ориген и Дидим Александрийский приводят такое изречение Господа: «Кто близ меня, тот близ огня; кто далеко от Меня, тот далеко от царства» [14, с. 302].

Из литургических текстов Древней Церкви особенно интересными представляются слова молитвы «Царю Небесный»: «Душе истины <...> прииди и вселися в ны и очисти ны...». Эти слова составляли часть древнейшей молитвы, которая читалась христианами при крещении. По преданию, словам этой молитвы Иисус Христос научил Своих учеников, как и словам Молитвы Господней.

Особую группу аграфов составляют изречения, содержащиеся в новооткрытых памятниках древнехристианской письменности, ибо они еще нуждаются в подробных исследованиях. В 1897 году в Египте английскими учеными Б.П. Гренфелем и Э.С. Хэнтом был открыт документ, получивший название «Λόγια Ἰησοῦ», или «Изречения Иисуса». находка представляет собой листок папируса (внесенный в каталог под № 11), бывший частью неизвестного кодекса, содержащий неkomментированные изречения Спасителя на греческом языке. Каждое изрече-

ние начинается словами: «Иисус говорит». Издатели отнесли найденный папирус ко II веку по Р.Х. В этом фрагменте 8 изречений, два из которых не восстановлены, три являются перефразировкой евангельских изречений и три представляют собой неизвестные слова Христа. Особенно своеобразно звучит вторая половина пятого изречения: «Подними камень, и там ты найдешь Меня; расколи дерево, и там Я». Возможно, здесь содержится обещание Божественного присутствия в каждый момент жизни истинно верующего.

В 1948 году вышла в свет книга Иоахима Иеремиаса «Неизвестные слова Иисуса», в которой он рассматривает происхождение и достоверность важнейших аграфов [17]. Не отрицая того, что некоторые вне-евангельские изречения могут действительно принадлежать Иисусу Христу, он сравнивает их с евангельским текстом и приходит к выводу об уникальной ценности Четвероевангелия: аграфы являются лишь несущественным дополнением к каноническому тексту, не более того. Рассмотрев более двух сотен приписываемых Иисусу Христу высказываний, которых мы не находим в Новом Завете, немецкий богослов пришел к выводу, что с уверенностью можно говорить о 18 подлинных аграфах, однако, в последнее время мнение Иеремиаса было пересмотрено другим ученым – Готфридом Хофиусом [16], который много лет посвятил изучению аграфов, и его вывод еще более ригористичен. Только о 9 аграфах мы можем с большой вероятностью говорить, что они принадлежат Христу. Таким образом, список Иеремиаса был сокращен вдвое. Вот эти 9 аграфов (в квадратных скобках указаны утерянные, но предположительно восстановленные учеными слова):

1. В 1905 году был обнаружен один поврежденный лист пергаментной книги I или II века. Микроскопическим почерком там описан спор Иисуса Христа с фарисейским старейшиной по имени Леви. Этот фарисей осуждает Иисуса за то, что Тот, вместе с учениками приходя в храм, не омывает ног. Иисус отвечает Леви резко:

«Что же с вами? Вот, вы здесь в храме. Но разве вы чисты? Горе вам, слепцам, ничего не видящим! Вы омылись в стоячей воде, где день и ночь валяются собаки и свиньи – там вы омылись и очистили кожу свою, как блудницы и флейтистки умащаются, омываются, чистятся и украшают себя, чтобы возбуждать в мужчинах желание – но внутри они полны скорпионов и [всяческого з]ла. Но Я и [Мои ученики], о ком говорите вы, что мы не [омываемся, - мы омы]лись в воде жи[вой и чистой], текущей от [Отца Небесного]»

(Папирус Оксиринх 840).

2. «Поэтому-то наш Господь Иисус Христос сказал:

«В чем Я найду вас, в том и буду судить»

(Св. Иустин, Разговор с Трифоном иудеем, 47).

Нам знакомы эти слова по распространенному варианту: «В чем застану, в том и сужу». Этих слов нет в Евангелии, но они встречаются в древнехристианской литературе. В сирийском памятнике конца IV – начала V вв. «Книга ступеней» находим еще один вариант: «В чем найдут вас, в том и возьмут» (*Liber graduum*, III,3; XV,4 и др.).

3. «Царство подобно мудрому рыбаку, забросившему сеть в море; он вытащил ее из моря полную мелкой рыбы, и среди нее нашел одну рыбу крупную и ценную; тогда рыбак выбросил всю мелкую рыбу обратно в море и без сожалений предпочел ей крупную»

(Евангелие от Фомы).

Перед нами вариация евангельской притчи о неводе (Мф. 13,47). Звучит та же тема абсолютной ценности Царства Небесного, как и в притчах о сокровище, скрытом на поле (Мф. 13,44), и о жемчужине (Мф. 13,45-46).

4. «Проси о великом, Бог даст тебе и малое»

(Климент Александрийский, Строматы, I.24.158).

Климент писал в начале III в.; в III в. это изречение повторил Ориген (Комментарии на Псалмы, Пс. 4,4); в IV в. – Евсевий Кесарийский (Комментарии на Псалмы, Пс. 16,2). Несомненно эти слова перекликаются с известным: «Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6,33).

5. «Будьте искусными (или опытными) менялами».

(Климент Александрийский, Строматы, I.24.158)

Это одно из самых известных высказываний, приписываемых Спасителю. Фраза встречается у многих авторов II-IV столетий. У Климента она имеет поясняющее продолжение: «отвергая нечто, но удерживая доброе». Перед Иерусалимским храмом, замечает о. Константин Пархоменко, за столами сидели профессиональные менялы, которые меняли монеты с изображением кесаря на священную храмовую монету. Меновщики были мастерами своего дела. Они безошибочно могли отличить поддельную монету от настоящей. Христос говорит, что христиане должны быть такими же искусными менялами в отношении того, что видим в мире [13]. Фраза созвучна высказыванию апостола Павла: «Все испытывайте, хорошего держитесь» (1 Фес. 5,21).

6. В одном из древних кодексов евангельское повествование о том, как ученики Христовы, проходя полями, ели колосья в субботу и т.д. (Лк. 6, 1-5), имеет следующее продолжение, которого нет в других рукописях: «В тот же день увидел Он человека, работающего в субботу. Тогда Он сказал ему:

«Человек! Если ты знаешь, что делаешь, - ты благословен. Но если не знаешь - ты проклят как нарушитель закона»

(Кодекс Безы, V в.).

Одно дело, если человек не соблюдает прежних предписаний, потому что духовно перерос их, и другое дело - если он не соблюдает их по безверию или лени. «Проклят» - значит «отлучен от церковного общения».

7. «Кто близ Меня – близ огня; кто далеко от Меня – далеко от Царства»

(Евангелие от Фомы; Ориген, Гомилии на Иеремию, 20,3; Дидим Александрийский, Комментарии на Псалмы, Пс. 88,8).

Сразу вспоминаются слова Спасителя: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лк. 12,49).

8. «И радуйтесь лишь тогда, когда смотрите на брата вашего с любовью»

(Блаженный Иероним, Комментарии на Послание к Ефесеянам, 3).

9. «[Кто ныне] далеко, завтра будет [близко]»

(Папирус Оксиринх 1224).

«Это очень важные слова, - комментирует их о. Константин Пархоменко. - Они показывают, что даже те, кто сегодня враждует против нас, кто не понимает смысла Христианства, тот скоро может изменить свое мнение. Даже самый злой грешник и борец против религии может прийти к вере, если мы своей любовью, терпением, доброжелательностью не помешаем ему это сделать» [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии / Под ред. А.Ф. Окулова. – М.: Мысль, 1989. – С. 33-49.
2. Лопухин А.П. Не записанные в Евангелии изречения Христа Спасителя и новооткрытые изречения Его. – СПб., 1898.
3. Мень А., прот. Трудный путь к диалогу. – М.: Озон, 2008. – 368 с.
4. Иеремияс Й. Притчи Иисуса. – М., 1947. – Ч. 1. – С. 314.
5. Таубе М.А. Аграфы. О незаписанных в Евангелии изречениях Иисуса Христа. [Реферативное изложение по книге. Архивировано из первоисточника 28 ноября 2012 г.].
6. Таубе М.А. Аграфы. О незаписанных в Евангелии изречениях Иисуса Христа. – Варшава, 1936. – М.: Издательство Крутицкого подворья, 2007.
7. Таубе М.А. Аграфы у Отцов Церкви. – Варшава, 1937.
8. Таубе М.А. Аграфы в древнехристианских апокрифах. – Париж, 1947.
9. Таубе М.А. Аграфы в иудейских и магометанских писаниях. – Париж, 1951.
10. Хосроев А.Л. Из истории раннего христианства. – М.: Присельце, 1997.
11. Михаил (Чуб), еп. Аграфы в творениях св. священномученика Мефодия // Журнал Московской Патриархии. – 1954. - № 6. – С. 43-50.
12. Михаил (Чуб), еп. Памятники древнехристианской письменности // Там же. – 1955. - № 12. – С. 297-316.
13. Пархоменко К., свящ. Неизвестные высказывания Иисуса Христа // [https:// azbyka.ru](https://azbyka.ru)
14. Λόγια Ἰησοῦ. Sayings of our Lord from an early Greek papyrus. Discovered and edited, with translation and commentary by B.P. Grenfell and A.S. Hunt. With two plates (Egypt Exploration Fund). – London, H. Frowde, 1897.
15. Resch A. Agrapha. Ausserkanonische Schriftfragmente. – Leipzig, 1906.
16. Gottfried Hofius. Unknown Sayings of Jesus // The Gospel and the Gospels / ed. Peter Schutlmacher. Grand Rapids: Eerdmans, 1991.
17. Jeremias J. The Unknown Sayings of Jesus, 2nd. – London: SPCK, 1964.

Кодекс Безы (нач. V в.) – одна из древнейших и главных рукописей Нового Завета. Левую страницу каждого разворота занимает греческий текст, правую – латинский перевод.

Митрофорный протоиерей
Василий АНТИПОВ,
кандидат богословия

ТРИАДОЛОГИЧЕСКИЕ И ХРИСТОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО

1. ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

Святой Тихон, епископ Воронежский и Елецкий, является замечательной личностью в сонме святителей Божиих, выдающимся светильником Русской Православной Церкви XVIII в. С его именем и деятельностью связано возрождение духовной жизни, внутренний подъем и духовно-нравственное оздоровление русского народа как в Придонье, так и во всей Русской Церкви.

Как богослов святой Тихон в русской богословской науке положил начало новому, живому направлению. В противоположность своим предшественникам и современникам, дававшим схоластические системы на латинском языке, он (будучи преподавателем и ректором Тверской семинарии) излагал богословский курс на русском языке и заботился более всего о воздействии на сердца слушателей.

Затем, находясь на покое, в тиши уединенных размышлений о Боге и Его любви к человечеству, в неустанной работе над собой, в умерщвлении плоти и подавлении в себе «ветхого че-

ловека», святой Тихон достиг высокого совершенства, так что священный огонь веры и любви, горящий в его сердце ровным большим пламенем, разносил свет христианского благочестия во все концы России.

Родился святой Тихон (в крещении Тимофей) в 1724 году в селе Короцко Новгородской губернии в семье дьячка Савелия Кириллова. Бедное и многотрудное время его детства и юности научило будущего подвижника терпению скорбей и лишений, смирению, милосердию и состраданию ближним. По успешном окончании Новгородской семинарии в 1754 г. он получил в ней кафедру риторики с одновременным преподаванием греческого языка и богословия. 1758 году Тимофей (Соколов, по другим источникам – Соколовский) пострижен (10 апреля) в монашество и наречен Тихоном. В том же году архиепископом Новгородским Димитрием (Сеченовым) рукоположен в иеродиакона, а затем и в иеромонаха. Через год, в 1759 г., был определен префектом Новгородской семинарии и по просьбе Тверского епископа Афанасия (Вольховского) стал

архимандритом Тверского Желтиковского Успенского монастыря и в том же году переведен архимандритом Тверского Успенского Отроча монастыря с назначением ректором Тверской семинарии. Уже в 1761 г. о. Тихон призывается к высшему, архипастырскому служению. 13 мая он посвящен во епископа Кексгольмского и Ладожского, викария Новгородской епархии, а через два года назначается епархиальным архиереем на Воронежскую кафедру. Примечателен тот факт, что Владыка Тихон стал первым архипастырем в Русской Православной Церкви, запретившим в своей епархии телесные наказания священнослужителей. По состоянию здоровья святитель Тихон не мог долго оставаться на кафедре, и с января 1768 г. он, удалившись на покой, успешно продолжал свою деятельность пастыря-душепопечителя. Время подвижничества в Задонском Рождество-Богородицком монастыре было для Владыки самым благоприятным и плодотворным. Именно здесь он написал свои основные замечательные труды: «О истинном христианстве» (1770-1771 гг.), «Сокровище духовное от мира собираемое» (1777-1779 гг.), множество писем «Посланных» и писем «Келейных», которые яв-

ляются ценнейшим духовным сокровищем для нас до сего дня и зеркалом, показывающим духовную мудрость и совершенство Задонского подвижника.

На 59-ом году жизни святитель Тихон, как мудрый кормчий, благополучно совершивший свое плавание по *житейскому морю*, был принят в *тихую пристань* – в вечные Небесные обители. Мирная христианская кончина наступила в 6 часов утра 13 августа 1783 года.

Святитель Тихон Задонский причислен к лику святых в 1861 г. Его память совершается 19 июля (1 августа) и 13 (26) августа.

2. УЧЕНИЕ О СВЯТОЙ ТРОИЦЕ

Являясь истинным пастырем Христовой Церкви, святитель в своем учении всегда оставался верным главному принципу Православия – следовал святоотеческому пониманию церковного учения, то есть неукоснительно хранил верность Священному Преданию. Рассматривая учение св.Тихона о главных истинах Христианства*, а именно – о христологическом догмате и тесно с ним связанном догмате о Святой Троице, - прежде всего надо сказать, что, как сам он многократно указывал, его учение – не плод собственных измышлений, но это – учение святых отцов,

* Говоря об освещении основных вероучительных истин святителем Тихоном Задонским, нужно отметить, что в его сочинениях они неразрывно связаны с учением о тайне спасения рода человеческого от греха, проклятия и вечной смерти, о спасительности и всеобщности Жертвы Христовой. Раскрывая глубокие истины догматического порядка, святитель неизменно делает выводы в основном нравственно, а не умозрительного характера, потому что «Бог есть святость, и невозможно приблизиться к Нему и познавать Его, не стремясь к личной святости» [3, с. 76; ср. 4, с. 356-357; 5, с. 17 и 59]. Этому единственно спасительному пути богопознания св. Тихон Задонский следовал всю свою жизнь.

учение Православной Церкви [1, с. 23; 5, с. 276].

Живя во время сильных веяний на Руси западных протестантских идей, святитель Тихон Задонский не соблазнился приложить к изъяснению христианских вероучительных истин их рационалистический метод, но, более того, явился непоколебимым столпом в борьбе с обмирщенным учением и понятиями сектантов, стал ярким путеводным светильником для православных христиан.

Так, говоря о Боге, против рационалистического стремления понять и объяснить тайну Святой Троицы (а также и Боговоплощения), Задонский Архипастырь подчеркивал: «Кто много на солнце смотрит и прилежно внимает тому, у того глаза помрачаются и повреждаются. Тако, кто Бога – Вечное Солнце – любовытно рассматривает и непостижимые Его тайны тщится испытать, у того ум помрачается и в великое заблуждение впадает. Берегись, человек, испытывать, что тебе не дано знать. Довлеет нам тое только о Бозе рассуждать, что святое Его Слово открыло» [4, с. 13]. Поэтому святитель, будучи истинно православным Отцом Церкви и всецело преданным святоотеческому учению, никогда не предпочитал заключения человеческого разума силе веры, но, наоборот, старался вести свою паству путем непоколебимой веры, не считая необходимостью подтверждать те или иные догма-

тические истины соображениями разума. Отсюда понятно, почему об основных догматах Христианства он в большинстве случаев говорит очень кратко, но вместе с тем четко и ясно, не вдаваясь ни в какие схоластические рассуждения, приводящие лишь к остыванию сердца. По словам одного из его жизнеописателей, святой Тихон умел «новое вино» вливать в «новые мехи». Это выражалось как раз в том, что он старался воздействовать более на сердца, чем на умы слушателей. Для этого он излагал православное учение о догматах веры, как было сказано, просто, ясно и понятно, основываясь на Священном Писании и святоотеческом учении, не вдаваясь в сухую, отвлеченную от жизни схоластику. Он более всего заботился возбудить в учениках любовь к святой истине и убеждал их, чтобы эти знания легли в основу христианской их жизни и деятельности.

Итак, говоря о великой тайне Святой Троицы, Задонский Учитель не стремится изыскивать сравнения или аналогии для кичливого разума человеческого, который всегда хочет рационально изъяснить непостижимые тайны, но прямо и убежденно говорит: «Нет сомнения у христиан, что есть Бог и есть един существом, но троичен в Лицах: Отец, Сын и Святой Дух» [5, с. 62]. Не вдаваясь в подробности объяснения этой тайны, он основывается только на единственно непогрешимом источнике вероучения – Открове-

нии Божиим о Самом Себе. «Тайна сия нам непостижима есть. А что так веруем и исповедуем, о том нам Сам Бог открыл в Писаниях Святых и чрез мужей богодухновенных научил нас» [1, с. 23; 5, с. 276]. Далее, святой отец приводит слова Священного Писания и указывает на историческое событие, при котором совершилось это великое Откровение тайны Святой Троицы, а именно – на Крещение Господне. На Иордане произошло действительно чудесное Богоявление: Сын Божий, Господь наш Иисус Христос крестился от Своего раба, Отец свидетельствовал о Нем: «Сей есть Сын Мой возлюбленный», и Дух Святой сошел на Него телесным образом (Мф. 3,17) [5, с. 99]. «Тако Триипостасный Бог, - восклицает святитель, - Отец, Сын и Дух Святой, Создатель и Промыслитель наш, о спасении нашем помышляет!» [3, с. 127; 5, с. 62].

Каждый церковный догмат святитель Христов рассматривал так, чтобы показать его спасительное значение для человека, необходимость его исповедания в деле личного духовного возрастания. Так и догмат о Святой Троице он раскрывает не в плане лучшего уяснения этой непостижимой тайны, а в том плане, какое значение для нас имеет принятие и православное исповедание этого догмата. «Аще бо и веруем и исповедуем Триипостасного Бога Отца, Сына и Святого Духа, но едино Божество в Трех Ипостасях почитаем» [3, с. 73; 4, с. 7]. Итак,

не трех Богов имеем, но одного Бога, однако Триипостасного, так что «Трем Божественным Лицам едино есть существо, едина воля, едина держава, царство, сила, слава: никто же меньший, никто же больший, но равномошный, равносильный, равночестный, Триипостасный Бог» [1, с. 23].

Воссоздание падшего естества человеческого святитель так же считает делом не единственно Второй Ипостаси – Сына Божия, но делом всех Трех Лиц Пресвятой Троицы. Так, начало нашего спасения – воплощение Сына Божия, произошло благоволением Небесного Отца и наитием Святого Духа на Пресвятую Деву [3, с. 126], вся земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа фактически сводилась ко всецелому исполнению воли Бога Отца, завершением спасительного подвига Богочеловека явилось сошествие Святого Духа на апостолов и т.д. [1, с. 94; 4, с. 25; 5, с. 99]. Коротко можно сказать так: «Спасение наше, сия великая милость... совершается благодатию Христовою, милосердием Небесного Отца и действием Святого Духа» [3, с. 14 и 403].

Говоря о свойствах Божиих, таких как святость, всемогущество, благодать, вечность и т.д., святой отец так же без сомнения считает их равнозначно относящимися ко всем Трем Лицам Троицы. В одном из своих молитвенных обращений к Богу он говорит: «О Боже Отче, Сыне Божий Единородный и Святый Душе, Триипостасный

Боже, Творче, Спасителю и Промыслителю мой, немерцающий Свете, неложная Истина, Любы вечная, Благосте бесконечная, непостижимое Всемогущество, непостижимая Мудрость, всегда сущая Вечность, Начало безначальное, Сило вся действующая, Животе всех живущих! Живи мя, просвети мя и вразуми мя, да узрю любовь и благость Твою, которую явил Ты роду человеческому. Аминь!» [1, с. 109; 3, с. 453].

Святой Тихон, как человек опытный в духовной жизни, хорошо знал, что принятию непостижимых для разума тайн Божиих препятствует, главным образом, диавол – враг рода человеческого, который стремится угасить в сердце человека искру веры, внушая ему: «Како могут сия быти? Како Бог, един естеством, может быть в Трех Лицах?» [3, с. 228]. По этой причине святитель всегда старался утвердить свою паству в непоколебимой вере догматам Православной Церкви, не вдаваясь в любопытное рассматривание непостижимых тайн Божиих [4, с. 13].

3. СЫН БОЖИЙ ЕДИН С ОТЦОМ ПО СУЩЕСТВУ

Такой же непостижимой, величайшей тайной домостроительства Божия о нашем спасении является христологический догмат – догмат, на котором основывается все христианское вероучение. Базируясь на Священном Писании, святоотеческом Предании, а также и на собственном аскетиче-

ском опыте, Задонский Святитель доступно изложил это церковное учение, то есть учение о Втором Лице Животворящей Троицы, учение о Богочеловеке Господе нашем Иисусе Христе. Говоря о вочеловечении Сына Божия, святитель, прежде всего, обращал внимание на цель и значение Боговоплощения [1, с. 73; 5, с. 86], а затем уже, насколько это возможно, давал объяснение этого величайшего события [5, с. 100-101], но лишь «ради лучшего утверждения» в вере [5, с. 85], потому что сущность воплощения всегда остается тайной, постигаемой не умом [4, с. 13; 5, с. 84 и 157], а верой [4, с. 32]. Христос Спаситель – это одно Лицо в двух природах. Вся таинственность этой истины состоит в том, что в одном Лице Богочеловека непостижимо соединены две бесконечно удаленные друг от друга природы: Творца и твари, Бога и человека.

Будучи верным православному принципу усвоения церковных догматов, то есть усвоения их верой, а не разумом, святитель пишет в одном из своих писем: «Неотменно нужно есть хотящему спастися Православие, или правую веру, содержать» [5, с. 278], а затем, как бы указывая на основную истину христианской веры, говорит: «Уверися, и не токмо устами исповедуй, но и сердцем веруй, что Христос есть Бог, единосущный Отцу и Духу, един сый Святыя Троицы... Поверь, любезне, истину тебе глаголю: сколько раз живою верою будем рассуждать о сем великом

деле, столько раз в удивлении и некоем исступлении (ума) будем находиться... Бог великий и непостижимый, Господь и Царь вечный, ради раба Своего непотребного и, что более того, ради врага Своего, пришел в мир и во плоти явился... [5, с. 281]. Далее святой отец приводит Никео-Цареградский Символ веры как основную формулировку догматического учения: «Иисус Христос есть Господь наш, Сын Божий Единородный, от Отца рожденный прежде всех век, Свет от Света, Бог истинный от Бога истинного, рожденный, не сотворенный, единосущный Отцу, Имже вся быша» [1, с. 27]. Христос Спаситель является не только Икупителем нашим, но и Создателем [1, с. 195]. Великий Пророк и Предтеча Иоанн Креститель, по мысли Задонского Учителя, знал Христа как Творца вселенной и человека, потому и сам желал креститься от Него, хотя и видел Его в образе человеческом [5, с. 94]. Он есть Царь мира и Бог наш преблагий, кроткий, долготерпеливый и многомилостивый [1, с. 196]. Как видим, святитель все Божественные свойства Святой Троицы [1, с. 109; 3, с. 453] в равной мере относит и к Христу Спасителю и, тем самым, ясно подчеркивает Его единосущие с Богом Отцом и Святым Духом, то есть указывает на Него как на «единого Святыя Троицы» [4, с. 283].

Господь наш Иисус Христос убедительно показал Свое нетварное происхождение, учит святитель, в момент Преображения на горе Фавор, когда «лице Его

просветилось яко солнце и ризы были белы яко свет» [1, с. 26; 3, с. 129; 4, с. 259; 5, с. 149-150]. Явление двух великих ветхозаветных пророков Моисея и Илии в этот момент также свидетельствует о Божественном достоинстве Преобразившегося перед Своими учениками Богочеловека. Не случайно Господь повелел явиться именно этим пророкам, говорит святой отец, потому что как Моисея – законодателя, так и Илию – живым взятого на небо, весь Израиль несомненно признавал за славнейших пророков, и их явление в славе Христовой было неопровержимым доказательством, что «Христос есть Господь и пророков, Который во образе человеческом явился на земли, и есть истинный Мессия, ими проповеданный» [4, с. 258].

Христос не показывал Свою славу людям нигде, кроме как на Фаворе, хотя она всегда была с Ним, но была «сокровенна от очей человеческих» [4, с. 258]. И, действительно, кто из людей дерзнул бы и смог бы подойти к Нему и слышать из уст Его спасительное учение о Царстве Небесном, пишет подвижник, если бы Он постоянно ходил по земле хотя бы в такой славе, какую показал Своим ученикам на святой горе? [4, с. 258]. Между тем этот виденный учениками свет является лишь небольшой частицей той вечной славы, которая по существу принадлежит Христу, ибо «Он – сияние славы Отчия и образ Ипостаси его и во свете жи-

вый неприступнем» [3, с. 129; 4, с. 258]. Поэтому апостолы, прежде видевшие славу и Божественное достоинство своего учителя в чудотворной Его силе, теперь, увидев сияние Его тела и одежд, могли сказать: «Видехом славу Его, славу яко Единородного от Отца» (Ин. 1,14) [5, с. 150].

При этом же знаменитом событии в земной жизни Христа Спасителя апостолы получили еще одно несомненное свидетельство о Его Богосыновстве, а именно – голос Отца Небесного: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих», и призыв к послушанию Ему – «Того послушайте» (Мф. 17,5) [3, с. 129; 5, с. 149].

Таким образом, Преображение Господа нашего Иисуса Христа на Фаворе является, по мысли святого отца, непререкаемым свидетельством единства Сына Божия с Богом Отцом по существу, а не по благодати, что Христос есть Ипостасное Слово Отчее [2, с. 56], Божия Премудрость [2, с. 106] и Вечная Истина [2, с. 82]. Поэтому святитель постоянно старался утвердить свою паству в вере, что Спаситель наш «не простой Человек, но Сын Божий и Бог, Царь и Царев Сын» [5, с. 279]. Вот что, в частности, он пишет, когда утешает опечаленную душу, согрешившую и кающуюся: «Благодарим Тя, Человеколюбче, Единородный Сыне и Слове Божий, что Ты нам так сладкую и утешительную весть от Отца Своего Небесного принесл, и тою сердца наша, ядом древнего змия огорченная,

уладил! Веруем в Тя, Сына Бога Живого, и пославшего Тя Небесного Твоего Отца; и Тобою, Иже еси Путь, Истина и Живот, к Нему прийти надеемся, и славити Тя на веки бесконечные со Отцем Твоим и Святым Духом» [4, с. 25].

В своем обширном сочинении «О истинном христианстве» Задонский Архипастырь в каждой статье и каждой главе проводит ту мысль, что наше спасение совершено именно Единородным Сыном Божиим, Господом славы, Эммануилом. Будучи равночестным Отцу Царем и Богом невидимым, непостижимым, вечным, Он благоволил явиться в мир в смиренном человеческом образе во всем подобным нам, кроме греха, чтобы вернуть заблудшее человечество к Своему Небесному Отцу [3, с. 141]. Поскольку только Сам Творец мог возродить растленное человеческое естество, даровать ему прежнюю чистоту и святость, то вот Сын Божий, Второе Лицо Святой Троицы, как учит святитель Тихон, принимает на Себя этот спасительный подвиг и воплощается [1, с. 23].

Таким образом, Сын Божий стал Богочеловеком и, тем самым, дал не только возможность приближения твари к Творцу, но и соединил эти две бесконечно удаленные друг от друга природы в одном Своем Богочеловеческом Лице [3, с. 141; 4, с. 283].

Задонский Подвижник прямо называет Спасителя своим Создателем и Промыслителем и подчеркивает тем самым Его единосушие с Небесным Отцом [4, с. 238]. Слова

Священного Писания, с которыми он обращается в своей молитве к Христу Спасителю, также говорят о том, что Воплотившийся Христос есть именно Тот, Которому Серафимы и Херувимы, предстоя со страхом и трепетом, поют: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф», к Которому стремится душа человеческая, как «елень на источники водные» (Пс. 41,2) [4, с. 228], что Он есть «Камень краеугольный, избран, честен, и веруяй вонь не постыдится» (Ис. 28,16; Пс. 117,22; Мф. 21,42; Деян. 4,11; 1 Петр. 2,6) [5, с. 275].

Очень трудно, практически даже невозможно отметить все те места из письменных творений этого великого Светильника Русской Церкви, в которых он говорит о Божестве Спасителя мира, потому что каждое письмо Святителя, каждая проповедь, каждый абзац его сочинений говорят о том, что Христос не просто посланник и помазанник Божий, но Бог [5, с. 150], Царь неба и земли [4, с. 219, 222, 253; 5, с. 274 и мн. др.].

Так поругание и бесчестие, совершенные над Христом беззаконными иудеями, святой отец прямо считает поношением Бога, потому что «хула тая всему Лицу приключилася, Которое есть Бог и Человек, Христос бо есть совершенный Бог и совершенный Человек» [4, с. 271]. Пречистая душа Христова страдает не столько от телесного бичевания и распятия, сколько от того, что «в Нем Бог хулим и поругаем был» [4, с. 271]. «Пречистая кровь, на кресте пролитая, чья она? Простого ли чело-

века? Никак, - говорит святитель, - но кровь Господа и Бога и Спаса нашего, воплотившегося ради нас и «стяжавшего» нас Кровию Своею» (Деян. 20,28) [4, с. 23].

Итак, святой Тихон Задонский излагает учение о Божестве Иисуса Христа, как об истине, имеющей первостепенное значение для спасения и восстановления человеческой природы [1, с. 23; 2, с. 86; 4, с. 136-137 и 142]. Христос Спаситель является истинным Богом, Вторым Лицом Святой Троицы [3, с. 187] и, как было уже отмечено, обладает всей полнотой Божественных совершенств [1, с. 56; 2, с. 321; 3, с. 73; 5, с. 276]. Основываясь на многочисленных свидетельствах Священного Писания [4, с. 13], святитель Тихон показывает, что Сын во всем равен Отцу, неотделим от Отца. «Слово Отчее - Христос - сособствен и соприносущен Богу Отцу, Единородный Сын Его, Царь и Царев Сын, сый в недрах Отчих» [4, с. 317].

4. ИПОСТАСНОЕ ОТЛИЧИЕ СЫНА БОЖИЯ ОТ БОГА ОТЦА

Анализируя сочинения Задонского Подвижника, нельзя не заметить, что в учении о Божестве Иисуса Христа он чаще всего подчеркивает единосущие Сына Божия с Богом Отцом, тогда как об Ипостасном отличии от Бога Отца и Бога Духа Святого, то есть о Его личном свойстве рожденности, говорит значительно меньше. И этому есть свои причины.

Будучи глубоко убежденным в православном, святоотеческом понимании этого учения [1, с. 23], святитель считал вполне достаточным сказать относительно Ипостасного различия Лиц Святой Троицы, что Спаситель мира, Господь наш Иисус Христос, являясь истинным Богом, является в то же время и Сыном Божиим [4. С. 231], будучи Царем небесным, является и Сыном Царя Небесного [4, с. 25; 5, с. 279]. Такого рода указаниями преисполнены сочинения святого Тихона. При этом он не ставил терминологического акцента на личном свойстве Второй Ипостаси, а именно на Его рожденности, в отличие от нерожденности Отца и исхождения от Отца Святого Духа, потому что этот Светильник Церкви, в отличие от древних защитников Православия Афанасия и Кирилла Александрийских, Василия Великого, Григория Богослова и других – не вел догматических споров и направлял свое духовное слово не на борьбу за Православие среди еретиков, а на борьбу за чистоту нравов среди православных, поэтому и вся его христология более нравственного характера, чем догматического.

Например, указывая на Второе Лицо Святой Троицы, он говорит не об отношении Его к Отцу и Духу Святому, а о цели пришествия Его на землю. «Свет от Света, Бог истинный от Бога истинного явился на земли и просветил во тьме и сени смертной сидящая» [5, с. 78]. Так, в частности,

он говорит и о Боге в Трех Лицах: «Свет Отец, Свет Сын, Свет и Дух Святой – Свет вечный и незаходимый...», а затем раскрывает не личные Их свойства, но спасительный Их Промысл, то есть излагаемое им учение сводит к тому, чтобы призвать грешника к покаянию и не допустить его до отчаяния. «Не бойся, не отчаивайся, бедный грешниче! – утешает подвижник, - Христос, Сын Бога Живого... от Отца Своего Небесного посланный, пришел тебя спасти и в Небесное Свое Царство привести» [4, с. 25]. И далее, как обычно, подтверждает свои слова Священным Писанием: «Прииде Сын Человеческий взыскати и спасти погибшего» (Лк. 19.10), или: «Тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть, да всяк веруяй в Онъ, не погибнет, но имать живот вечный» (Ин. 3,16) [4, с. 25].

Между тем, при основательном изучении и глубоком осмыслении учения святого Тихона нетрудно убедиться, что он, согласно с учением Православной Церкви о Втором Лице Святой Троицы, учит и о том, что Сын Божий рождается от Отца и есть отличная от Него Ипостась. По Своей же неизреченной любви и благоволению Отца Небесного [4, с. 231] Он (Сын Божий) для воссоздания падшей человеческой природы принял ее на Себя [4, с. 281] и, таким образом, спас род человеческий [1, с. 23].

Так, в своем фундаментальном труде «О истинном хрести-

анстве» богомудрый отец пишет: «Христианская должность к Богу принадлежит и Христу, понеже Христос есть Бог, Второе Лицо Пресвятыя Троицы, со Отцем и Святым Духом покланяемый» [3, с. 187]. Здесь, как видно, святитель подчеркивает как единство Божественной Сущности, так и различие Лиц Святой Троицы. В другом месте он отмечает не беспричинность бытия Сына Божия, то есть Его рождение от Отца. Как Свет от Света, Бог истинный от Бога истинного, Он прежде всех век неизреченно воссиял от Безначального Отца, «рожденный, не сотворенный, единосущный Отцу, Имже вся быша» [1, с. 27]. Вместе с тем рожденность Сына, учит святой отец, не может служить поводом к отрицанию Его безначальности, потому что само бытие у Них (всех Трех Лиц Святой Троицы) общее [5, с. 276]. И хотя Сын рожден от Отца, но Отец не первоначальнее Сына, Они «собезначальны» [3, с. 164] друг другу. Рожденный вне времени от Отца без матери и в определенное время родившийся от Матери без отца «есть Бог безначальный», хотя и младенчествовал, и жил на земле как человек [4, с. 251]. Мысль о том, что рождение Сына от Отца вечно и безначально, святитель проводит во множестве других мест в своих произведениях, хотя, на первый взгляд, эти места и не относятся прямо ко Второму Лицу Живоначальной Троицы. Так, говоря о Боге Едином по природе,

но Троичном в Лицах, он называет Его непостижимым, неизменяемым и вечным [2, с. 321; 5, с. 276]. Вечность Триипостасного Божества, в данном случае, никак нельзя относить только к Отцу, потому что Естество всех Трех Лиц одно, а, значит, и вечностью обладают Они в равной мере [5, с. 203]. В другом месте, обращаясь ко Христу Спасителю и выражая Ему свои чувства благодарности за Его всеблагостью Промысл о человеке, святой Тихон говорит: «Все, что пребывает, то зависит от святого хотения и всемогущей силы Твоей. Ты же (Сам) как без начала пребываешь, так и без конца будешь и не можешь не быть» [4, с. 227].

Таким образом, говоря о рождении Сына от Бога Отца прежде всех век, святитель показывает, что Его рождение не во времени, но безначально. Отец, являясь причиной бытия Сына, не из небытия вызвал Его к бытию, но из Своей сущности неизреченно и непостижимо рождает Его вечно и безначально. Поэтому Сын Божий и является «сиянием славы и образом Ипостаси Отчей» [4, с. 258], «живой Премудростью и Силой» [2, с. 106], «Ипостасным Словом» [2, с. 56], «существенным совершеннейшим и живым образом невидимого Бога» [4, с. 265].

Итак, предвечное рождение Сына Божия от Отца является актом, происходящим вне времени и без всякой причины или побуждения. Бог Отец, рождая Сына, нисколько не умаляет Своей при-

роды и ничего не прибавляет к ней, также и Сын никогда не имел какого-нибудь недостатка и, рождаясь от Отца, не отделяется от Него, а вечно пребывает в «лоне Отчем» [4, с. 317]. С другой стороны, Сын Божий, неотделимо и неразлучно рождающийся от Отца и вечно в Нем и с Ним пребывающий, имеет, однако же, Свою Ипостась, отличную от Ипостаси Отчей [3, с. 41-42, 221].

Поскольку святитель Тихон, как уже отмечалось выше, говоря о Втором Лице Святой Троицы, останавливает внимание христианина в основном на необходимости нравственного возрождения, основанного на спасительном подвиге Господа нашего Иисуса Христа, то и его учение об ипостасном отличии Сына Божия от Бога Отца удобнее всего рассматривать именно с этой точки зрения.

Сочинения святого отца преисполнены указаниями, что спасение рода человеческого совершено Богом, Творцом человека, притом постоянно святитель замечает, что Спаситель наш, страдавший за нас, воскресший и вознесшийся на небо, есть именно Сын Божий, Богочеловек, а не Бог Отец [4, с. 317], то есть Господь наш Иисус Христос является истинным Богом, единым по существу с Отцом, и имеет Свою, отличную от Отца, Ипостась [1, с. 23; 3, с. 221; 4, с. 240 и др.].

Так, когда пришло время искупления и воссоздания человечества, «Своим святейшим

благоволением Ты послал к нам Единородного Своего Сына», - восклицает святитель, - Который, облекшись в подобообразную нам плоть и став Богочеловеком, исполнил предначертания предвечного совета Святой Троицы о нашем спасении [4, с.231].

Прославляя долготерпение Христово, Его человеколюбие и благодать, Задонский Подвижник призывает христианина к правильному пониманию великой тайны, что во Христе «видится Божественный и прелюбезный нрав Отчий», что Он есть «образ невидимого Бога, Который “солнце Свое сияет на злые и благие и дождит на праведных и на неправедных” (Мф. 5,45)» [4, с. 265]. Никто от человек не мог бы стерпеть того, что претерпел Христос за наше спасение. «Скоро кротость и терпение человеческое пременяются», но Христос Спаситель с любовью перенес все страдания и муки и тем самым ясно показал, что Он есть Единородный Сын Небесного Отца, «сияние славы Отчия и образ Ипостаси Его» [4, с. 265].

Таким образом, из этих немногих высказываний Воронежского чудотворца ясно видны указания на то, что Богочеловек Христос Спаситель по природе равен Отцу, но имеет Свою Ипостась, которая и является Вторым Лицом Пресвятой Троицы – Сыном Божиим [1, с. 23].

Далее нужно отметить, что святой отец для более сильного побуждения грешника к покая-

нию чаще всего говорит о Спасителе как о Боге, что Сам Он и Творец, и Спаситель наш, а на ипостасное отличие Сына от Отца указывает лишь кратко, что Воплотившийся есть Сын Божий. «Явился во плоти Сын Божий и за нас, проклятых от закона, учинился клятвою, един «благословенный во веки» (Рим. 9,5) [3, с. 221]. «Что Бог мог соделать более нам, когда и Сына Своего ради нас не пощадил? Но мы всю тую Его благодать пренебрегаем» [5, с. 22]. Например, говоря о Боге как избавителе и хранителе ветхозаветного иудейского народа, святитель называет Его Богом Авраама, Исаака и Иакова, что Он же явился Моисею в купине, огнем горящей и не сгораемой, а затем, поразив Египет язвами, вывел людей Своих через море и дал им закон, на скрижалях написанный. Тот же Бог, Который посылал пророков Своих в мир для проповеди о грядущем Спасителе, наконец, Сам пришел к нам «во образе, подобном нам», «Бог во плоти явися» (1 Тим. 3,16) [4, с. 240]. Задонский Архипастырь рассматривает промыслительное действие Божие о нашем спасении как единое действие Святой Троицы в целом. Хотя, без сомнения, что во плоти явилось именно Второе Лицо – Сын Божий, однако же – благоволением Отца и действием Святого Духа [3, с.221].

Так же святой отец не выделяет личность Сына Божия из нераздельного действия всех

Лиц Святой Троицы, когда говорит, например, о беспредельном милосердии Божиим и неизреченной Его любви к роду человеческому, что Он избавил нас от такого великого бедствия – дьявольского порабощения, и привел нас Своею благодатию в такое высокое достоинство, «какого ум наш постигнуть не может» [3, с. 403]. Совершенно ясно, что такую великую милость Отец Небесный подает нам ради спасительного подвига Христова и не иначе как только Духом Святым, хотя этого святой отец и не отмечает. В большинстве других случаев он лишь кратко подчеркивает, что Христос Спаситель есть не только Бог, но именно Сын Божий, то есть Второе Лицо Святой Троицы.

Так в описании цели пришествия Его на землю Задонский Учитель пишет: «Христос, Сын Бога Живого, Царь и Царя Небесного Сын возлюбленный и едиnorodный, от Отца Своего Небесного посланный, пришел тебя спасти и в Небесное Свое Царствие привести: «Прииде Сын человеческий взыскати и спасти погибшего». «Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть, да всяк, веруяй в Онъ, не погибнет, но имать живот вечный» (Лк. 19,10; Ин. 3,16) [4, с. 25]. Та же мысль содержится и в дальнейшем повествовании богомудрого отца, когда он выражает чувство благодарности Господу нашему Иисусу Христу за Его бесценный дар, то есть помилование и

вечную жизнь, дарованные роду человеческому Отцом Небесным ради крестных страданий Своего возлюбленного Сына. Святитель пишет: «Христос, Сын Божий, великого совета Ангел, пришел к нам, изгнанным и осужденным, и принес пресладкую от Небесного Своего Отца весть и объявил нам, что Бог прощает нас и паки в милость Свою приемлет... Благодарим Тя, Человеколюбче, Единородный Сыне и Слове Божий, что Ты нам так сладкую и утешительную весть от Сына Своего Небесного принесл... Веруем в Тя, Сына Бога Живого, и в пославшего Тя Небесного Твоего Отца, и Тобою, иже еси Путь, Истина и Жизнь, к Нему прийти надеемся и славить Тя на веки бесконечные со Отцем Твоим и Святым Духом! "Буди, убо, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя"» (Пс. 32,22) [4, с. 25-26].

Особенно же четко это учение отражено в тех местах сочинений святителя, где он описывает страдания Богочеловека. Пречистая душа Спасителя более всего уязвлялась тем, что посмеяны и поруганы в Нем были тело и душа не простого человека, но воплотившегося Ипостасного Слова Божия, Которому со страхом и трепетом предстоят Херувимы и Серафимы [3, с. 41-42; 4, с. 271]. В другом месте мы читаем: «Судия живых и мертвых от беззаконных судей неправедный суд терпел... Сын Божий осуждение на смерть, заплевания, по ланитам ударения и различные мучения претерпел...

Бессмертный крестною смертию подвиг Свой, нашего ради спасения воспрятый, заключил» [3, с. 131]. И далее во всех подобных выражениях святитель Тихон не упускает случая указать на это важнейшее положение христианского вероучения, что страдания «во плоти пришедшего» именно Сына Божия имеют непреходящую и непревзойденную ценность в деле воссоздания падшего человеческого естества и дарования ему возможности Богообщения. В своем исповедании и благодарении Христу, Сыну Божию, Спасителю мира, угодник Божий чуть ли не в каждой строчке выражает свое благоговейное удивление «великой благочестия тайне», как ради погибшего человека Сам «Бог во плоти явился» (1 Тим. 3,16). «О, Боже мой, Господи мой и Творче мой! Мне бы должно было прийти к Тебе, яко преступнику закона Твоего, и пасти, и повергнуть себе пред Тобою, и со смирением просити прощения у Тебе и молить Тя, и искати у Тебе милости: но вот Ты Сам пришел ко мне, окаянному и непотребному рабу Твоему... Пришел, Владыко мой, ко мне и посетил человеколюбием Своим. Слыши, душе моя, и внимай!...» [5, с. 247].

Далее святой отец, останавливая внимание на отдельных моментах земной жизни Богочеловека, также указывает на Его Богосыновство. Родился в определенное время от Девы – Матери Тот, Который прежде всех век рожден от Отца без матери.

Повивался пеленами и, как Младенец, «млеко питался и в объятиях Матерних носился» в то же время, как Вседержитель, покрывал небо облаками и одевался светом, как ризой, то есть оставался Промыслителем созданного Им мира. Изволил алкать, жаждать, странствовать, «не имея где главу подклонити» (Лк. 9,58), везде Сый и вся исполняя. «И так тридцать три года и более на земли пожил, - восклицает святитель, - и трудился мене ради, раба Своего, Сыне Божий, Отческих недр не разлучаясь и Престола херувимского не оставляя» [5, с. 248]. Такие же мысли звучат в словах Задонского Подвижника, когда он, оплакивая глубокое растление человеческого естества и ожесточенность грехолюбивого сердца, упоминает о неблагодарности человечества к своему Спасителю. «Но посмотри, душе моя, как Царя Небесного сретили поддании Его, как приняли раби Господа своего, как почтили Бога своего Воплотившегося людие Его... Ах, стыд покрывает лице мое, ужас содержит сердце мое, и язык трепещет говорити!.. Евангелист святыи с жалостию вопиет к нам: “Во своя прииде и свои Его не прияша” (Ин. 1,11), и отвергошася, глаголюще: “Не хотим, да сей царствует над нами!” (Лк. 19,14). Страшен и жалок слух! Бог во плоти пришел к людям Своим, и не прияша Его. Царь и Господь пришел к подданным рабам Своим, и отвергошася Его. Слыши, небо, и внуши, земле: люди Бога

своего и раби Господа своего, и поддании Царя своего не прияша!.. О, Боже мой!.. О, лютости и неблагодарности человеческия! О, благи и долготерпения Твоего, Господи!» [5, с. 249].

Таким образом, из рассмотренных выше слов святого Тихона можно видеть, что он достаточно ясно раскрывает учение о Сыне Божием, Спасителе мира, что Христос есть истинный Бог, Второе Лицо Святой Троицы [3, с. 187].

Рассмотрение христологических воззрений святого Тихона Задонского можно закончить словами самого святителя, молитвенно обращенными ко Христу Спасителю: «О, милостиве, благоутробне, о, человеколюбче!.. Великое Ты сделал дело и уму моему непонятное, что Ты, Господь, Царь небесе и земли, сшел с небес и воплотился от Девы Богородицы и пострадал, и распялся, и кровь Свою изливал ради мене, раба Своего, - велико, воистину велико и дивно! Верую, и исповедую. И признаю, и проповедую, и удивляюсь толикой ко мне, грешному, благи Твоей и человеколюбю... Сделай со мною, грешным, и сию милость Твою, молю Тя со смирением, Человеколюбче, Любителю мой... да, всеконечно спасся Твоею благодатию, воздам Тебе благодарение лицом к лицу со избранными Твоими, и воспою, и восхваляю, и прославляю Тя со безначальным Твоим Отцем и Пресвятым Твоим Духом в бесконечные веки в Небесном Твоем Царстве» [5, с. 252].

Смирѣннѣишій Тихонъ,
Святъ Воронежскій

ЛИТЕРАТУРА

1. Сочинения преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого: В 15 томах. – М., 1860.
2. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского: В 5 томах. – М., 1898-1899.
3. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского: В 14 книгах, или в 4 томах. Приложение к «Русскому Паломнику». – СПб., 1907-1908.
4. Наставление христианское иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Прибавление: О взаимных должностях христианских. – СПб., 1833.
5. Краткие нравоучительные слова иже во святых отца нашего Тихона Задонского. – СПб., 1856.
6. Святитель Тихон Задонский и его подвиги // Воронежская старина. – 1908. - Выпуск 8. – С. 97.

Ф.И. ТЮТЧЕВ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФИЛОСОФ: КОНЦЕПЦИЯ ТЕАТРА СИМВОЛОВ

Категории символа и символического имеют давнюю историю. Если наметить ее схематично, можно увидеть, чем нововременное понимание символического, которое оказывало заметное влияние на осмысление политики (и, вероятно, оказывает до сих пор), принципиально отличалось от античного и средневекового. Восходя к древнегреческому «σύμβολον» и далее – к глаголу «συνβάλλω», само слово подразумевает в своем исходном смысле соединение, совпадение двух планов¹. Имеется в виду буквально предметное совпадение, соединение, ведь «σύμβολα» назывались у древних греков подходящие друг к другу по линии облома осколки одной пластинки, складывая которые, опознавали друг друга люди, связанные союзом наследственной дружбы². Однако, в философском осмыслении этот предметный, натуральный смысл символа приобретает онтологические черты, обозначая соединение двух планов бытия: идейного

– вечного и становящегося – временного. Как было показано А.Ф. Лосевым, черты онтологического символизма пронизывают всю досократическую философию, однако в наиболее основательном виде продумываются в платонизме (и получают окончательный вид в неоплатонизме, уже на закате античного мира). А.Ф. Лосев выражает сущность античного онтологического символизма, описывающего связь в символе мира идей и мира предметностей, в лаконичной формуле: «не важно, из чего "состоит" предмет; важна его сущность, символически данная в этом "составе"»³. После переосмысления Блаженным Августином платоновского мира идей как мыслей Бога, схожая, но уже личностная теология символа проникает в средневековую Европу. Коль скоро речь в средневековой теологии символа идет о мыслях живой свободной – Абсолютной Личности, платонизм ослабляется в ней тем, что «замысел», который сквозит в символах тварного мира, выполняющих все ту же

¹ См.: Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. - М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. - С. 1530-1531.

² Аверинцев С.С. София-Логос. Словарь. 2-е, испр. изд. - К.: Дух і Літера, 2001. - С. 157.

³ Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. - М.: Мысль, 1993. - С. 232.

роль соединения, не может быть прочитан и познан в его полноте. Для христианской теологии символа, которая сохраняет платоновский онтологизм, «символ есть знамение, требующее веры»⁴.

В эпоху Возрождения, которая стала прологом Нового времени, категория символа теряет свое онтологическое значение и приобретает значение, в первую очередь, эстетическое⁵. На первый план выходит художник как создатель и толкователь символов, по аналогии с земным художником мыслится и Сам Творец. С этого момента в теории символа начинают конкурировать и бороться между собою онтологическое и эстетическое понимание символа. Своеобразного баланса эта борьба достигает в трудах романтиков, и, в первую очередь, Шеллинга, который видел в символе синтез аллегоризма и схематизма – как эстетического, так и онтологического, но эстетика в его символии все же преобладает: «Символ отличает он от схемы и аллегии. В схеме особенное созерцается через общее. У ремесленника есть схема изделия, в соответствии с которой он работает. Противоположность схемы – аллегория: здесь общее созерцается через особенное (единичное) < ... >. Совпадение общего и особенного есть символ»⁶. В совокупности с новым пониманием

символа и с шекспировской ренессансной убежденностью в том, что «весь мир – театр», в Новое время политика начинает мыслиться как «театр символов».

Этому символическому пониманию политической жизни симпатизировал также русский поэт, дипломат и религиозный философ Ф.И. Тютчев, который прожил на Западе 22 года, почти без связи с Родиной. Однако Федор Иванович не был подобострастным потребителем западной мудрости, но изначально занимал к ней свободное, если не сказать настороженное и критическое отношение. Примером такого трезвого отношения стала оценка Тютчевым событий Июльской революции 1830 года, событий, которые восхищали и вызывали энтузиазм у молодежи всей Европы и России. Тютчев же, в то время будучи еще совсем молодым человеком, «проводил различие между революцией как отпором незаконной власти и революцией как теорией, революцией, возведенной в право, в принцип. Он обличал в этой революции присутствие целого нового культа, целого революционного вероисповедания, которое, по его мнению, связывалось с общим историческим ходом философской и религиозной мысли на Западе. Потому Тютчев еще в 1830 году предсказывал последова-

⁴ Аверинцев С.С. Символика раннего средневековья (к постановке вопроса) // Семиотика и художественное творчество. - М.: Наука, 1977. - С. 324.

⁵ См.: Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. - М.: Мысль, 1998. - С. 53-55.

⁶ Гулыга А.В. Шеллинг. - М.: Молодая гвардия, 1984. - С. 153.

тельный ряд революций, – неминуемое наступление для Европы революционной эры». В итоге его символическая концепция политической жизни отмечена тем же колебанием между онтологизмом и эстетизмом, и наша задача заключается в том, чтобы выяснить, что в его политической философии преобладало.

Федор Иванович Тютчев очень любил театральные представления, разнообразнейшие спектакли ставились и у Тютчевых дома, в письмах он нередко пишет о деталях таких домашних постановок. Однако, наиболее величественной сценой, по Тютчеву, был театр самой истории, с обманчивой, убедительной или фальшивой игрой актеров. Вот, что он пишет в 1870 году А.Ф. Аксаковой: «Неминуемое объединение Германии, это пробуждение легендарного Фридриха Барбароссы, которого мы увидим живьем выходящим из его пещеры – сцена величественная и прекрасная, должен с этим согласиться, но я был бы в отчаянии, если бы мне пришлось стать ее зрителем... И подумать только, что постановке этого великолепного спектакля способствовал скоморох, именующийся Наполеоном III. В результате он окажется восстановителем империи, но только не своей, а империи вражеской. Не пройдет и месяца, как все эти вопросы будут решены. Повторяю, это сон...»⁷.

Или, к примеру, Тютчев пишет о роли России в европейских событиях, описывая ее появление подобно тому, как на сцене появляется новый актер: «третья сила, возникновение которой на театре действий разом решило вековую распрю европейского Запада»⁸.

Метафора театра, как видим, представляет собой и структуру происходящего, знаменующую, что внешняя сторона происходящего не исчерпывает его смыслов – за внешней стороной актерской игры находятся замысел, сценарий, репетиции, сценическая техника и т.п. – и сон, подразумевающий нереальность происходящего, его несущностный характер – в том случае, если мы решим рассматривать театр политики как самодостаточное явление.

Описание политики как спектакля свойственно мысли XIX века в целом. Так, например, пишет о политике один из главных оппонентов Тютчева маркиз де Кюстин: «Мысли о высоком предназначении этого народа, последним явившегося на старом театре мира, не оставляли меня на протяжении всего моего пребывания в России»⁹. Для Тютчева же, использующего для политики метафору театра, важно несовпадение между замыслом и происходящим на сцене. Событиями на сцене постановка не исчерпывается, между замыслом и его осуществлением неизбежно обнаруживается свое-

⁷ Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: В 6-ти томах. - М., 2002 – 2004. - Т. 6 - С. 390.

⁸ Там же. Т. 3. - С. 119.

⁹ Кюстин Астольф, де. Россия в 1839 году. Т. 1-2. - М., 2000. - Т. 1. - С. 20.

образный «люфт». Именно поэтому Сергей Лобанов полагает, что идея «театра символов» у Тютчева глубже, чем у Шеллинга¹⁰.

И, тем не менее, Тютчев постоянно ожидает политико-театрального представления; в 1867 году подчеркивает, имея в виду визит русского царя в Париж и называя происходящее «исторической фантазмагорией», что «провидение, действуя как великий артист, готовит нам один из самых поразительных театральных эффектов»¹¹. С опорой, видимо, на немецкий романтизм это тотальное лицедейство воспринимается Тютчевым со всей серьезностью: сама историософия и политическая философия становятся для него «философией жертвенного выбора между злом меньшим и злом большим. В этом контексте осмыслена Тютчевым судьба России и перспектива славянства»¹².

Какова же сценография политического спектакля и кому достались главные роли? Начнем с последнего. Главные участники политического представления – это личности и общности (среди которых ключевые – это «племена» – как бы природные общности, и «институты» – общности духовные) – то, что выше мы именовали историческими символами. Исторические символы суть своеобразные театральные маски политики.

Вот, например, что пишет Тютчев о политической роли Католической Церкви: «Как возможно промолчать о плодах политики, которую вел папский престол по отношению к братским нам по племени и языку народам, по воле рока отделенным от России. С полным правом можно сказать, что если латинская Церковь своими злоупотреблениями и крайностями пагубно влияла на другие страны, то для славянского племени она стала личным врагом на основании принципа своего бытия. Само германское завоевание было лишь орудием, покорным мечом в ее руках. Именно Рим направлял и обеспечивал удары. Везде, где Рим ступал на землю славянских народов, он развязывал смертельную войну против их национального духа. Он уничтожал или искажал его. Он опустошил народные силы в Богемии и развратил нравственный дух в Польше; такая участь ожидала бы и все остальные славянские племена, если бы на его пути не повстречалась Россия»¹³.

Однако, наибольший драматизм в эту сценографию вносит то обстоятельство, что это не просто спектакль, посмотрев который актеры покидают сцену, а зрители – свои места. Несмотря на фантазмагорический характер политических игр, дело идет о реальности, в которой сталкиваются не сами актеры, а силы Правды и Кривды,

¹⁰ Лобанов С. Тютчев: поэт, дипломат, философ // <http://www.pravaya.ru/idea/20/9900>.

¹¹ Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: В 6-ти тт. – М., 2002 – 2004. – Т. 6. – С. 241.

¹² Лобанов С. Указ. соч.

¹³ Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: В 6-ти тт. – М., 2002 – 2004. – Т. 3. – С.132-133.

Добра и Зла. На этой сцене любопытное место занимает история – как пишущийся и отыгрываемый сценарий, так и в качестве участницы событий. История – это не просто сценическая техника, кулисные машины, которые приводят в движение декорации: она сама на сцене в качестве исторической памяти: «Как политическая сила мы имеем в своих союзниках против Рима его историю, непрощенные обиды половины Европы и более чем справедливые недовольства нашего собственного племени»¹⁴. История небезучастна, историческое прошлое действует в настоящем. В сценографии Тютчева история защищает одних и обличает других: в качестве голоса, доносящего из глубины сцены или в качестве События, провозглашающего Замысел, события исторической истины.

Если говорить о сценарии политического представления, о Промысле, то автором здесь является Бог, Который на политическую сцену в качестве актера, разумеется, не выходит. Промысел, если мы вспомним о неизбежном «историческом люфте», представляет собой систему мест, набор ролей, соответствовать которым в точности ни один из актеров не в состоянии.

Вот как Тютчев объясняет соответствия между этими элемента-

ми, говоря о «распределении ролей» в истории, о превратностях истории православного Востока, о натиске со стороны латинян и азиатов: «Среди христиан на Востоке распространена поговорка, бесхитростно объясняющая этот факт; они имеют обыкновение говорить, что все Бог создал и устроил в Своем творении весьма хорошо, кроме двух вещей, а именно: Папы и Турка.

– Но Бог, – настойчиво добавляют они, – в Своей бесконечной премудрости восхотел исправить эти две ошибки, для чего и сотворил московского Царя»¹⁵.

При подобном взгляде на историю и политику может возникнуть впечатление отвлеченности, а то и фантастичности описанного. Тютчев это прекрасно понимает, однако настаивает: «эти пресловутые отвлеченные положения есть мы сами, наше прошлое, наше настоящее, наше будущее»¹⁶.

Поэтому не случайно то, что современные исследователи творчества Тютчева как социально-политического философа утверждают: «Все рассуждения Тютчева показывают, что в его сознании органически соединилась многовековая история со злободневной политической ситуацией»¹⁷. И некоторая фантастичность этого органического соединения не должна приводить в замешательство.

¹⁴ Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: В 6-ти тт. - М., 2002 – 2004. – Т. 3. – С. 133.

¹⁵ Там же. Т. 3. – С. 134.

¹⁶ Там же. Т. 3. – С. 137-138.

¹⁷ Лобанов С.С. Политическая философия Ф.И. Тютчева. Дисс. на соискание ученой степени кандидата философских наук. - М., 2001. - С.169.

Если вернуться к вопросу об онтологизме или эстетизме Ф.И. Тютчева в его истолковании политических реалий XIX века, то, делая выводы, следует сосредоточиться на одном важном моменте. Несмотря на развернутую театральную символику, которую использует Ф.И. Тютчев для описания политической действительности, ошибкой было бы думать, что театральная сцена и политические роли XIX века являются для него некоей плоскостью, лишенной «онтологического рельефа», сценарием, где все роли «онтологически равнозначны». Напротив, на этой сцене возможны возвышенные и пародийные роли, и сама сцена включает в себя диалектику поверхности и глубины, поверхностности и укорененности. В неопубликованном историко-философском труде «Россия и Запад» Ф.И. Тютчев пишет о такой весомой исторической фигуре XIX, как Наполеон: «В связи с Наполеоном занимались словопрением. Историческая реальность осталась неопознанной, вот почему и Поэзия осталась незамеченной. Это кентавр – наполовину Революция, наполовину... Но своим нутром он тяготел к Революции. История его коронования – это символ всей его истории. Он в своем лице заставил Революцию короноваться. Это и превратило его царствование в серьезную пародию». И да-

лее: «Наполеон – это серьезная пародия на Карла Великого <...>. Не чувствуя за собой собственного права, он всегда играл роль»¹⁸.

Итак, здесь перед нами «метафорическая» и «театральная» терминология: пародия, роль, символ, Поэзия. Однако, этот отрывок показывает, что Поэзия, которая скрывается за исторической реальностью, заметить которую можно лишь при ее распознавании, обладает различными степенями исторической укорененности. «Пародия» выражает преобладание Кривды, она разворачивается на поверхности и лишена онтологических корней. Важно то, что пародийность наполеоновской империи связана у Тютчева с отсутствием фундамента «законности», прочных исторических корней, христианских традиций и Богопослушания¹⁹. Сходным образом в 1813 году святитель Филарет (Дроздов) так охарактеризовал Наполеона: «Непорфированный царь, возжелавший быть еще непомазанным пророком»²⁰. Именно с этим отсутствием законного основания связана необходимость играть роль, прибегая к вполне реальным подлогам, подменам, лицедейству и актерству. Таким был исторический Наполеон: «Царствовать – значит играть роль, – заявлял Бонапарт. – Государи всегда должны быть на сцене»²¹.

¹⁸ Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: В 6-ти тт. - М., 2002 – 2004. - Т. 3. - С. 196-197.

¹⁹ Там же. Т. 3. - С. 468, прим.

²⁰ Цит. по: Гуминский В. Гоголь, Александр I и Наполеон // Наш современник. - 2002. - № 3. - С. 220.

²¹ Коленкур Л., де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. - М., 1943. - С. 346.

Таким образом, по Ф.И. Тютчеву, сама схема «театра символов», обладающая на поверхности всеми свойствами эстетизма, сама является знаком времени, указывающим на определенную онтологию истории. Ровно настолько, насколько политика театральна, настолько она и оторвана от онтологических оснований, которые хранятся, по Ф.И. Тютчеву, лишь в историософском фундаменте Империи. Империя – это преемство. Тютчев лаконичен и прям: «Что такое империя? Это передача полно-

мочий < ... >. Сии права теряются, как только полномочия отменяются, - их утрачивают вместе с Империей. Так именно и произошло с Римом»²². Это преемство означает не что иное, как связь времен. Империя – это сама онтологическая связность истории, сама возможность замыслу в ней проявиться.

Сегодня, в эпоху политики как все усугубляющейся игры подобию, ролей и пародий, онтологическая политическая философия Ф.И. Тютчева представляется особенно актуальной.

Федор Иванович Тютчев
(1803 – 1873 гг.)

²² Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: В 6-ти тт. - М., 2002 – 2004. – Т. 3. - С.188.

Протоиерей Алексей ПЕНЬКЕВИЧ,
кандидат богословия

НИКОЛАЙ НИКАНОРОВИЧ ГЛУБОКОВСКИЙ
(1863-1937 гг.)
И ЕГО ТРУД «БЛАГОВЕСТИЕ ХРИСТИАНСКОЙ
СВОБОДЫ В ПОСЛАНИИ СВЯТОГО
АПОСТОЛА ПАВЛА К ГАЛАТАМ»

Рыдающийся русский богослов Николай Никанорович Глубоковский родился в 1863 г. в Вологодской губернии в семье бедного сельского священника, окончил духовное училище и семинарию в Вологде, а в 1889 г. – Московскую Духовную Академию. Будучи преподавателем Воронежской Духовной семинарии, в 1891 г. защитил магистерскую диссертацию «Блаженный Феодорит Киррский: его жизнь и литературная деятельность»; работа принесла ученому мировую известность. В том же году Н.Н. Глубоковский был приглашен на кафедру Священного Писания в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, где состоял профессором более 25 лет. Основной работой Глубоковского стало трехтомное исследование «Благовестие святого апостола Павла по его происхождению и существу». Первый том вышел в 1905 г., второй – в 1910, третий – в 1912 г. Этот огромный труд был справедливо назван энциклопедией знаний по данному вопросу. В основе первого тома – докторская диссертация, защищенная автором в 1897 г. под тем же названием. В 1904 г. после смерти А.П. Лопухина, Николай Никанорович продолжил дело покойного, став редактором Православной Богословской энциклопедии (начиная с 6-го тома), первого в Российской империи издания подобного рода. В 1909 г. Глубоковский был избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук по отделению русского языка и словесности.

В 1919 г., с упразднением Духовной Академии, ученый перешел в только что образованный Петроградский богословский институт и одновременно преподавал в Петроградском университете.

В 1921 г. Глубоковский поселяется в Финляндии, вскоре переезжает в Прагу, где возглавляет кафедру Священного Писания. Затем читает лекции в Белграде, а с 1923 г. стал профессором Богословского университета в Софии. В 1925 г. его избрали членом-корреспондентом Болгарской Академии наук. Живя за рубежом, Николай Никанорович никогда не порывал духовной связи с традициями русских богословских школ, которым посвящал свои труды¹. Вся свою жизнь ученый работал над «Библейским

¹ Мень А., прот. Глубоковский // Словарь по библиологии. Т. 2. – Загорск, 1985. – С. 10-11. [Авторская машинопись. Фонды библиотеки Санкт-Петербургской Духовной Академии].

словарем». Долгое время этот труд считался утерянным и впервые был опубликован в 2007 г. Скончался Н.Н. Глубоковский в Софии в 1937 г.

Как уже отмечалось, благовестие апостола Павла во многих его аспектах стало одним из ведущих направлений многогранной научной деятельности профессора Н.Н. Глубоковского. В его докторской диссертации дается православный и одновременно научно обоснованный ответ на многочисленные протестантские гипотезы об истоках «павлинизма», в противовес которым автор высказывает убеждение, что апостол Павел был не извратителем, а истинным продолжателем дела Христова, что его благовестие «по существу своему – это благовестие Христово» и что обращение апостола не исчерпывается его «религиозными переживаниями», а тесно связано с прямым Откровением Божиим, данным ему как пророку и благовестнику.

В русле данных исследований и непосредственным их продолжением выступает рассматриваемая книга Н.Н. Глубоковского «Благовестие христианской свободы в Послании святого апостола Павла к галатам» (СПб., 1902; 2-е изд.: София, 1935; репринт: 1999).

История замысла такова. В 1891 г. Н.Н. Глубоковский, в то время ново назначенный доцент Санкт-Петербургской Духовной Академии по кафедре Нового Завета, получил благословение попечителя Академии митрополита Новгородского, Финляндского и Санкт-Петербургского Исидора (Никольского, + 1892 г.) избрать для лекционных чтений в Академии именно Послание к Галатам. Святитель желал «потом видеть конечную обработку этих чтений в печати»². «Считая для себя безусловно обязательным такой завет этого великого святителя, – пишет Н.Н. Глубоковский, – который обеспечил мне самое назначение в Академию, я в 1892-1894 гг. занялся названным Посланием, закончив в 1895 г. ... свои первоначальные записи. Последние читались постепенно студентам с 1892 года. В конце 1895 г. я сокращенно переработал их и ввел в свой общий курс»³. В расширенной редакции работа была напечатана в журнале «Странник» (1902, №№ 5-8), и в том же году вышла отдельным изданием с посвящением памяти митрополита Исидора.

Книга вызвала широкий отклик у российской и мировой научной общности. Учебным Комитетом при Священном Синоде она была «рекомендована в качестве учебного пособия при преподавании Священного Писания в духовных семинариях»⁴. Работа была удостоена от Священного Синода по представлению Санкт-Петербургской Духовной

² Глубоковский Н.Н. Записная книжка с биографическими и библиографическими заметками. 1913, 453 л. – Отдел Рукописей Дома Плеханова, Российская Национальная Библиотека (СПб.), РНБ АДП, фонд 194, опись 1, дело 21, лист. 255.

³ Глубоковский Н.Н. Благовестие христианской свободы в Послании святого апостола Павла к Галатам. – София, 1935 (Репринт: М., 1999). – С. 212.

⁴ Церковные Ведомости. – 1902. – № 40, 5 октября. – С. 327, стлб. 1, под № 36.

Академии полной премии имени Высокопреосвященного митрополита Макария (1904)⁵. Советом Московской Духовной Академии Н.Н. Глубоковский был представлен также на соискание двойной премии Преосвященного Михаила (Лузина), но его кандидатуру отклонили, т.к. он стал обладателем большей премии от СПб. ДА⁶.

Фрагмент книги (28 страниц) был переведен на английский язык и опубликован в Нью-Йорке⁷. Из зарубежных отзывов можем указать следующие: Aurelio Palmieri в бельгийском журнале «Revue d'Histoire Ecclésiastique», 1902, № III, 4. Перевод с французского осуществлен А.А. Бронзовым и опубликован в журналах «Церковный Вестник» (1902, № 46) и «Странник» (1902, № 12); свои отзывы опубликовали генерал-лейтенант А.А. Киреев в бернском журнале «Revue internationale de théologie (1903, № 41); геттингенский профессор G.N. Bonwetsch («Theologischer Literaturblatt », 1903, № XXIV, 3); католический немецкий священник F. Lann «Theologische Revue», 1903, № II, 8); l'abbé Scriveç («Časopis katolickeho duchovenstva», 1905, № XLVI, 1 – по-чешски и по-латыни).

В российских печатных изданиях положительные отзывы дали председатель Учебного Комитета при Священном Синоде прот. П.Смирнов («Прибавления к Церковным Ведомостям», 1902, № 28); проф. СПб. ДА А.А. Бронзов («Русский Паломник», 1902, № 34); проф. А.П. Лопухин («Церковный Вестник», 1902, № 44, там же – отзыв проф. П.С. Смирнова); проф. А.И. Введенский («Московские Ведомости», 1902, №№ 4-5)⁸.

Наиболее подробный отзыв дал по поручению Совета СПб. ДА проф. А.А. Бронзов («Журнал Совета Санкт-Петербургской Духовной Академии за 1902/3 учебный год» при «Христианском Чтении», 1903, №№ 7-8), высоко оценивший работу Н.Н. Глубоковского и отметивший ее важность для выяснения нравственного мировоззрения апостола Павла, заключающегося в Послании к Галатам, и догматических предпосылок этого мировоззрения. Рецензентом отмечалось, что рассматриваемый труд представляет собой единственный в отечественной богословской литературе серьезный опыт выяснения библейской этики вообще и этических принципов, содержащихся в той или иной библейской книге в частности.

На страницах того же печатного органа выступил проф. священник Александр Рождественский, критические замечания которого своди-

⁵ Церковные Ведомости. – 1904. - № 18-19, 6 мая. – С. 237; Странник. – 1904. - № 6. – С. 964; Исторический Вестник. – 1904. - № 7. – С. 331; Revue d'Histoire Ecclésiastique. – 1905, 15 janv. – P. 275.

⁶ Журнал собраний Совета Московской Духовной Академии, за 6 февраля 1903 г.; Богословский Вестник. – 1904. – С. 40 и 60.

⁷ The Gospel of St. Paul in its Substance and in its Relation to the Law according to the Epistle to the Galatians by Professor N. Gloubokovsky, of the Ecclesiastical Academy // The Church Eclectic. – New York. – 1904. – № XXXIV, 2. – P. 97-114.

⁸ Авторы многих отзывов зачастую указывали лишь свои инициалы. Расшифровка имен проводится по материалам записной книжки Н.Н. Глубоковского, внимательно следившего за появлением в печати отзывов о своих работах. РНБ АДП, фонд 194, опись 1, дело 29, листы 258-261.

лись к следующему: некорректное толкование (прочтение) отдельных мест, «почти полное отсутствие в книге намеков на предварительную работу по установке подлинного и неповрежденного текста послания»; стилистические погрешности, в частности, не всегда оправданная тяга к словотворчеству; подвергалась сомнению самостоятельность выводов I главы книги, «где автор собрал из английской литературы много новых данных». Ученому был сделан упрек и относительно того, что в тексте почти отсутствуют ссылки на важнейшие из новых комментариев, хотя «совершенно очевидно, что автор имел в виду работы своих предшественников по толкованию Послания святого апостола Павла к Галатам и брал из них только лучшее». В целом же рецензент поддерживал мнение о том, что автор книги заслуживает Премии митрополита Макария.

В ответ Н.Н.Глубоковский выступил в печати с довольно резким по форме возражением на сделанные критические замечания⁹, считая, что «самозащита становится здесь нашею нравственною обязанностью для обеспечения самого послания от фальшивых перетолкований». На подробностях полемики мы остановимся при рассмотрении соответствующих мест книги Н.Н. Глубоковского, здесь отметим лишь, что резкость тона статьи стала причиной конфликта автора с рядом его коллег по СПб. Да во главе с ректором епископом Сергием (Старгородским)¹⁰. Справедливости ради следует отметить, что в последующем, софийском издании 1935 г. многие замечания, высказанные о. Александром Преображенским (в первую очередь, стилистического и композиционного характера), были учтены.

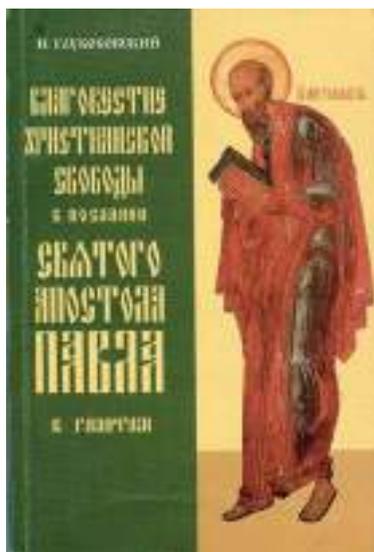
В заключительный период своей жизни Н.Н. Глубоковский готовился выпустить в свет давно задуманную им трилогию, которую наряду с рассматриваемым нами исследованием (переработанным и переизданным) должны были составить работы «Благовестие христианской святости (Послание к Евреям)» и «Благовестие христианской славы (Апокалипсис)». Вторая часть трилогии получила частичное выражение в ряде статей, помещенных в «Ежегоднике Софийского Богословского факультета (1926 по 1937 гг.): «Ходатай Нового Завета», «Христос и ангелы», «Искушение и Искупитель», «Христос и христиане», «Христианское братство», «Христианское субботство», «Первосвященство Христа», «Христианское совершенство», «Христос – первосвященник по чину Мелхиседека».

Что касается третьей части трилогии – об Апокалипсисе – то она осталась только в рукописи и, возможно, вообще не была полностью закончена. «По своим годам и по условиям тревожной изгнаннической жизни, - писал Николай Никанорович, - я не могу основательно выполнить все-

⁹ Глубоковский Н.Н. К вопросу о Послании к Галатам // Странник. – 1903. - № 11. – С. 752-765; № 12. – С. 940-956.

¹⁰ Глубоковский Н.Н. Записная книжка. РНБ АДП, фонд 194, опись 1, дело 29, лист 268.

¹¹ Глубоковский Н.Н. Благовестие христианской свободы в Послании святого апостола Павла к Галатам. – София, 1935 (Репринт: М., 1999). - С. 213.

Москва, 1999
(репринт издания 1935 года)

спасительную жизненность христианства во всем мире»¹². Характер сочинения указан автором в подзаголовке в обоих изданиях, 1902 и 1935 гг. – «Сжатый обзор» (в первом издании более полно: «Сжатый обзор апостольского послания со стороны его первоначальных читателей, условий происхождения, по содержанию и догматически-историческому значению»). В своей рецензии 1903 г. проф. свящ. Александр Рождественский охарактеризовал работу как «объяснительный пересказ», что вызвало резкое несогласие со стороны автора. В той же рецензии А.П. Рождественский выразил упрек в пропуске ряда мест Послания (1: 6-10; вся 5-я глава; 6: 1-13, 17-18), что «препятствовало решению задачи восстановления между отдельными мыслями Послания к Галатам той естественной связи, какую они имели у самого священного писателя»¹³. Ответ был таким: «Я не помышлял о детальном обзоре всех слов и во всех отношениях, поелику желал дать лишь точный анализ содержания Послания к Галатам по рассматриваемым в нем вопросам: 1) об авторитете святого Павла как Апостола и благовестника Христова, 2) о свободе Евангелия благодати и 3) о чистоте христианской жизни в Духе»¹⁴. В софийском издании 1935 г. пробелы были восполнены, нет лишь указателя на полях для Гал.3:7, хотя содержание этого стиха косвенно затрагивается.

го... Время мое близ есть, и я должен спешить, чтобы день, якоже тать, меня не постигнул»¹¹. Хотя работа над трилогией и была близка к завершению, однако Н.Н. Губоковскому, как он и высказывал опасение, не было суждено полностью осуществить свое намерение.

Итак, рассматриваемая работа Н.Н. Губоковского посвящена Посланию апостола Павла к Галатам – «наиважнейшему памятнику первенствующей Церкви Христовой по историческому значению в самые решающие моменты ее жизни и по догматической авторитетности на все времена». Послание «положило окончательный предел опасным колебаниям во взаимоотношениях с иудейством и теоретически неизбежно обеспечило абсолютную, истинно Божественную независимость и вечную

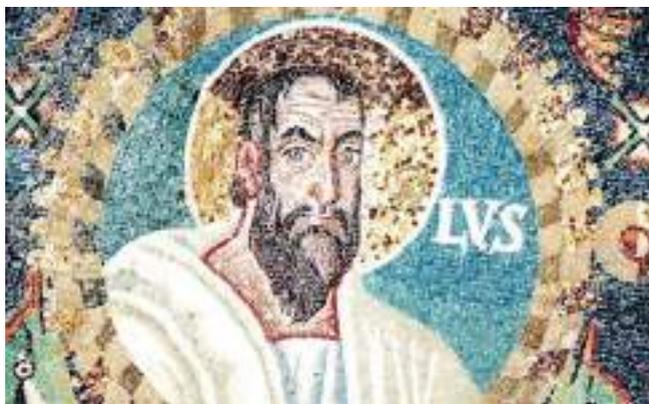
¹² Губоковский Н.Н. Благовестие христианской свободы в Послании святого апостола Павла к Галатам. – София, 1935 (Репринт: М., 1999). – С. 5.

¹³ Рождественский А.П. Журнал Совета Санкт-Петербургской Духовной академии при «Христианском Чтении». – 1903. – № 8. – С. 206.

¹⁴ Губоковский Н.Н. К вопросу о Послании к Галатам // Странник. – 1903. – № 12. – С. 940.

Книга состоит из 6 частей: I. Введение (история Галатии; этнографическая Галатия (северная) как область ближайшего предназначения Послания к Галатам и ее христианское просвещение апостолом Павлом; время издания Послания, его подлинность и неповрежденность; исторические обстоятельства, поводы, цель написания и общий характер Послания к Галатам). II. Благовестнический авторитет святого Павла по происхождению и достоинству его апостольства (гл. I-II). III. «Евангелие» Христово у святого апостола Павла (гл. III - IV). IV. Нравственное учение апостола Павла об истинно христианской жизни (гл. V-VI). V. Историческое значение Послания к Галатам. VI. Библиография.

Первая часть книги представляет собой введение к чтению Послания и выясняет обычные в таких случаях вводные вопросы (см. выше). По мнению А.А. Бронзова, данное Введение, отличающееся бесспорной научностью, стоит выше всех подобных трудов в России.

Кому именно адресовано Послание к Галатам? В период римского владычества Галатийское царство было превращено в провинцию с центром в Анкире (современная Анкара, столица Турции). Помимо северной части, «этнографической Галатии» с собственно галатийским населением, провинция включала и южные области – Фригию, Писидию, Ликаонию, где галаты не составляли основного населения. В связи с этим относительно адресата Послания к Галатам в богословии наметились две точки зрения. Сторонники т.н. северо-галатийской теории (Дж. Б. Лайтфут, Р.А. Липсиус, Ж.М. Лагранж) полагают, что речь идет о жителях севера Галатии, которых Павел посещал во время второго и третьего путешествия (т.е. о собственно галатах). Другие исследователи (Ж.Э. Ренан, У.М. Рамсей, В.Вебер, Т.Цан и др.) указывают на упоминание в Послании к Галатам апостола Варнавы, спутника Павла в первом путешествии, и заключают из этого, что Послание адресовано жителям южной Галатии (т.н. южно-галатийская теория, впервые сформулированная немецким богословом Шмидтом в 1748 г.).

Для Н.Н. Глубоковского вопрос об адресате Послания крайне важен для правильного понимания его со стороны освещения апостольской истории и по принципиальному догматическому значению. Если применительно к галатам апостол пользуется со всею строгостью римско-административной терминологией, то следует принять, что все малоазийские города первого благовестнического путешествия Павла принадлежали к Галатийской провинции (Листра, Икония, Антиохия). Отсюда следует, что христиане именно этих областей и были первыми получателями и первыми читателями Послания к Галатам, и стало быть, оно было в числе ранних писаний Павловых. При подобной ситуации получится, что в миссионерской деятельности Павла почти сразу возобладали резкие противоиудейские стремления, что фактически не оправдано, по мнению автора, так как Книга Деяний свидетельствует скорее даже о противоположной ситуации. В результате, отмечает Н.Н. Глубоковский, у нас вырывается из рук драгоценнейший памятник апостольской эпохи. «Пolemическая острота миссионерской и священно-писательской деятельности святого Павла будет без достаточной фактической мотивировки в постепенно развивавшейся и осложнявшейся иудаистической агитации, грозившей поглотить или по крайней мере принизить христианство, почему апостольская оппозиция является исторически оправданной и догматически спасительной» (издание 1935 г., с. 13). Иначе остается повод для догадок, что Павлинистическая полемика вытекала исключительно из ренегатского предубеждения против иудейства, а историческая перспектива заслоняется «фанатическою» фигурой Павла, не согласного ни с подлинным Евангелием Христа, ни с истинным учением Его прямых преемников. Поэтому для автора бесспорно, что «чисто этнографическое определение имеет высокую историко-догматическую важность» (с. 14).

Для Н.Н. Глубоковского не является убедительным мнение сторонников южно-галатийской теории о том, что апостол Варнава предполагается известным для читателей (Гал. 2:13), а это возможно лишь для жителей южного округа, где он был в первое благовестническое путешествие с апостолом Павлом, а потом не сопровождал его и оставался неизвестным для собственно галатийских северян. По мнению Н.Н. Глубоковского, в рассматриваемом отрывке Варнава рекомендуется читателям как равноправный с самим Павлом, то есть здесь говорится о церковной авторитетности, а для этого совсем не требуется от Варнавы личного знакомства, чего не было среди галатийцев и в отношении апостола Павла (Гал. 1:18), не бывавшего у них.

«Ясно, что писатель апеллирует не к отвлеченным «церквам Галатийским», - пишет Н.Н. Глубоковский, - а имеет перед собой избранный круг людей данного племени. Апостол хорошо знает своих читателей, потому что это его дети по духовному рождению во Христе, и точно называет

их «Галатами». < ... > Легко вообразить всю крайнюю странность, если бы «Галатами» апостол называл ликаонцев и писидийцев, чуждых всяких расовых свойств галатийских. Получилась бы ненормальность вроде той, когда при господстве русской державы мы стали бы финнов и поляков звать русскими, а теперь последних объявили бы по гражданской принадлежности к этим государствам – за финляндцев и поляков» (с. 22). Автор настойчиво доказывает, что «областью ближайшего предназначения Послания к Галатам надлежит считать Галатию этнографическую (северную), а не всю римскую провинцию (преимущественно в южной части)». Таким образом опять получает подтверждение северо-галатийская теория. Споры между сторонниками обеих теорий продолжаются и по сей день. «Северная» теория имеет такого выдающегося сторонника, как немецкий протестантский богослов Вилли Марксен (+ 1993), сторонником «южной» теории является католический экзегет Эмиль Ости (+ 1981). Но в любом случае аргументация Н.Н. Глубоковского не утратила своей силы и звучит весьма убедительно.

История основания и развития галатийских церквей по связи их с условиями происхождения послания к ним представляется автору в следующем виде. Во второе благовестническое путешествие апостол, посетив и устроив сирийско-киликийские и ликаонско-писидийские общины, хотел пойти почти прямо на запад, в Ефес, потому что там было влиятельное иудейское население, с которого он успешно мог начать свою христианско-просветительскую деятельность. Его намерением была, видимо, чисто иудейская миссия, и ради нее он даже нарочито обрезал Тимофея (Деян. 16:3). Однако промысл Божий вел благовестника на иное поприще и направлял к языческому оглашению. Миссионеры вынуждены были повернуть к северо-востоку на Вифинию – Господь призывал благовествовать в Македонии и далее по греческим областям (Деян. 16:9-10). Понятно при этом, что и галатийская страна не стояла заранее в основном миссионерском проекте. По Гал. 4:13, апостол Павел остановился в Галатии из-за телесной болезни, послужившей ближайшей причиной для благовестнических обращений к галатским северянам. Все древние свидетельства солидарны, что по своей натуре галаты были людьми весьма нетвердыми и чрезвычайно изменчивыми, способными увлекаться и отвлекаться каждую минуту, если их не подчинить строгой дисциплине и не держать в определенных рамках. Христиане-законники организовали контр-миссию по отношению к проповеди Павла и всюду склоняли новообращенных принимать обрезание. Они ссылались на «столпов», на 12 апостолов и всячески подрывали авторитет Павла. Мы не знаем, сколько пробыл в Галатии апостол при повторном ее посещении, но он трудился здесь много (Гал. 4:11) и не бесполезно (Гал. 5:7). Но затем иудействующие шпионы уже свободно овладевали умами галатийцев под благовидным предлогом, что

они исправляют и усовершенствуют дело Павлово, сообщая ему нравственную устойчивость в законничестве. Простодушные галаты легко поддались этим увещаниям, отреклись от своего учителя и поспешили принять обрезание. Известие о случившемся глубоко потрясло апостола Павла. Он немедленно отправил галатийским христианам послание.

Рассуждая о времени написания Послания к Галатам, Н.Н. Глубоковский заранее отвергает даты, базирующиеся на южно-галатийской теории. По мнению автора, Послание выпущено не раньше как во время третьего благовестнического обхода Павлом малоазийских церквей, так как до своего послания Павел был лично у галатов дважды и потому письменно мог апеллировать к ним лишь при продолжении третьего миссионерского путешествия. обстоятельно взвесив все данные, автор приходит к выводу, что Послание к Галатам написано «в неизвестной нам македонской местности в конце 57-го и никак не дальше начала 58-го года – до удаления Павла в Грецию. Здесь Н.Н. Глубоковский стоит особняком среди русских экзегетов, указывавших на Ефес или Рим как на место написания Послания, а временем написания считавших 54-56 гг. или промежутки между 55-м и 58-м годами.

Далее автор указывает на сходство трехчленной группы писаний из третьего путешествия апостола (Галатам, Ефессянам и Колоссянам) или их хронологическую близость. Послание к Галатам оказывается в середине между Посланиями в Коринф и в Рим – около времени написания Второго Послания к Коринфянам. «В изображенной историко-хронологической обстановке, - отмечает Н.Н. Глубоковский, - все настолько естественно фактически, что этим заранее обеспечивается подлинность Послания к Галатам» (с. 54). Исторические обстоятельства, повод, цель написания и общий характер Послания к Галатам в точности согласуются с его содержанием. В нем Павел, с одной стороны, победоносно защищает свое апостольское достоинство, с другой стороны, - снова утверждает галатийцев в своем, чистом исповедании Евангелия Христова. Речь ведется совершенно принципиальная, по которой все люди до Христа были под клятвою – одни как связанные законом, другие – как «безбожные в мире» (Еф. 2:12). Этим резко подчеркивается контраст галатийских детей с привилегированным Израилем, что еще отчетливее свидетельствует в пользу языческого состава галатийцев, о чем говорят и ясные намеки на языческое прошлое (Гал. 4:8-9), не причастное законническим ограничениям (Гал. 2:5) и не освященное печатью Завета Божия (Гал. 5:2; 6:12-13).

Во второй части исследования проводится анализ первых двух глав Послания к Галатам с целью определить благовестнический авторитет апостола Павла по происхождению и достоинству его апостольства. Евангелие Павлово идет от первоисточника в Боге Отце и Его Сыне, является абсолютно не человеческим. Этот тезис (Гал. 1:2) фактически

непререкаем. Но оставалось еще подозрение, что «полученное откровением было использовано человеческим разумением». Получив откровение непосредственно от Бога, апостол Павел ставит себя наравне по Божественному апостольству с «самовидцами Христа». Что они сами по себе могли прибавить к полученному откровению? Автору представляется «вполне законным и рациональным», что Савл не отправляется ради «предних» в Иерусалим, но прямо из Дамаска отошел в Аравию и потом опять возвратился в Дамаск. Н.Н. Глубоковский не согласен с мнением Блаженного Иеронима, что по обращении Павел отправился сначала в Иерусалим, а уже затем в Аравию или Дамаск. Об удалении в аравийские области Книга Деяний не упоминает. По мнению автора, аравийское удаление приходится на промежуток между Деян. 9:21 и 9:22-23. То есть, после Аравии Павел вновь возвратился в Дамаск «прогрессивно возмужавшим», «внутренне укрепленным», когда его «прежние увещательные сменились грозно-сокрушительными филиппиками, вызывавшими замешательство в рядах противников». О подлинных причинах аравийского удаления нет свидетельств. Н.Н. Глубоковский не согласен с мнением Блаженного Феодорита и Блаженного Иеронима, что апостол пошел в Аравию для проповеди. Автору представляется вероятным, что имеется в виду Аравия Петрейская, включавшая Синайский полуостров; уединение было временем созревания в обращенном Савле великого апостола язычников. «Для специальных задач Послания к Галатам аравийское удаление было особенно важно по фактическому удостоверению, что указанное евангельское укрепление совершалось вне всяких человеческих влияний и не без участия небесных откровений» (с. 86). Отсюда следует крайне важный вывод: «бывший “хульник” преобразился в ревнителя Христова не по человеческому избранию и научению и обладает всеми несомненными прерогативами истинно Божественного апостольства, поелику у него все от Бога по Его всецелой воле – и призвание, и дар, и цель... Сознывая себя Богопосланным апостолом, святой Павел в этом своем отличии и выступал в качестве собрата, принципиально равного “самовидцам”» (с. 86). В связи с этим Н.Н. Глубоковский дает оригинальную и весьма своеобразную трактовку 18-го стиха 1-ой главы Послания к Галатам, где говорится о том, что через три года целью путешествия Павла в Иерусалим послужило его желание *ιστορήσαι Πέτρον*. По связи со словом *ιστορία*, по первоначальному употреблению отмечавшим реальное событие, способное по своей важности оставить крупный след в данной области и стать историческим, Н.Н. Глубоковский делает следующее предположение: Павел пошел в Иерусалим не просто повидаться, но близко и непосредственно познакомиться с Петром и – по своему апостольскому равенству с ним – совершить этим некое историческое дело (с. 88-89). Петр и Иаков, вселенские вожди евангелизации, подтвердили

апостольский авторитет Павла (Петр санкционировал самые апостольские права, Иаков одобрил их фактическое осуществление). Теперь Павел – в качестве Богопосланного и церковно признанного апостола стоит уже на пороге к надлежащему выполнению своего провиденциального миссионерского призвания как собственно эллинский благовестник. Таким образом, заключает автор, апостольское достоинство Павла было Божественным 1) и по происхождению, 2) и по авторитету, 3) и по конкретному способу его раскрытия в благовестии о Христе.

Большое место Н.Н. Глубоковский отводит соотносению Послания к Галатам с Книгой Деяний. Как выше говорилось об аравийском периоде, так и во 2-ой главе повествование представляется параллельным Деян. 15, «хотя примирение их далеко не легко». По Глубоковскому, здесь сообщается о разных стадиях единого исторического события: в Деяниях – о более ранних фактах, у апостола Павла – о позднейших. Если раньше Павел предпринимал свои миссионерские путешествия по полномочию Антиохийской церкви (Деян. 13:1-3), которой и доносил о достигнутых результатах (Деян. 14:27), то после третьего иерусалимского визита он действует уже всецело по собственной инициативе и, никого не спрашивая, смело и властно приглашает Варнаву (Деян. 15:36). В Деяниях прямо это не мотивируется Иерусалимским соборным декретом, одинаково обязывающим всех верных, «и здесь нужен посредствующий акт, нарочито санкционировавший апостольский авторитет Павла для независимого благовествования в мире языческом». Н.Н. Глубоковский допускает вторую и позднейшую апостольскую «конференцию» специального характера – лично о Павле (с. 105). О галатах свидетельствуется (Гал. 2:5) не более того, что они, уже имевшие тогда истинное евангельское благо, должны были соблюдать его в том виде, в каком это было обеспечено Павлом при свидании со «знаменитейшими» в Иерусалиме. А оно заключалось в том, что свобода во Христе есть необходимейшее и главнейшее свойство Евангелия Христова. Естественно, что тут недопустимы улучшающие добавления, хотя бы и со стороны «мнимых столпов» (с. 113).

В третьей части исследования, посвященной анализу 3-ей и 4-ой глав Послания к Галатам, автор ставит перед собой вопрос: В чем состоит провозглашаемое во языцех «Евангелие» Павлово в его существе и по отношению к закону? Н.Н. Глубоковский отмечает, что свое апостольское достоинство Павел неразрывно связал с благовестием и тем открыл простор для подробного изложения догматических воззрений. Иными словами, апостольское достоинство говорит о неложности догматических убеждений касательно всеобщего спасения во Христе исключительно благодатию Божией. Догматически и исторически незыблемо, что в самом предречении Божиим Аврааму («в тебе благословятся все народы» – Быт. 12:3; 18:18; 22:18) решительно предусма-

тривалась свободная новозаветная практика оправдания язычников из источника веры. Стало быть, Божественное обетование о наследовании, осуществляемое не законом, дарованным для иных целей, а исключительно через воплощенного Сына Божия, доставляющего христианам и сыновние права, и сыновние блага. Для этого необходимо неразрывное общение с Ним в вере, которая и служит теперь единственным путем для нашего оправдания. Объективная сущность избавления Христова состоит в искупительном подвиге Господа, где карающий закон со всею неустойчивостью обрушивается на святейшую безгрешную жертву в лице Богочеловека и эту смертельную несправедливостью сам себя убивает. Через это, как отмечает Н.Н. Глубоковский, уничтожается тяготение клятвы законной, а миропорядок клятвенно-законный, построенный на периодической ответственности и возмездии, заменяется благодатно обетованным. Верую единения человек приобретает во Христе Богоусыновление, сохраняя его за собой в неприкосновенности через ходатая – Духа. При догматическом освящении искупительного подвига Христова в благовестии апостольском у нас будет Евангелие свободы христианской по нашему сыновству Богу и Отцу через Христа-Сына во Святом Духе Сыновнем. При таких особенностях верующий должен и действовать во всем соответственно свободному состоянию, когда будут жить безукоризненно, в гармоническом согласии с «канонами новой твари». Так предначертывается и обуславливается нравственное учение апостола Павла.

Догматические созерцания апостола приводят к моральным наставлениям, анализу которых посвящается **четвертая часть** книги (по 5-ой и 6-ой главам Послания). Возрожденному дается образ поведения, соответствующий его подлинному достоинству и указывающий путь к «нормальному христианскому процветанию». Таким образом, требовалось теоретическое выяснение законов христианского бытия. Поэтому определение последнего служит опорой и точкой отправления для христианской этики. Главнейшее характерное отличие всякого христианина как верующего заключается, по мнению Н.Н. Глубоковского, в том, что он получил свойства и права сыновства и в этом отношении располагает совершенной свободой – подобно юридически и фактически полноправному наследнику, вступившему в обладание всем достоянием. И в нравственной жизни всегда и всюду должна проявляться одна свобода, и первым принципом христианской нравственности будет неизменное пребывание в благодатной свободе при безусловном устранении всего, что носит хоть тень порабощающего стеснения. «Христианская свобода есть непосредственное обнаружение сыновне-чистого общения с Отцом через Сына под водительством Святого Духа. Христианин живет свободно, но в строжайшем соответствии со всеми требованиями своего звания. Поэтому христианская свобода

вовсе не сближается и не граничит ни с противозаконием, ни с беззаконием или незаконием, ибо в себе самой содержит собственные регулирующие нормы» (с. 168). Таким образом, нравственная практика христианина есть осуществление и закрепление свободных преимуществ веры спасения Божия по благодати. В нравственном отношении не менее, чем и в догматическом, учение апостола Павла является истинным благовестием христианской свободы.

В пятой части, посвященной выяснению исторического значения Послания к Галатам, автор подчеркивает, что особое достоинство «Евангелия» Павлова заключается в решительном обосновании морали на догматике. Отсюда очевидна вечная незыблемость апостольского благовестия. Но оно раскрывается здесь при строгом внимании к наличным потребностям времени и удовлетворяет его насущным запросам. В этом историческое значение Послания. Нет возможности проследить непосредственное действие Послания к Галатам «в ближайших и отдаленных кругах и периодах». Но через это весь документ отрешается от своего узкого и фактического предназначения и приобретает широкое достоинство принципиального памятника, который независимо от своей ближайшей цели решает общеисторическую задачу и способствует «нормальному течению всего христианства». Тем самым выдвигается принципиально-догматический вопрос об отношениях домостроительства ветхого к новому, ибо оба они обладали Божественной санкцией по самому происхождению и ведут к единой цели – совершенного человеческого спасения. От решения этой задачи зависела судьба всего дальнейшего развития христианства. При согласии на «иудаистическую сделку» получилось бы, что новозаветное избавление само по себе недостаточно и нуждается в опорах, не менее потребных для законнического спасения. Отсюда вышло бы реформированное иудейство, которое не постигнет самой сущности Христова искупления. Этим христианство лишалось своей живительности и обрекалось на неизбежное исчезновение, какое и постигло все иудео-христианские секты (с. 201).

Величайшую историко-догматическую ценность Послания к Галатам Н.Н. Глубоковский видит в том, что оно в корне парализует «грозу иудаистических осложнений и навеки избавляет Церковь от рокового хромания между старым и новым». «Это вовсе не Павлово христианство или даже благовестие, - рассуждает далее автор, - а опознание и возведение святым Павлом **Евангелия Христова** во всей его Божественной живительности и благодатной действительности... Послание святого апостола Павла было, есть и всегда останется благовестием христианской свободы, ее знамением и заветом до скончания века» (с. 207, 211).

При анализе рассматриваемой книги нельзя не согласиться с мнением А.А. Бронзова о том, что одним из наиболее существенных обстоятельств, доселе тормозящих дело развития нравственного богословия

как науки, и особенно в России, является недостаточная разработка нравственного учения Священного Писания и Священного Предания. И здесь труд Н.Н. Глубоковского является счастливым исключением. Автор показал, что апостолом установлены догматические основы христианской нравственности, от нее неотделимые и ее определяющие, что особенно важно при все большем распространении в обществе автономистических идей. В Послании к Галатам содержится вся главнейшая сущность христианской этики, намечены все наиболее характерные ее черты и особенности.

Нельзя согласиться с критическими замечаниями А.П. Рождественского об отсутствии глубокого и всестороннего текстуального анализа со стороны исследователя. Речь скорее может идти об индивидуальной особенности Н.Н. Глубоковского многое оставлять «за рамками» печатного труда в расчете на эрудицию читателя. Тем более, что именно этому автору принадлежит глубокое исследование «Греческий рукописный Евангелистариий» (СПб., 1896 г.). Н.Н. Глубоковский особенно тщателен при чтении Послания к Галатам по наиболее авторитетным рукописям; вызывают интерес его попытки исправления текста. Например, в Гал. 5:14 - «πληροῦται» заменено на «πεπληρωται»; в Гал. 6:2 – вместо Imper. aor. «ἀναπληρώσατε» предложена форма Futurum indicativi «ἀναπληρώσετε». В Гал. 6:9 вместо формы «ἐκκακῶμεν» (от глагола «ἐκκακέω», «унывать», «ослабевать»), принятой русскими синодальными, немецкими, английскими и французскими переводчиками, Н.Н. Глубоковский предложил чтение «ἐνκακῶμεν» в смысле пребывания во зле. Выражение «εἰ μή» в Гал. 1:19 автор истолковал в смысле «и не считая» вместо распространенного чтения «как только»; теоретическое и теоретико-богословское обоснование такого выбора А.А. Бронзов считал образцовым.

**Николай Никанорович
Глубоковский (1863 - 1937 гг.),
фото 1910 г.**

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ НИКОЛАЯ НИКАНОРОВИЧА ГЛУБОКОВСКОГО (1913 г.)

Российская Национальная Библиотека (Санкт-Петербург),
Отдел Рукописей Дома Плеханова, фонд 194, опись 1, дело 29,
листы 255-261, 267-271

Архивные материалы публикуются впервые

...89) Благовестие христианской свободы в послании Св. Апостола Павла к Галатам. Сжатый обзор апостольского послания со стороны его первоначальных читателей, условий происхождения по содержанию и по догматически-историческому значению. СПб., 1902. Посвящено священной памяти (+ 1892, IX,7 – понедельник) м[итрополи]та СПб. Исидора, благословившего меня избрать для лекционных чтений в СПб. Д. Академии именно послание к Галатам и желавшего потом видеть конечную обработку этих чтений в печати. Этому же святителю – чрез посредничество тогдашнего ректора епископа Выборгского (после м[итрополи]та СПб.) Антония (Вадковского) – я обязан поступлением в число преподавателей СПб. Д. Академии.

Напечатано сначала в журналах «Странник», 1902, № 5 (май), стр. 881-916, № 6 (июнь), стр. 1069-1117; № 7 (июль), стр. 3-44, № 8 (август), стр. 142-177 и отсюда 400 оттисков...

Книга эта Учебным Комитетом при Св. Синоде «рекомендована в качестве учебного пособия при преподавании Свящ. Писания в духовных семинариях»: См. Церковные ведомости, 1902, № 40 за 5 октября (суббота), стр. 327, столб. 1 под № 36, ср. «Странник», 1902, XI,833, где об удостоении Макарьевской] премии – это выдумка.

По конкурсу (и согласно отзыву ординарного профессора Казанской Д. Академии Михаила Ивановича Богословского) сочинение удостоено от Св. Синода полной Макарьевской премии: см. «Церк[овные] Ведомости, 1904, № 18-19 за 6 мая (четверг), стр. 237 (отсюда «Странник», 1904, VI, 984, «Историч. Вестник», 1904, VII, 331, Revue d'Histoire Ecclésiastique», 15 janv. 1905, p. 275).

Страницы 88-115 книги переводили по-английски. The Gospel of St. Paul in its Substance and in its Relation to the Law according to the Epistle to the Galatians by Professor N. Gloubokovsky, of the Ecclesiastical Academy. Translated by Professor N. Orloff of King's College, London; напечатано первой статьей (p. 97-114) в «The Church Eclectic» (a Monthly Magazine,

ed. by the Rev. Arthur Lowndor D.D.). XXXIV, 2 (New York: May, 1904).

Ср. заметку (писанную столоначальником в канцелярии Обер-Прокурора Василием Парамоновичем Емельяновичем) в «Страннике», 1904, № 6 (июнь), стр. 1006, а) об удостоении Синодской Макарьевской премии, б) об указанном английском переводе, с) о полемике с о. А.П. Рождественским и о том, что последний не исполнил своего обещания о напечатании в «Христианском чтении» действительного ответа на мои возражения, о чем ниже № 98 на стр. 267-270.

Отзывы:

1) Председателя Учебного Комитета при Св. Синоде протоиерея Петра Александровича Смирнова в «Прибавлениях к Церковным ведомостям», 1902, № 28 за 13 июля (суббота), стр. 951-955б.

2) Орд[инарного] профессора СПб. Д. Академии А.А. Бронзова в журнале «Русский Паломник», 1902, № 34 за 24 августа (суббота), стр. 583б.

3) Aurelio Palmieri O.S.A. в издаваемом в Lonvain'e (Бельгия) журнале «Revue d'Histoire Ecclésiastique», III, 4 (15 Octobre, 1902), pag. 1074; «Le travail est marqué au coin d'une grande érudition et rélevè chez son auteur unrsprit éminemment critique» (на первом месте в обзоре текущей литературы России), а перевод А.А. Бронзова в «Церковном вестнике», 1902, № 46 за 14 ноября, стр. 1459, и отсюда в «Страннике», 1902, № 12; стр. 1060-1061.

4) А.Л., т.е. проф. СПб. Д. Академии А.П. Лопухин в «Церковном вестнике», 1902, № 44 за 31 октября (четверг), стр. 1397-1398.

5) Ibid. 1902, № 46 за 14 ноября (четверг), стр. 1454. С. (т.е. П.С. Смирнов, э[кстра]орд[инарный] проф. СПб. Д. Акад.) в обзоре духовных журналов.

6) А.В., т.е. э[кстра]орд[инарный] проф. Моск. Дух. Акад. Алексей Иванович Введенский в «Московских ведомостях», 1902, № 312 за 12 ноября на стр. 4 в № 4-5 под заглавием: «Воспитание образованных христиан».

7) Свящ. И.Артинский в журнале «Вера и Церковь», IV (1902), стр. 793-800.

8) xxx (т.е. генерал-лейтенант Александр Алексеевич Киреев в Revue internationale de théologie, XI-e année, 41-e horaison (Janvier-Mars, 1903, Berne), p. 8-173.

9) Геттингенский проф. G. Nathanael Bonwetsch в «Theologischer Literaturblatt» herausg. von Dr. theol. Hölscher (Verlag von Dörfflung und Franke), XXIV, Jahrgang, №, 3 (Leipzig, 16 Januar 1903), sp. 30-32, как здесь же упоминание его в № 5 (30 Januar 1903), sp. 49 (его отзыв о I-III томах «Энциклопедии» А.П. Лопухина.

10) Fridrich Lann, католический священник в Wasseralfigen'e близ Stuttgart'a) в «Theologische Revue», herausg. (в Münsteri W.) von Prof. Dr. Franz Diecamp, II, 8 (13 Mai, 1903), sp. 236-240.

11-12) Ордин. проф. А.А. Бронзова и экстраординарного проф. А.П. Рождественского официальные отзывы (в «Журналах» Совета СПб. Д. Академии за 1902/3 уч. год при «Христ. Чтении», 1903, №№-ра 7-8 и отдельно; стр. 175-201, 202-210, согласно коим автор удостоен полной академической Макарьевской премии (Ibidem. 219-220)...

13) Ордин[арный] проф. М.Д. Муретов в «Журнале собраний Совета Московской Дух. Академии за 6 февраля 1903 г. (и при мартовской книжке «Богословского Вестника» за 1904, стр. 40 в представлении на двойную премию преосв. Михаила (Лузина), но на соискание ее не принят по § 6-му премиальных правил, как уже получивший большую премию от СПб. Д. Академии (Ibid., стр. 60).

14) L'abbé Scriveç в «Časopis katolickeho duchovenstva» (Pragae Bohemorum), XLVI (LXXI), №, 1 за 1905 г., p. 87 (по-чешски) и 90 (по латыни) и только по латыни в отд. тетради: Slavorum litterae theologicae, I (Pragae, 1905, p. 24).

...98) «К вопросу о послании к Галатам. Критические заметки» (на отзыв о моей книге э[кстра]о[рдинарного] проф. (свящ.) А.П. Рождественского: см. выше на стр. 260 (№ 12) и ср. на стр. 257 в журнале «Странник», 1903, № 11, стр. 752-765, № 12 (декабрь), стр. 940-956. Было 32 оттиска без переверстки. < ... >.

Статья эта вызвала необыкновенное, яростное озлобление самого о. Рождественского и членов этой партии (с ректором еп[ископом] Сергием (Страгородским) во главе). < ... > Как мне говорил 27 декабря 1903 г. сам митроп. Антоний (Вадковский), у него требовали позволения предать меня суду академического «совета» (где эти лица составляют большинство), но им предложено было отвечать на мои «замечания» печатно.

Однако выяснилось, что этого нельзя исполнить с успехом и достоинством, а потому для «отвода глаз» о. А.П. Рождественский (по указанию своих единомышленников) потребовал, чтобы на основании «Устава о цензуре и печати» был перепечатан в «Страннике» его отзыв (1904, № 3 (март), стр. 484-493 с крайним ругательным вступлением (стр. 483-484). Это было озаглавлено как «Возражение», хотя такового там не было, а оно лишь обещалось (на стр. 484) в «Христианском чтении», но совсем не появилось несмотря на прямое напоминание в «Страннике», 1904, № 6, стр. 100.

На многие «возражения» о. А.П. Рождественского я немедленно написал ответ, но редактор «Странника» проф. А.П. Лопухин, будучи совершенно (почти смертельно) больным, упросил меня не печатать, ибо о. Рождественский и Ко устроили ему (из-за моих «критических заметок», как и раньше всегда «угрозами» его < ... > массу неприятностей (напр. чрез духовную цензуру, член которой о. Филарет (бывший инспектор Киевской Д. Семинарии, где один воспитанник чуть не за-

резал его ножом) стал «немилосердно» зачеркивать отпечатанные уже статьи в «Энциклопедии» и «Страннике», а в последнем не пропустил перепечатку опубликованной раньше речи проф. А.А. Дмитриевского о Толстом). Прискорбно – грустная история – и, поэтому мне лучше было последовать совету Премудрого (Притч. IX.8)... В «Новом пути» за 1904 [г.], № 6 (июнь), стран. 268-269 в статье «Знамение времени» некий «читатель духовных журналов» особенно подчеркивает резкость тона «Критических заметок», и, их считая констатированием факта, он частично прав, но напрасно и без всяких поводов вдается в грубости с полицейско-инквизиционными обвинениями, затрагивая еще профессоров Н.А. Заозерского и П.Ц. Тихомирова...

1904, XII, 15-среда в 7 ½ вечера.
Н.Глубоковский.

Отповедь «Н[овому] пути» дана Н.М. Гринякиным в статье «Отклоните гнев, злоречие и сквернословие уст ваших» (Колосс. 3,8). (По поводу клеветнической заметки «Нового пути») в журнале «Миссионерское обозрение» (ред.-изд. В.М. Скворцов), IX, 11 (1904 г., июль), стр. 113-118 (тут пассаж относительно меня пропущен на стр. 115) и мое имя совсем не упоминается).

1905, I, 25 (вторник), в 7 ч. вечера.
Н.Глубоковский.

И.В. Преображенский в полемике со свящ. В.Я. Колачевым по поводу своей книги о церковной реформе упоминает об этой истории «ради уязвления» о. А.П. Рождественского (см. «Миссионерское Обозрение», 1906 г., № 2 – за февраль, стр. 226, прим. 2), но сделано это без моего ведома и, конечно, вопреки моему желанию.

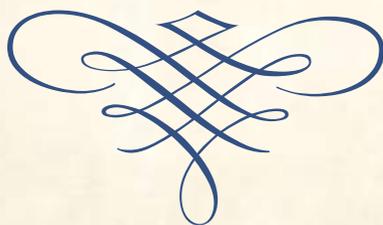
1906, III, 3 (пятница).
Н.Г.

Приложение 2

СПИСОК ТРУДОВ Н.Н. ГЛУБОКОВСКОГО, ПОСВЯЩЕННЫХ БЛАГОВЕСТИЮ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

1. Обращение Савла и «Евангелие» св. апостола Павла // Вера и Разум. – 1896. - №№ 4-7.
2. Благовестие св. апостола Павла и иудейско-раввинское богословие // Христианское Чтение. – 1897. - №№ 2-4.
3. Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу. Библейско-богословское исследование. – СПб., 1897.
4. Учение св. апостола Павла о грехе, искуплении и оправдании // Христианское Чтение. – 1898. - №№ 3-6.
5. Благовестие св. апостола Павла и иудейско-эллинское богословие // Там же. – 1901. - № 2.
6. Благовестие св. апостола Павла и теософия Филона Александрийского // Там же. – 1901. - №№ 3-6.
7. Св. апостол Павел и Филон Александрийский // Там же. – 1901. - № 12; 1902. - №№ 1,2,8,11,12.
8. Благовестие христианской свободы в Послании св. апостола Павла к Галатам. – СПб., 1902.
9. Св. апостол Павел и неканоническая книга Премудрости Соломоновой // Христианское Чтение. – 1902. - №№ 4,8; 1903. - №№ 2,5,10.
10. Вера по учению св. апостола Павла // Там же. – 1902. - № 5.
11. Учение св. апостола Павла о христианской жизни «в Духе» и его самобытная независимость // Там же. – 1904. - № 6.
12. Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу. В 3 тт. – СПб., I т.: 1905, II т.: 1910, III т.: 1912.
13. Ходатай Нового Завета. Экзегетический анализ Евр. 1, 1-5 // В сб. В память столетия (1814-1914) Императорской Московской Духовной Академии. – Сергиев Посад, 1915.
14. Христос и ангелы. Экзегетический анализ Евр. 1, 6-14 // Христианское Чтение. – 1915. - №№ 1-2.
15. О Втором Послании св. апостола Павла к Фессалоникийцам // Там же. – 1915. - №№ 4-9.
16. Искупление и Искупитель по Евр. гл. 2 // Там же. – 1917. - №№ 7-12.
17. Христос и христианите. (Экзегетичен анализ на Евр. 2, 1-4) // Го-дишник на Софийския университет. Богословски факултет. – 1927-1928.
18. Христианското братство и неговата необходимост за вярващите. Экзегетически анализ на Евр. 3, 11-19 // Там же. – 1929-1930.
19. Христианското съботство. Экзегетически анализ на Евр. 6, 1-16 // Там же. – 1930-1931.

20. Първосвещенството на Христа и задленията на християните (Екзегетически анализ на Евр. 5 и 6 глави) // Там же. – 1931-1932.
21. Християнското съвършенство и Христос, като Първосвещеник на веки по чина Мелхиседека (Екзегетически анализ на Евр. гл. 7) // Там же. – 1931-1932.
22. Св. апостол Павел и павлинизм Антиохийской школы (в ее экзегетике и догматической деятельности за период I-IV Вселенских соборов // Труды V Съезда русских академических организаций за границей. Ч. 1. – София, 1932.
23. Благовестие св. апостола Павла // Годишник на Софийския университет. Богословски факултет. – 1933.
24. Благовестие християнської свободи в Послании св. апостола Павла к Галатам. – София, 1935.
25. Христос-Първосвещеник по чина Мелхиседека (Екзегетически анализ на Евр. гл. 7 // Годишник на Софийския университет. Богословски факултет. – 1935-1936.
26. Послание к Евреям и историческое предание о нем // Там же. – 1936-1937.

Священник Дмитрий БОЛЬШАКОВ,
выпускник Саранского Духовного
училища 2016 года

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВОСЛАВНОГО ВОСПИТАНИЯ

Р

оспитание традиционно понимается как процесс целенаправленного формирования личности. Это - специально организованное, управляемое и контролируемое взаимодействие (сотрудничество) воспитателей и воспитанников, направленное на достижение заданной цели.

Наивысшей целью воспитания в светской педагогике предстает совершенный, разносторонне и гармонически развитый человек.

Теоретические основы **православной педагогики** разработал выдающийся мыслитель протопресвитер Василий Зеньковский. Ученый высказал убеждение, что преобразование личности в Церкви и воспитание в педагогике должны быть объединены и составлять две части одного процесса. Так педагогику В.В. Зеньковский соединял с философией и православным учением о душе человека. О.Василий считал, что педагогика должна быть православной и опираться на религиозно-философские идеи¹. Православная педагогика, как и религия, должна определяться идеей спасения человека. «Смысл воспитания, - писал В.В. Зеньковский, - раскрывается для нас *в свете идеи спасения*; и то благо, какое мы, движимые педагогической заботой о детях, ищем для них, есть частичное или всецелое *благо спасения*»².

С позиций православной педагогики воспитание должно совершаться в духе христианского благочестия, должно быть всецело проникнуто животворным дыханием Божественного учения. Мы вводим детей в гибельные заблуждения, если не приводим их ко Христу, нашему Спасителю. Православные педагоги пришли к убеждению, что воспитание без духа благочестия никогда не будет в полной мере содействовать и земному благосостоянию. Без истинного благочестия нет ни истинной любви к себе и ближним, ни постоянной верности властям и Отечеству, ни настоящего стремления к общей пользе. Без Христа невозможна также и истинная нравственность. В человеке существуют два душевных направления: одно из них устремляется к добру, другое - ко злу. Последнее даже сильнее, так как ум человека от рождения склонен к делам тьмы, кото-

¹ Ермишин О.Т. Путь к идейному синтезу и единству (О жизни и трудах В.В. Зеньковского) // В.В. Зеньковский. Собрание сочинений. Т. 1. - М., 2008. - С. 23.

² Зеньковский В.В., прот. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. - М., 2002. - С. 39.

рой он подпал вследствие греха Адамова. Только Христос своим учением может обуздать людские страсти, воодушевлять человека к доброму и благородному и вместе с тем давать силы идти путем добродетели. В христианском нравственном законе предписываются возвышеннейшие добродетели – смирение, справедливость и самоотвержение. Кто строит свою жизнь по этому нравственному закону, тот имеет истинную нравственность, даже если у него нет возможности развить свое сердце и ум³.

Святитель Феофан Затворник писал: «Почему не соблюдается целесообразный порядок воспитания – причина этому или в неведении такого порядка, или в небрежении о нем. Воспитание, оставленное без внимания самому себе, по необходимости принимает направления превратные, ложные и вредные, сначала в домашнем быту, а потом во время обучения. Но и там, где воспитание совершается не без внимания и подчиняется известным правилам, оно оказывается нередко бесплодным и уклоняющимся от цели, по причине ложных идеалов и начал, на которых строится порядок его. Не то имеется в виду, не то поставляется главным, что должно; именно не Богоугождение, не спасение души, а совсем другое, – или усовершенствование сил только естественных, или приспособление к должностям, или годность к жизни в свете и проч. Но когда не чисто и ложно начало, по необходимости и утверждающееся на нем не может вести к добру»⁴.

Православное воспитание – возвращение человека, учитывающее все три сферы бытия его личности. Определяемое как воспомоществование в питании всех составляющих сторон личности, воспитание предполагает воздействие на телесную, душевную и духовную сферу бытия человека⁵. Воспитание есть приведение человека к тому, чем он должен быть согласно своему предназначению. Человек сотворён по образу Божию, и его назначение состоит в том, чтобы в продолжение настоящей жизни искал он всегда большего уподобления Богу через подражание Его Божественным совершенствам, а в будущей – навеки соединился с Ним, как Источником жизни и блаженства. Эту цель всегда должно иметь в виду при воспитании. Сообразно с ней должно возбуждать и направлять детские способности, а ростки зла, как начальные следствия нашего отпадения от Бога, всеми мерами подавлять и постепенно уничтожать. Поэтому в широком смысле к воспитанию относится все то, посредством чего или пробуждаются ещё дремлющие способности, или направляются согласно с целью уже возбуждённые силы, а прежде принявшие ошибочное направление – исправляются. Сюда относятся различные обстоятельства жизни, скорби и горести и вообще вся жизнь человека. Но в узком смыс-

³ Ириней, епископ Екатеринбургский и Ирбитский. Поучения. / Вступительная статья прот. А.Маляревского. – СПб., 2005. – С. 128.

⁴ Феофан Затворник, святитель. Путь ко спасению. – М., 1899. – С. 62.

⁵ Склярова Т.В., Янушквичене О.Л. Возрастная педагогика и психология: Учебное пособие для студентов педагогических вузов. – М., 2004. – С. 9.

ле под воспитанием следует понимать намеренное влияние на образование способностей и облагораживание души воспитанника, чтобы он достиг такого нравственного состояния, когда можно без постороннего руководства совершенствоваться в соответствии со своим временным и вечным назначением. Поэтому с православной точки зрения:

а) воспитание состоит не в сообщении новых способностей, но только в возбуждении уже заложенных и руководстве ими. Впрочем, воспитатель не должен терять надежду, если у того или иного воспитанника не хватает некоторых способностей, нужных для достижения предполагаемых целей воспитания. Искусство, постоянное терпение в труде и особенно святая любовь (1 Кор. 13:4-8) могут многое сделать;

б) так как вся человеческая природа повреждена и находится под знаком греха, то воспитание состоит не только в возбуждении духа человеческого, но и во врачевстве духовных болезней. Каждый воспитатель может приложить к себе повеление, данное пророку: «Смотри, Я поставил тебя, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать» (Иер. 1:10);

в) хотя и важно предостерегать воспитанника от погрешностей, но необходимо и образовывать его, постепенно все более и более совершенствуя его способности в продолжение всего воспитания;

г) воспитание не состоит в сообщении одних только познаний или в одном обучении приличному внешнему поведению; напротив, особенный долг воспитателя – так возбуждать и направлять внутренние силы воспитанника, чтобы он постепенно укреплялся во всех отношениях и после этого сам мог продолжать свое дальнейшее образование, которое в этой жизни никогда не должно прекращаться⁶.

Воспитание определяется как процесс воцерковления личности.

Прот. Евгений Шестун понимает воцерковление шире религиозного воспитания. Воцерковить – значит освятить светом веры весь круг понятий и практической жизни человека, положить в основу жизни не цель развития личности, а цель спасения человеческой души. Спасение не отрицает развития, но лишает его стихийной самоценности. Вне спасения развитие понимается как самореализация, которая, как правило, разжигает страсти и питает гордость человеческую. В рамках спасения развитие реализуется в формах служения и жертвенности. «Воцерковить» означает научить не только жить по-христиански, но и мыслить по-христиански, то есть обращаться за руководством прежде всего к учению Церкви, а не только к науке. «Воцерковить» означает преодолеть разлад между мыслью и чувством, плотью и духом, знанием и верой; обрести полноту бытия в мире материальном и мире духовном; не исправлять и формировать, а освящать и преображать личность в Духе Истины и Любви⁷.

⁶ Евсевий (Орлинский), архиеп. Энциклопедия воспитания маленького христианина. – М., 2007. – С. 13-18.

⁷ Шестун Е., прот. Православная педагогика: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2001, – С. 30-31.

В православном воспитании признается уникальность и ценность каждого человека и неисповедимость путей Господних, но это не означает, что неизвестны окончательные цели воспитания. **Конечная цель воспитания – спасение личности, спасение души человеческой.**

Православное воспитание, по сути, предполагает решение двух задач. Во-первых, - подготовить ребенка к вечной жизни, к жизни в вечности, в Боге и с Богом, чтобы земные дни не пропали даром, и чтобы смерть не была духовной катастрофой. Нужно человека предостеречь в земные дни от падений и развить в нем то, что не утратится в вечности. В этом одна сторона воспитания, и потому в развитии внутреннего человека – главный путь воспитательной работы. Во-вторых, не менее важна подготовка к этой жизни, так как эта жизнь дает не только возможность приобрести жизнь вечную, но даёт возможность и потерять ее. Как будет пройдена эта жизнь – так она отзовется и в вечной жизни, мы живем так, что эта жизнь является только ступенью в вечность. Именно поэтому необходима свобода от мелочей жизни, от всего несущественного – важно «не угасить духа». Мы зачастую так подавлены текущей жизнью, что, даже видя правду, не можем ею овладеть.

Если при воспитании обращаем внимание только на подготовку к вечной жизни, то возможно, что многое индивидуальное, таланты, дарования останутся в ребенке нераскрытыми – воспитание будет односторонним. Если есть то, с чем можно идти из этой жизни в вечную, то, конечно, главное сделано; однако пройти сквозь эту жизнь вне связывания ее с вечностью нельзя.

Очень часто бывает обратное, вопросы этой жизни ставятся на первый план. Но, конечно, не только в принципе, иерархически, но и для педагогической работы важнее задача подготовки к вечной жизни. Акцент на подготовке к земной жизни должен быть на втором месте. Дети же легко ставят на первый план вопросы практические. Задача воспитания должна быть поставлена так, чтобы первенствующей в ней была устремленность к небу, а не к земле. Человек тем и отличен от других живых созданий, что он не только принадлежит земле, но и подымается над ней, живет иным миром (это устремление к небу тоже может быть извращаемо – например, в искусственном погружении в один лишь мир прекрасного, в развитии одной лишь эстетической стороны в духовной жизни).

Таким образом, обе задачи воспитания (устремленность к вечной жизни и к жизни земной) должны быть правильно сочетаемы и должны образовывать единую, целостную задачу воспитания.

Формулируя так задачу воспитания, необходимо дополнить ее тем, что путь воспитания есть подготовка к свободе во Христе. Свобода есть дар Христа, и благовестие свободы, принесенное Христом, распространяется по всему миру. Однако овладеть даром христианской свободы

очень трудно, ведь свобода – это самое ценное и самое основное в нас. Православие среди других исповеданий в наибольшей мере сохранило благовестие свободы в Церкви и через Церковь, тогда как протестантство в понимании свободы уклонилось в сторону индивидуализма.

Дар свободы связан с образом Божиим, пребывающим в человеке. Свобода в натуральном порядке дана каждому, но она не имеет самого ценного, что есть в подлинной свободе – внутренней связи ее с добром, с правдой – наша, *земная*, свобода есть свобода и к добру, и к злу.

Понятия добра и зла в светской педагогике носят относительный характер. В православной педагогике они абсолютны: зло нельзя оправдать и нельзя его эстетизировать.

Православное воспитание состоит в усвоении дара свободы. Если должны быть ступени на этом пути (ибо было бы насмешкой над ребенком четырех лет предоставить ему ту же степень свободы, что и в четырнадцать лет), то все же они должны развивать сознание свободы, чувство ответственности и умение владеть своей свободой. Осознание внутренней свободы возникает у ребенка только тогда, когда он чувствует и видит в жизни равенство себя и всех окружающих пред лицом Бога. Такое воспитание дается в самой христианской жизни, а не через одно усвоение идей о свободе. Очень часто мы в детях наблюдаем такое раздвоение между миром идей и целостной жизнью. Для них отвлеченные правила, идеи, не воплощенные в жизни, не подкрепленные и не реализованные ею, остаются только абстрактными правилами. В христианстве подлинным субъектом свободы является не отдельный человек, но только Церковь как целостный организм. Мы только тогда свободны по-христиански, когда прислушиваемся к Церкви и живем в ней. Путь стояния перед Богом – это есть путь воспитания в себе внутреннего человека.

Третьим существенным пунктом в системе православного воспитания является учет в педагогической практике принципа иерархического строения человека. Человек построен иерархически в соотношении его сил и свойств, но Богом установленная иерархия была нарушена грехопадением, и развитие человека есть лишь восстановление нормальной иерархии сил. Норма, заложенная в нас, ныне предстает как задача и путь, и роль воспитания заключается в том, чтобы подвести дитя к внутренней жизни, к работе над собой, к овладению даром свободы.

Этот путь бесконечен, именно поэтому воспитание не может дать ничего законченного – оно лишь открывает путь и учит идти им. Главное – это невозможность утешиться данным; безостановочное движение по пути к совершенству, а все остальное, требуемое для жизни, придёт постепенно⁸.

Господь наш Иисус Христос, Бог и вместе совершенный Человек, сто-

⁸ Зеньковский В.В., прот. Педагогика. – М., 1996, – С. 40-43.

ит во главе всего созданного Им нового христианского времени. Он даровал и вечный идеал воспитания: каждый христианин должен, с учётом врождённых способностей, стараться уподобиться Христу, то есть победить в себе своекорыстную природу и образовать из себя свободную личность, стоящую в сознательных и разумных отношениях к Богу, людям и природе. Это требование Христос осуществил в своей жизни и утвердил примером как истинный Учитель и Воспитатель. Он открыл миру, что Бог есть Дух, которому и поклоняться необходимо духом и истиною, возвестил истину, что Бог живёт в человеке по мере подчинения и согласования его воли с волею Бога. В учении и делах Совершеннейшего Учителя заключаются все вечные основы педагогики, которые нам следует, развивая, применять на практике.

Господь наш признает всю важность телесно-духовного воспитания детей, однако воспитание духа в Его глазах выше и важнее развития тела и приобретения земных сокровищ, ибо *«какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»* (Мф. 16:26). *«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо, где сокровища ваши, там будет и сердце ваше»* (Мф. 6:19-21). *«Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и это все (земное – авт.) приложится вам»* (Мф. 6:33). *«Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе»* (Рим. 14:17).

На этих основаниях установил Христос истинное понятие о воспитании. Воспитание человека по духу Евангелия есть его возвышение из низменности и чувственности к Божественному совершенству. Воспитание должно выработать в человеке не только внешнее доброе поведение, не только внешние добрые формы жизни, но должно делать человека новым творением Божиим, должно выработать такие внутренние основы жизни, чтобы доброе поведение воспитываемого было служением Богу в духе и истине и проникало в сокровенные изгибы душевной жизни, вытекало из радостной преданности своему Господу, чтобы отношения человека к Богу были истинно сыновними⁹.

Эффективность воспитания в значительной мере связана с тем, насколько полно и последовательно реализуются принципы воспитательной работы в каждой акции и организованном мероприятии¹⁰.

Рассмотрим основные принципы православного воспитания.

1. В своих рассуждениях мы основываемся на том, что человек создан по образу Божию, то есть самая сущность человека, внутреннее ядро его личности несет в себе начало, исходящее от Бога. Человеческая личность существует не сама по себе, не в силу своей самодостаточности,

⁹ Шестун Е., прот. Указ. соч. – С. 53-55.

¹⁰ Педагогика: Учебное пособие / Под ред. П.И. Пидкасистого. – М., 2008. – С. 251-258.

поскольку не имеет в себе источника бытия, но существует благодаря своей онтологической причастности ко Христу. Христос является метафизическим основанием каждой человеческой личности в ее реальной конкретности и в беспредельности открывающегося для нее бытия. Сын Божий в Своём Воплощении и Воскресении явил самую глубокую и фундаментальную основу сущности человека, которого Он воссоздал для вечной жизни и для приобщения к идеальной полноте бытия. Именно во Христе впервые раскрылась и ожила неповреждённая богоподобная человеческая личность. Искупление Им человеческих грехов открыло людям путь к святости, путь к обожению. Подлинная личность открывается в личной встрече человека со Христом. Православное воспитание есть приведение ко Христу и Его Церкви, к постоянному питанию от тех благодатных даров, которые есть в Церкви. В православном воспитании происходит освящение образом Христовым всей человеческой жизни.

Личность проявляет, раскрывает и осуществляет себя в сложной духовно-телесной природе человека. Бытие человека есть единая и неделимая жизнь природы и личности. Такое понимание бытия человека позволяет формулировать задачу воспитания ребенка как раскрытие его личности, но не в плане так называемого гармонического развития естества, а в плане его внутренней иерархичности. В человеке не только все лично, но и личность живёт всем – оттого нельзя развитие личности оторвать от физической, психической, социальной ее жизни, но, учитывая, что личность есть прежде всего явление духовного мира, необходимо воздерживаться от преувеличения роли различных внешних детерминант в ее становлении. Нужно помнить иерархическую взаимосвязанность всех сторон личности, их инструментальное значение в развитии основного личностного начала – духовной жизни.

2. Без воцерковления, без глубокого вхождения в литургическую жизнь не может быть настоящего православного воспитания и образования. Вне Церкви, вне Евхаристии непостижима полнота Божественной благодати. С педагогической точки зрения наиболее важным является не только индивидуальное приобщение к благодатным силам Церкви, но и создание церковной среды, церковного быта, благодатное преобразование социальной жизни, наше единство в Церкви и через Церковь как начало благодатной соборности. Наша социальная и семейная жизнь получает свое освящение и раскрытие лишь в Церкви и через Церковь.

Церковь через Таинство брака преображает естественное сближение мужчины и женщины, а с ними и их детей в «малую Церковь». Родители, давая жизнь детям, обязаны по первейшему своему долгу воспитывать детей. Они призваны создавать в семье атмосферу, проникнутую любовью и благоговением к Богу и людям, благоприятствовать целостному личностному и социальному воспитанию детей. Семья, являясь первой школой христианских добродетелей, может воссоздать свое благодатное

служение через восстановление приходской жизни. Приходская община по сути является большой семьей, участие в ее жизни способствует воцерковлению и укреплению «малой Церкви», как мы вслед за апостолом называем семью.

Тот же процесс воцерковления должен преобразовать и школу в «малую Церковь», то есть сообщать естественной социальной стихии ту силу, которая преобразует случайную группу детей в школьную семью и тем самым ведет к восхождению к церковному началу. Школа только тогда и может раскрыть все те духовные возможности, которые скрыты в объединении детей, если она действительно станет единой семьей и укрепит это преобразование через связь школьной жизни с жизнью Церкви. Значение церковной среды как первостепенного фактора в духовном созревании детей состоит в присущей ей соборности. Детская душа духовно живет тем богатством, какое дано в образе Божиим, но она духовно развивается не в изоляции от других детей, а через организацию воцерковленной школы.

3. Цель православного воспитания есть помощь детям в освобождении их от власти греха через благодатное восполнение, находимое в Церкви. Это помощь в раскрытии образа Божия в себе, раскрытии пути к вечной жизни, приобщение к ней уже в земной жизни. Православная педагогика немыслима без пробуждения глубоко заложенного в человеке чувства греха. Современная светская школа и общество истребляют в ребенке, в юноше, в девушке, во взрослом человеке сознание греха, само представление о добре и зле. Чувство греха притупляется и у многих людей, считающих себя православными. Вот почему так необходимо с детства воспитывать способность к противлению злу, и не только внешнему, а особенно внутреннему, гнездящемуся в нашем «я».

Для Православия во все времена важнейшим основанием, устоем истинной жизни было ее построение по требованиям христианского совершенства. Для православных людей святые, подвижники были образцами жизни по Богу. От понимания жизни как подвига проистекает нравственный аскетизм Православия, великая духовная дисциплина. Молитва, пост, почти монашеский строй настоящей православной жизни предполагают восхождение от силы в силу. Однако никогда православная жизнь не была мрачной и угрюмой. В православном миропонимании всегда преобладало живое разумение того, что вечная жизнь уже явлена, уже незримо присутствует в земной жизни. Отсюда удивительная радость, переполняющая человека.

В наше время духу мира, духу ограниченного материалистического мировоззрения, распушенности, алчности и стремлению к обогащению мы должны противопоставить высоту нравственного аскетизма Православия как основоположение нашего образования и воспитания. Завтрашний день не только России, но и всего мира немыслим без возвращения людей к идеалам духовного трезвения и самоограничения.

Общество потребления, к которому многие стремятся, – очередной миф, как и многие другие социальные мифы.

Но даже самая строгая аскетическая жизнь может превратиться в фанатизм, если нет любви, если нет следования Христовым заповедям. Их сущность кратко изложил Сам Господь, сказав: *«возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всю душою твою, и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобна ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки»* (Мф. 22, 37-40). Детей надо учить делам любви, следует приучать их думать и заботиться о других.

4. Понятие «родной край» является одновременно и мистическим, и родовым (родным). Мистическим оно становится через стояние на земле Храма как живого и конкретного соединения Божественного и человеческого. Храм – это место воссоединения горнего и дольного. Родовым оно является через мистику земли, ибо от этой земли были взяты наши предки. Здесь их могилы и дома. Здесь нынче и мы сами. Из земли вышли и в землю возвратимся телом.

Патриотизм – это прежде всего осознание Русской Земли как своей, это осознание ответственным себя за эту землю, за ее благосостояние, это осознание себя в диалоге с живой историей земли. Это, наконец, и осознание себя в ряду поколений, способность простить (не осудить) ошибки отцов и дедов и стремление искупить их своей жизнью. Последнее можно назвать выпрямлением пути рода (семьи) и народа в целом.

Можно говорить и о формировании ответственности за прямое nasledование хозяйствования на земле, когда не примитивное и греховное любопытство, не дерзостное стремление вырвать у природы ее тайны, а естественное желание жить и творить в гармоническом равновесии с природой управляют человеческой активностью.

Истинный патриотизм не базируется на ненависти к другим народам, он не носит агрессивного характера. Это сила, которая в Церкви именуется «добролюбезной»¹¹.

5. Не случайно преподобный Серафим Саровский учил: «Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи». Именно это, именно проблема спасения является целью православного воспитания. Конечно, реальные педагоги от святости далеки, но существует принцип: воспитывать становление становлением. Живой поиск живого человека, того, кто пребывает рядом с тобой, которому ты не безразличен, который является твоим другом, который понимает тебя, может быть, лучше, чем ты сам, радуется всем твоим успехам и скорбит о твоих падениях, не может не воспитывать. Такое отношение к воспитуемому, безусловно, является подвигом, но если педагог не готов на такой подвиг, то лучше ему не браться за воспитание, а заняться чем-нибудь другим. Вспомним апостола Иакова, который при-

¹¹ Шестун Е., прог. Указ. соч. – С. 544-548.

зывает: «*Братия мои! Не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению. Ибо все мы много согрешаем*» (Иак. 3:1-2)¹².

В.И. Даль дает такой пример воспитания собственным становлением: «В доброй крестьянской семье и дети удачны бывают, и самое bestолковое воспитание идет впрок. Знаете ли, отчего это? Оттого, что господствующим влиянием на детей бывает любовь и благодушие, а преобладающим примером – мир и кротость. Вот в чем заключается вся тайна воспитания. Все, что за сим будет упущено или искажено, большей частью исправляется само собой исподволь, когда бывший ребенок начинает входить в года и, постепенно мужая, наживает свой разум. Поэтому мы и видим постоянно, что хорошие и дурные крестьяне родом ведутся, как хохлатые курицы двором, и, назвав крестьянскую семью, всегда можно сказать о ней, какова она вообще, а редко придется делать резкие изъятия из некоторых ее членов»¹³.

Итак, православное воспитание понимается как возвращение человека, учитывающее все три сферы бытия его личности: телесную, душевную и духовную. Цель воспитания всегда одна независимо от времени и общества, которое существует – это **спасение души человеческой**. Идеалом воспитания является Господь наш Иисус Христос, Бог и совершеннейший Человек. Принципами православного воспитания являются:

1. Воспитание должно вестись в соответствии с православным взглядом на человека как на образ и подобие Божие.
2. Воспитание должно вестись в Церкви и через Церковь как начало благодатной Соборности.
3. Жизнь воспитанников должна строиться в соответствии с требованиями христианского совершенства.
4. В воспитанниках необходимо развивать чувство патриотизма, прививать любовь как к своему Отчеству, так и к малой родине, к родному краю.
5. Воспитание должно способствовать **становлению** личности.

¹² Склярова Т.В., Янушкявичене О.Л. Указ. соч. – С.13-14.

¹³ Даль В.И. Хмель, сон и явь. – СПб., 2007. – С. 37-38.

М.А. ЕЛДИН,
доктор философских наук, доцент

РОССИЙСКАЯ ДУХОВНАЯ ТРАДИЦИЯ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ: СПЕЦИФИКА, РАЗВИТИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Р последнее время можно достаточно часто встретить оценку времени «схода» XX-XXI столетий как периода, приведшего к фрагментации и нивелированию многовековой системы традиционных российских культурных ценностей, уходящих своими корнями в далекую средневековую эпоху развития цивилизации Руси-России, некогда давшей толчок для развития русской духовной мысли. В результате размывания духовной составляющей общественных отношений страна переживает глубочайший многоуровневый процесс поляризации культур, кризис ценностных оснований бытия человека, выход из которых представляется возможным лишь через объективное рассмотрение основного спектра вопросов, связанных с обращением к истокам отечественной духовности и традиции.

Сегодня весь мир культуры, а также духовная сфера деятельности общества регулируется традицией. По образному определению Г.-Г. Гадамера, «традиция, к которой мы принадлежим и в которой живем, – это не часть нашего куль-

турного опыта, не так называемое культурное предание, которое тогда состояло бы из одних памятников и текстов и заключалось бы лишь в передаче смыслов... Нет, нам непосредственно передается, *traditur*, сам же познаваемый в коммуникативном опыте мир, передается нам как постоянно открытая бесконечности задача»¹.

Главная особенность традиции – объединение людей на основе культурного наследования духовных ценностей и стереотипов, ритуалов, обычаев, культурного уклада жизни. Это конкретно-исторически развивающаяся система духовных парадигм культурного творчества, духовная сила общества, образец для подражания в настоящем и будущем последующих поколений, регулятор нравственного климата в социуме. Указанное, несмотря на большое количество концепций на сей счет, является наименее точно определенным в философском дискурсе современности.

Анализ развития российской духовной традиции в пространстве Среднего Поволжья и Республики Мордовия содержит алгоритм раскрытия сущности современного со-

¹ Гадамер Г.-Г. Философия и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М., 1991. – С. 14.

циокультурного диалога этнокультур и этнотрадиций. Именно этим определяется его непреходящая научная ценность. Духовная традиция является сложным феноменом, обладающим рядом важных показателей: система духовных ценностей, интеллектуальная основа культурного созидания, процесс человеческого творчества, значимого по своей функциональной социальной роли, выражение конструктивной формы идентификационных отношений между людьми, показатель и регулятор культурно-нравственного состояния человека. По верному наблюдению К.Г. Юнга, обращение к традиционному фактору как к «маяку» ценностно-культурных идентификаций есть стремление восполнить духовные лакуны современности: «Действительно среди современных людей мы часто находим тех, что называют себя старомодными. Такую позицию они занимают не без оснований: во-первых, они подчеркивают таким образом значимость прошлого, чтобы возместить свой разрыв с традицией и возникшее чувство вины; во-вторых, чтобы не быть принятыми за псевдосовременных»².

Прежде всего, с осмыслением духовно-традиционного фактора бытия культуры мы приходим к более глубокому и ёмкому пониманию социокультурных проблем современности. Изучение феномена российской духовной традиции, возникшей на стыке различных пластов культур восточноевропей-

ских регионов Российской Федерации, включая Среднее Поволжье и Республику Мордовия, открывает новые возможности для понимания сущности преемственности стандартов отношений человека и социума в аспекте теории и истории культуры. В современном состоянии общества, характеризующемся отсутствием ценностных ориентиров и моральным релятивизмом, важность обращения к наследию прошлого огромна: такие ценности, как человеколюбие, душевная справедливость, соборность, были исконным основанием отечественной духовности. Согласно Ш.Н. Эйзенштадту, внутренняя динамика традиции связана с процессом кристаллизации устойчивых структур социального и культурного опыта, конституирования на их основе культурной макроидентичности посредством институционального закрепления определенных фигур опыта и интерпретации их на основе предзаданных культурным априори символических космологии и мировоззрения³.

Термин «русский» адресован к территориальному аспекту существования духовной традиции русского народа в Российской Федерации. Проблемы развития отечественной социокультурной традиции именно сегодня рассматриваются все чаще в плоскости русского общественного бытия, что характерно и для данной работы. Духовная традиция русских – это комплекс

² Юнг К.Г. Архетип и символ. – М., 1991. – С. 216.

³ См.: Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование общества. Сравнительное изучение цивилизаций / пер. с англ. А.В. Гордона. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.

российского духовно-культурного опыта, созданного или продолженного прошлыми поколениями соотечественников, который, будучи принятым и переосмысленным наследниками, дошел до настоящего времени.

В нашем понимании, этнокультурная многосоставность регионов и этносов России создаст определенные трудности при изучении отечественных традиций. Поэтому проблема данного исследования обусловлена слабостью разработанности в культурно-философском аспекте ряда вопросов, касающихся специфики отечественной традиции духовного наследия и его влияния на формирование региональных культур.

Среднее Поволжье было едва ли не самым уникальным регионом по своей геокультурной позиции среди создавших собственную практику диалога культур евразийских территорий. С самого начала Поволжье формировалось как полиэтническое и поликонфессиональное пространство, воспринимавшее духовные компоненты и скрепы культурсозидания из многих евразийских регионов и цивилизаций: от центрально-азиатских культурных заимствований до русско-византийских традиций. При вхождении в состав Руси в приволжских регионах было, хотя и малочисленное, коренное финно-угорское население – мордва, удмурты, марийцы. По образному выражению М.М. Бахтина, «между ними начинается как бы диалог,

который преодолевает замкнутость и односторонность... смыслов, этих культур»⁴.

В социогуманитарной науке системное применение в качестве одного из способов культурнофилософского исследования получил принцип выделения историко-этнографических областей, то есть зоны этнического контакта, где в результате продолжительного совместного проживания различных по языку и культуре народов, диалога традиций между ними возникают сходные духовно-культурные ценности. Поэтому опыт Приволжского региона может стать примером того, где и как следует искать пути выхода из кризиса современного социума, развивать диалог этнокультур. Передача российской традиции в сферу социокультурного бытия народов Мордовии как определенной системы мировоззрения, предписывающей конкретную систему практик, от поколения к поколению возможна лишь при условии полноты воспроизводства духовно-культурного контекста наследия Руси-России.

Динамика развития социокультурной традиции имеет направленность в сторону своего изменения. Проблема состоит не только в трансформации российского культурного влияния на поволжское региональное общество традиционных элементов межкультурных отношений, но в вытеснении ценностей, стереотипов поведения и жизненных образцов, ухода их в пределы маргинализа-

⁴ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М.: Худ. Литература, 1975. – С. 333.

ции и фрагментации. Существует также процесс секуляризации традиции, замена местных традиций и локальных социальных общностей глобальными тенденциями. В указанном плане утрачиваются важнейшие социальные функции традиции: идентификационная, регулятивная и интегрирующая.

Внимание к традиционной сфере бытия культуры социума стало возрастать в обществе и в связи с процессами модернизации трансформации культур. Можно утверждать, что успешная модернизация, напротив, может быть проведена при опоре на элементы традиционной регуляции (семья, община, духовные институты общества).

Таким образом, важность данного исследования определяется, во-первых, тем, что изучение в философии культуры феномена духовной традиции, возникшего на стыке различных срезов социокультурного бытия, открывает новые возможности для понимания сущности человека и общества в пространстве динамики социальной истории. Значение демаркационного контекста данного анализа в гуманитаристике перспективно: специфика российской духовной традиции определяется в культурфилософии именно как фактор сохранения передаточного механизма культурных образцов духовного бытия социума. Понимание же констант традиции в социальном знании (в социологии) разграничивает, в свою очередь, духовную сферу на интеллектуальные, религиозные, правовые и другие формы

традиционности культур. В указанном контексте понятие традиции уместно в теории и истории культуры, а в социологии наблюдается множественность традиций.

Во-вторых, российский тип духовной традиции имеет большое значение для осмысления истории культуры общества в целом. Освещая обширные пласты человеческой жизни, модели поведения, типы личности, элементы духовной культуры народов России (язык, философия, литература и т.д.), традиция не только рефлексует современное ей общество, но и дает ему оценку, важную для его целостного понимания.

В-третьих, значим нормативный аспект традиции – поиск и утверждение общественных идеалов и ценностей. С этой точки зрения крайне значительна ее социально-нравственная, регулятивная функция, показывающая отношение между сущим и должным, что становится важным в настоящую эпоху кризиса норм и установлений морали. Ценным при изучении регионального контекста культур Среднего Поволжья представляется и то, что духовная традиция утверждает именно социальные ценности, наполненные смыслами культурного развития и возрождения, единения, оптимизма, полноты новой жизни, которые противостоят нежизнеспособным идеологическим и искусственным догмам и постулатам. В российском типе духовности общества сублимируется положительная эстетическо-психологическая энергетика, столь

необходимая обществу на фоне усложняющейся общественно-политической и социально-нравственной обстановки современности.

В-четвертых, российская духовная традиция в Мордовии как многоаспектное явление основана на особых представлениях о человеке и его сущностных проявлениях, его отношении к миру и другим людям (мировоззренческая установка личности). Образцы формирования общего социокультурного пространства России и ее регионов, включая Республику Мордовия, опирающиеся на принципы традиционности и духовности культурного бытия, требовали признания некоего единственного источника идентификации культурного российского мира, поставленного над становящимися все более партикулярными во времени системами ценностей различных социальных групп, в чем усматривалась именно угроза основной общероссийской традиции в качестве модели прежнего взаимодействия культур.

Изучение духовных традиций этносов, определение соотношения культурных универсалий и национально-специфических традиционных представлений и норм, особенностей преломления в них общечеловеческих моральных требований и норм представляются особо актуальными и значимыми.

Исследовательский интерес к духовной традиции как к особой проблеме возник во второй половине XIX в. Однако принципы понимания указанной проблематики в философских исследованиях

культуры в своих истоках рассматривались еще с момента оформления философских знаний в Древней Греции. Античные мыслители сформировали классическую триаду традиции духовной культуры человечества: истина, добро, красота (Аристотель, Платон, Плотин). В Средневековье духовная традиция – атрибут Божественных канонов, заданных человеку как этапы истинного пути к спасению и совершенствованию души (Блаженный Августин, св. Григорий Палама, Фома Аквинский и др.). В философии эпох Возрождения и Просвещения высшими проявлениями традиции становятся Человек, Знания, Культура. Так, Ф. Бэкон, О. Конт, Г. Тард и др. ожидали от будущего не сохранения традиций, а введения новаций.

Наиболее последовательно особенности влияния и специфики духовной традиции рассмотрены в работах многих крупных западных философов, социологов и историков. Проблема изучения культурных традиций в XVIII столетии связывается прежде всего с именами И.Канта и Ф.Шеллинга, у которых традиции – это некие трансцендентные ориентиры культуры. Традиции, по Канту, сами по себе не обладают бытием, у них есть только значимость, ценностные требования, обращенные к воле человека, «цели для воли», поставленные перед ней.

Если у Г.В.Ф. Гегеля традиция занимает важное место в процессе всемирно-исторической объективации духа, то в концепции К.Маркса она трактуется как вы-

ражение классовых и групповых интересов, как составляющая идеологии, а сквозь призму тотальной критики религии и Церкви – как орудие регулирования общественного мнения. По словам современного исследователя, «принципиально важной в марксистской науке является мысль о том, что борьба за изживание традиционализма и его приспособление к современным потребностям не должна становиться самоцелью социальной стратегии»⁵. Негативные коннотации понятия традиции заметны и у Ф.Ницше, для которого последняя есть квинтэссенция обывательской косности, мешающая становлению сверхчеловека и подлежащая отрицанию.

На сегодняшний день приходится констатировать, что среди значительной части западных исследователей господствует та позиция, согласно которой отечественная духовная традиция носила нетворческий характер и вела этносы регионов России к пассивности и авторитаризму социокультурного бытия. С указанной «ходульной» формулировкой, известной со времен С.Герберштейна и Д.Флетчера, сегодня сложно согласиться, поскольку большинство современных исследователей отмечает наличие уникальности явлений российской традиции и ее все-

мирно-исторического значения: «Евразия сегодня – это не столько объект чьей-то политики, сколько субъект собственной стратегии и, прежде всего, ее крупнейших держав – России и Китая»⁶.

Повышение интереса к проблемам региональной культуры наблюдается на рубеже XX-XXI вв. Это, безусловно, связано с происходящим внутри страны процессом суверенизации регионов, выработкой новой региональной политики и региональной стратегии в социокультурной сфере.

Следует отметить неоднозначный взгляд на значение российской духовной традиции среди зарубежных исследований по культурной истории Евразии и ее народов, где российская традиция духовности предстает как довольно архаичная в сравнении с западной⁷. Известный западный философ Х.Ортега-и-Гассет отмечал глубоко традиционалистский характер культуры многих этнокультурных общностей Евразии, особенно усилившийся, когда их культурная жизнь, по мнению мыслителя, оказалась как бы лишеной развития, застывшей в своем утверждении имперского консерватизма: «Старые рационалистические тезисы принимаются по инерции ума, по привычке, по суеверию, т.е. в духе традиционализма; лишившись творческого

⁵ Осипова О.С. Американская социология о традициях в странах Востока. – М., 1985. – С. 41.

⁶ См.: Чжан Байчунь. Передача технологий из Советского Союза в Китай. 1949-1966 гг. (Technology transfer from the Soviet Union to the China. 1949-1966) / Чжан Байчунь, Яо Фан, Чжан Цзючунь, Цзян Лун / под редакцией Бао Оу, Хан Ихуа, Э.И. Колчинского, В.М. Ломовицкой / пер. с кит. Е.И. Ганышиной. – СПб.: Несто-История, 2010. – 232 с.; Чжан Байчунь. О трагедии русской религиозной философии // Вопросы философии. 2007. – №5. – С. 73-80.

⁷ Паин Э.А. Волновая природа подъема традиционализма на рубеже XX-XXI веков // Общественные науки и современность. – 2011. – № 2. – С. 50.

разума, они окостенели, сделались священными...»⁸.

Духовная традиция культурного пространства Среднего Поволжья – важная составляющая российской духовной традиции, следовательно, самые яркие представители отечественной культуры ойкумены и являлись яркими выразителями традиционных форм культурного сознания российских народов в диалоге традиций локального и универсального измерения отечественного духовно-культурного наследия. Современный диалог традиций российского общества является условием и результатом мега- и макротенденций, происходящих в российском социуме, и проявляется, с одной стороны, в формах, выражающих секуляризацию и глобализацию культурной и политической жизни, а с другой стороны – в формах, отражающих стремление к этнокультурной самоидентификации народов и народностей России.

Противоречия в развитии и состоянии культуры и общества в целом реализуются в личном, групповом, национальном, этническом и общественном самосознании, в кровно-родственных отношениях, в сфере образования, политики, культуры в ходе духовно-культурной деятельности. В современных условиях действует ряд разнонаправленных тенденций, общих для всех культур и обществ. Но для жизни региональных сообществ характерно явное присутствие только части определенных тенденций, тогда как всю

совокупность особенностей современного диалога традиций можно увидеть на примере деятельности наиболее крупной и целостной системы, характеризующейся как социокультурный феномен – духовной традиции, рефлексированной в общероссийском варианте культурного бытия народов.

На основе проведенных исследований нами выдвинуты следующие ключевые положения:

1. Духовная традиция, как *система социокультурного наследия*, в качестве концепта и модели одинаково применима как к культуре доисторических, античных и средневековых обществ, так и к национальной традиции в эпоху новейшего времени и к социальным общностям локального плана. При рассмотрении каждой традиции важно, что она является не только частным проявлением специфического способа развития форм духовности вообще, но, в первую очередь, реальной социокультурной системой, которая по-своему аутентично развивается.

Основания и способы развития культуросферы носят духовный характер, типологические формы ее поливариантны, их соотношение уникально, как и сама культура социума. Поэтому малорезультативно пытаться рассматривать через одну парадигму традиции особенности эволюции или стабилизации, характерные для другой традиционной системы.

2. *Типология духовных традиций* составляет специфичную интерпретацию в феномене бытия и раз-

⁸ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М., 1991. – С. 23.

вития духовной сферы культуры России. Новая концепция духовной традиции дает условное разделение вариантов культурного наследия и форм поведения на «типы», из которых «выявлены» разнообразные варианты и определены возможные связи между ними. Основными вариантами устойчивых связей между традиционными «парадигмами» культур, которые могут быть названы типами традиции, являются, на наш взгляд, следующие: нормативная (каноничная, последовательная) и этносоциальная (идентификационная, адаптивная); мировоззренческая; официальная, обыденная (компромиссная) и традиция духовности (оппозиционная). На основании сравнения алгоритмов исследования духовно-традиционных явлений можно выделить три их основы – «контаминативную», «рецептивную» и «аксиоцентрическую».

В современной культурфилософии признается, что типология традиции духовности в цивилизационной позиции для россиян (как локальной, так и универсальной) обладает сущностным статусом канала восхождения к истоковому бытию отечественной цивилизации, мыслимому как изначально интегрированность культурно-человеческой общности в сакрализованную целостность культуросферы социума.

3. Духовная традиция, в отличие от простого процесса преемственности культур, передачи опыта, мемориального акта социального бытия, концептуально утверждает и духовное наследие,

и процесс наследования, и его результат (наследника, воспринявшего духовно-традиционное наследие) – она ориентирует на воспроизводство духовной целостности, с ее спецификой, иерархией духовных ценностей, внутренним основанием.

Воспринимаемые концепты, ценности и парадигмы духовной традиции принимают свою системность не по своей сущностной значимости, но от возможности и встроенности в процесс духовного производства социокультурной жизни современности, имеют необходимость наличия истокового центра. Здесь в качестве центрального фактора традиции раскрывается ее антропоцентричный контекст. Только человек, изначально воспитанный в традиции, может быть преемником и полноправным наследником системности и целостности процесса духовного наследования, поскольку он соотносит культурные явления не с абстрактными критериями, а с личностным и социальным опытом указанной системности наследования.

4. Рассмотрение роли диалога традиций Руси и евразийских этнорегиональных сообществ в российском социуме исторической динамики отечественной традиции Руси-России детализирует анализ функционирования механизмов межгенерационной и межкультурной коммуникации сходных по своему ментальному типу сообществ, преобразующих спонтанную коммуникативную память домонотеистического сообщества в

рефлективную культурную память, выступающую основой индивидуальной и групповой самоидентификации. Ритуальный контекст традиций этносов с их устойчивыми акцентами, циклическим повторением и макромасштабами поглощает индивидуальность, ассоциирует памятное наследие и идентичность с космическим и социальным порядком, а утрату последней – с хаосом и катастрофами: распад Руси, крах Булгарии Волжской, ликвидация Орды и др. Как коммуникативная система российская духовная традиция рефлексирована и атрибутирована в византийско-русском варианте традиций. Религиозно-нравственная система традиции обладает следующими атрибутивными свойствами: необратимость (эсхатологичность), открытость, сложность, иерархичность, динамичность, конкретность, самореферентность (выполнение функций, затребованных собственной структурой), теоцентричность, телеологичность (с позитивной аксиологической семантикой культуросферы). Символические смысловые единицы традиционного контекста постепенно в той или иной мере теряют свое архаичное значение.

5. Передача механизмов русской духовной традиции в среду народов Среднего Поволжья и других регионов Евразии как определенного типа духовности и мировоззрения, предписывающего конкретную систему практик, от поколения к поколению, возможна лишь при условии полноты воспроизводства культурного контекста. Утрата или

изменение каких-либо элементов контекста означает начало распада архаичного механизма «живой русской» традиционности с Нового времени, поскольку традиция всегда предполагает целостность понимания мира, единство социальной логики, основанной на сквозном различии сакрального (в его символических репрезентациях) и светского. Незавершенность и контекстуальность символически выраженного знания свидетельствует о его неисчерпаемости, недостаточности любого его перевода в рациональную знаковую систему, которая представляет собой всего лишь редукцию, тогда как символизм культурной традиции уходит своими корнями в нередуцируемое прошлое культурно освященного опыта древнерусского периода. Ключевая методологическая роль различия в духовной культуре здесь находит выражение в абсолютизации поливариантности и взаимной непознаваемости конкретных культурных традиций, в отрицании основанного на тождестве онтологического наполнения символических знаковых структур, в понимании социокультурного воспроизводства как игры различия и повторения в бесконечном копировании лишенных объективного референта знаков.

6. Доминирующее влияние духовной культуры (через моральную интуицию) в трансформирующемся российском обществе и эстетического восприятия как основного способа коммуникации приводит к переструктурированию культурного пространства и размыванию

архаичной культурной памяти народов Российского государства в силу подвижности и зыбкости визуально транслируемых значений духовного наследия византизма и последующей вестернизации. Нестабильность смысловых границ культурного влияния, его определяемость контекстом формируют поливариантность понимания, релятивность образа переориентирует социальную деятельность субъекта на потребление, а не на духовный идеал. Вестернизирующий фактор воздействия на отечественные традиции, с эпохи Нового времени действующий и в Поволжье, носил отвлеченный характер, лишал сферу духовного наследия россиян привязки к пространственно-временным константам культурной памяти архаичных укладов, что способствует разрыву ее преемственности с консервативным византийско-древнерусским субстратом ее генезиса, универсализации и этатизации культурного опыта.

Важность интегративного контекста исследования традиций россиян *перспективна*: сохраняется духовное здоровье нации во времена тоталитаризма и реакции, региональный поволжский потенциал. Как показали события трансформаций и нестроений российской государственности, наследие российской духовной традиции сохраняло исконные культурные и нравственные идеалы.

7. Духовная традиция россиян, выраженная как символическая коммуникативная система и механизм социокультурной детер-

минации воздействия парадигмы российской духовности в *специфике региона* Поволжья, рефлексированная в византийско-русском варианте традиций и организации культур регионального этносоциума, носит определяющий характер. Она представляет собой единый и целостный семантический контекст стереотипизации восприятия и поведения на основе строго определенной семантики, воспроизводство которой и составляет культурное универсализированное духовное творчество.

Смысловые единицы традиционного контекста такого творчества приволжских сообществ приводят к тому, что постепенно в той или иной мере теряют свою значимость локальные фрагменты традиций. Передача российской духовной традиции в среду народов Среднего Поволжья как определенного типа конструирования региональной духовности и культурного уклада, предписывающая конкретную систему практик, от поколения к поколению, возможна лишь при условии полноты воспроизводства универсального культурного контекста отечественного духовного наследия Руси-России.

8. Центральное ядро культурной идентичности россиян в трансформирующемся пространстве Среднеповолжского региона составляет комплекс постоянных для российской духовной традиции ценностей, ценностно-культурных характеристик, раскрываемых на экзистенциально-личностном уровне как

архетипический прообраз идентичности, межпоколенческая трансляция которого происходит в контексте непосредственного общения и диалога. Формирование этнорегиональной идентичности на основе духовного опыта через прямой контакт и подражание представляется основным способом культурного воспроизводства в культурах традиционного типа Среднего Поволжья и может служить базовым критерием типологизации на традиционные и модернизированные в Приволжском регионе. Можно констатировать, что успешная модернизация, напротив, может быть проведена с опорой на элементы традиционной регуляции (семья, община, духовные институты общества).

9. Традиционные системы культуросозидания России и Среднего Поволжья в региональном социуме, поволжском (финно-угорском пространстве), славянском и татарском укладах культурного бытия имеют в результате диалога традиций культур схожий категориальный аппарат, но содержание элементов систем (культурных ценностей) существенно отличается друг от друга (ритуальная деятельность в язычестве; характер коллективно-социальной деятельности в Исламе и уклад нравственного и духовного совершенствования в Православии). Локальность и универсальность региональных традиций составляют двойственную альтернативную интерпретацию в феномене традиции. Кроме того, они содержат в себе механизмы, прежде всего религию, как способ сохране-

ния идентичности, и почти не изменяются, либо изменяются очень медленными темпами в перспективе. Формирующее воздействие традиционной российской парадигмы духовной сферы социума на этнокультуры регионов России, на примере резистентности традиционной духовной культуры Среднего Поволжья, базируется и сегодня на архаических структурах сакральной традиции и общероссийских тенденций развития культурного сознания. На региональном уровне духовная традиция россиян конституирует глубинные уровни индивидуальной духовности и социального культурно-традиционного стереотипа духовной жизни российского региона.

10. Эволюция и этапы становления средневожского контекста российской цивилизации связаны с предполагаемой ориентацией этнокультур на достижение идентичности, ассоциируемой с осознанием самобытности отечественной духовности. В перспективе развития современной культуросферы российский тип традиции в регионально-культурном плане имеет значимость для осмысления культурно-исторического статуса современных россиян в целом. Освещая обширные пласты человеческой жизни, модели поведения, типы личности, элементы духовности народов России и Мордовии (язык, философия, литература и т.д.) традиционные сферы бытия этнокультуры сегодня не только рефлексировать современное ей общество, но и дают ему оценку, важную для це-

лостного понимания культурсозидательной деятельности социума.

Традиция Мордовии в духовной сфере культурного бытия региона в зоне этнодиалога как передача и закрепление во времени духовных или сакрализованных ценностей, определяющих культурную идентичность россиян, составляет атрибут социокультурного бытия и порядка. В секуляризованных обществах как целенаправленно, так и спонтанно, конструируются новые традиции и реактуализируются старые традиционные символические формы, используемые для поддержания и дополнительной легитимации социальных ценностей и сложившейся системы; на реальные исторические фигуры проецируются черты архетипических образов традиционной культуры россиян; создаются перформативные культурные субинституты традиционных практик.

11. В развитии универсализирующих модернизационных процессов современной России и в глобальном масштабе резистентность элементов отечественной духовности накладывает отпечаток на динамику локальных культурно-региональных традиций российских регионов, например, в Мордовии, способствуя общей секуляризации социального бытия и общественного сознания людей, размыванию социокультурных определенностей и вытеснению или достраиванию их унифицированными секуляризованными культурными образцами.

Оппозиция «локальное-универсальное» в духовной традиции

региона и перспективах ее развития в XXI в. переосмыслена в российском обществе новейшего времени на основе анализа трансформации процессов мультикультурализма и толерантности.

12. Традиция как передача и закрепление на перспективу во времени сакральных или сакрализованных ценностей, определяющих культурную идентичность россиян, составляет атрибут социального бытия и социального порядка. Пристальный взгляд на проблему перспектив традиционности российских полиэтнических регионов позволяет выделить главную причину, которая кроется в устойчивости ценностных доминант традиционного социального наследования: не простое научение духовному бытию (теоретизирование), не интеллектуальное принятие русской духовности (профанное моделирование неорационалистских концептов), а опытное познание духовной традиции посредством участия в жизни сообществ и соблюдения установок.

Подлинно обновляющее творчество должно заключаться в выработке собственных, соответствующих своей социальной традиции, решений, органичных в русле своеобразного развития, а не ориентированных на встраивание во внешние процессы, управляемые чуждыми данной традиции субъектами. Это обусловлено тем, что внешняя по отношению к традиции среда источником гармоничных инноваций по определению быть не может. Подмена глубинных обновлений, основан-

ных на соответствии архетипическому духовному акту общества, внешними и поверхностными инновациями является симптомом глубокого кризиса традиции-системы и ведет в конечном счете к ее неминуемой деградации.

Необходимо переосмыслить некоторые традиционные установки россиеведения с тем, чтобы включить в его систему новые адекватные реалиям сегодняшнего дня теоретические положения. Материал проведенного исследования может служить базой для развития подходов в теории традиции, для обозначения границ теории традициологии и некоторых ее разделов, в частности, этноценностного. Такое переосмысление элементов россиеведческой теории позволяет включить ее в общее русло развития искусствоведения на современном этапе.

Многими исследователями констатируется ценностный кризис современного общества, его духовно-ценностных сфер. Тем не менее и на настоящем этапе развития российского общества присутствует возможность выхода из кризиса ценностей. Одной из таких возможностей может быть и переосмысление богатого наследия отечественной духовной традиции.

Системное основание эволюции современных духовных тра-

диций Мордовии в континууме Поволжья и России составляет комплекс постоянных для российской духовной традиции ценностей, ориентаций и характеристик, раскрываемых на экзистенциально-личностном уровне как архетипический прообраз идентичности. На этапах модернизации прогрессирующая утрата традиционными формами сакрального наполнения приводит к снижению эффективности регулятивных функций и мобилизационного потенциала традиций, к росту культурной индифферентности масс и массовизации культуры, к потере обществом духовной вертикали как измерения культурного и социально-психологического пространства, к формированию потребительского типа личной идентичности.

Коллективность, традиционализм в структуре культурного сознания регионов России, Среднего Поволжья и Мордовии с ее исконными идеями человеколюбия, равенства, взаимопомощи, сострадания находят все меньше приверженцев, особенно среди молодых поколений. Важной задачей гуманитариев на современном этапе является в этой связи раскрытие общих ценностей в этнокультурных традициях, которые не разделяли бы, а объединяли общество.

*В основе статьи –
Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора философских наук.*

Священник Максим АДАМОВ,
выпускник Московской Духовной Академии
и Саратовской государственной Консерватории,
основатель и руководитель хора
имени А.А. Архангельского,
преподаватель церковного пения СДС

«МУЗЫКА - ЭТО ЯЗЫК АНГЕЛОВ...»*

сознаю себя вдвойне счастливым человеком, поскольку любовь к музыке помогла мне прийти к служению Богу. И сегодня это уже не два отдельных направления, нет – это именно единое служение, которому я посвятил свою жизнь.

Насколько я знаю, профессиональных музыкантов в нашем роду не было. Мой отец, Владимир Александрович, – шахтер, и семья «кочевала» вдаль от России. Я родился в Киргизии в 1979 году, а через два года родители переехали в Узбекистан, где в поселке геолого-разведочной экспедиции в основном и прошли мои школьные годы. Дома всегда звучала музыка. Отец пел, играл на гитаре и баяне. Брала за душу русские народные песни, которые он исполнял, и через эти песни впервые я ощутил близость Родины – далекой и необъятной России. Музыкой увлекался и дядя, он и в армии служил в оркестре, играл на трубе. С теплотой и любовью вспоминаю бабушку по материнской линии. Происходя из раскулаченной семьи, много претерпевшей от Советской власти, Фекла Максимовна мечтала

* Старинный афоризм

четверых своих детей «вывести в люди», чтобы они получили самые престижные, в ее глазах, профессии – учителей и врачей. Трое старших детей достигли желаемого. Тогда для младшей дочери, моей мамы, бабушка в своих мечтах подняла планку «еще выше» – от всей души желала видеть ее музыкантом. Но профессиональной пианисткой из мамы не получилось. Она посвятила себя школьному образованию. Вышло так, что мечты и бабушки, и мамы реализовались на мне.

В 1987 г. я поступил в только что открытую в нашем поселке музыкальную школу. Учился успешно, но... довольно рано во мне проявилась одна черта: очень быстро становилось тесно в отведенных рамках. Как музыканты иногда шутят, перифразируя девиз Олимпийских игр, хотелось «громче, выше, быстрее». И вот по окончании 1-го класса я с детским максимализмом заявил родителям, что больше в музыкальной школе мне делать нечего: ноты я выучил, теперь могу играть сам... Чтобы заинтересовать меня и продолжить мое обучение, отец организовал при Доме культуры детский вокально-инструментальный ансамбль. Он состоял из пяти человек (все ребята старше меня), там я пел и играл на синтезаторе. Руководя ансамблем, отец постоянно импровизировал, к этой работе привлекал и меня. Народную музыку, эстраду, джаз – я все осмысливал, переплавлял в своем сознании, но чего-то недоставало, я находился в постоянном поиске. Так, насыщенные детским творчеством, прошли мои школьные годы.

А «лихие девяностые» давали о себе знать. В Узбекистане начались межнациональные трения. Необходимо было спешно уезжать. Но куда? Неожиданно отец решил переселиться не в Россию, а в Киргизию, так как, по его признанию, он тосковал без гор. Очень скоро в этих самых киргизских горах отца обстреляли, он чудом остался жив и теперь уже твердо решил возвратиться в Россию. Опять встал вопрос – куда? Наши друзья и соседи уехали в город Тольятти на Волге, причем умудрились забыть в оставленном доме полный набор документов. Сначала отец навестил их, отвез им бумаги, а потом и наша семья поселилась в Тольятти.

Шел 1994 год. В Киргизии я закончил одновременно и среднюю общеобразовательную, и музыкальную школы (последнюю – по классу фортепиано). Но ко времени нашего переезда набор в Тольяттинское музыкальное училище уже был закончен, и я поступил в класс кларнета, куда был объявлен дополнительный набор. Поначалу были трудности психологического характера. В азиатских республиках, мы, русские, старались держаться ближе друг к другу, были более открыты, более эмоциональны. В самой России этого не ощущалось, люди были замкнуты, держались настороженно. Для меня был довольно болезненным этот контраст. Что же касается учебы, то все шло плавно, все мне легко давалось. Параллельно я выступал в молодежных вокально-инструментальных ансамблях, где играл на клавишных и бас-гитаре, начал делать самостоятельные аранжировки (как помогли прежние домашние занятия с отцом!). Меня

интересовало сочинение музыки. Как из комбинации различных звуков и ритмов возникают красивейшие произведения? Какие действуют внутренние законы музыки? Что такое сама музыка? Я часто импровизировал на известные музыкальные темы, писал свои скромные опусы. Но, к сожалению, композиторского отделения в училище не было, и я стал дополнительно заниматься гармонией, композицией, полифонией, анализом музыкальных произведений – вместе со студентами теоретического отделения. На последнем курсе я уже писал музыку для различных камерных ансамблей. Так было написано произведение для квартета ми-бимоль-мажор (скрипка, кларнет, виолончель и валторна).

Как благодарен я училищному руководству, разрешившему мне для госэкзамена по дирижированию написать свое произведение для оркестра! Это произведение я назвал «Поэма», в нем звучали народные мотивы «райка», «лубка», но с гармоничным вплетением, так сказать, более терпких созвучий. На выпускном экзамене эту вещь исполнил училищный духовой оркестр; я дирижировал. Выступление имело успех. В качестве председателя выпускной комиссии на том концерте присутствовал заведующий кафедрой духовых инструментов Саратовской Консерватории Анатолий Дмитриевич Селянин. От него я услышал короткую фразу: «Приезжайте. Берем!»...

Так в 1998 году начался новый этап в моей жизни. Саратов! Город, где сохранились целые кварталы старины – особняки, дворцы. В самом центре возвышается готическое здание Консерватории, в прошлом – «Императорской», одной из старейших в России. До революции она называлась Алексеевской, так как ее шефом был сын Николая II – Цесаревич Алексей...

Саратовская государственная Консерватория

Я, что называется, с головой окунулся в учебу, но при этом и практиковал как музыкант. Наш заведующий кафедрой А.Д. Селянин входил в мировую гильдию трубачей. У него был свой концертный духовой оркестр «Волга-Бэнд», довольно известный в Поволжье; меня взяли в него кларнетистом. Как я понял, с таким прицелом Анатолий Дмитриевич и «высмотрел» меня на выпускных экзаменах в Тольятти. Мы с успехом гастролировали по Саратовской области. Но скажу откровенно: работа в оркестре воспринималась мной как обуза. Параллельно я играл в фольклорном, джазовом и эстрадном ансамблях, где в большей степени проявлял себя как композитор, аранжировщик, мультиинструменталист, лидер коллективов. Это было мне ближе и гораздо интереснее, привлекало своей новизной.

Быстро прошли два года. Все получалось, дела шли успешно. Но всё больше и больше одолевали раздумья. Мне было тесно! Мучили вопросы: «Что дальше? Что ждет меня?». В перспективе - исполнительская рутина со всеми бытовыми и финансовыми проблемами, неизбежными в шоу-бизнесе. Волновало и то, что на эстраде, как и в целом в духовой области, музыкант не ведет публику, а сам должен следовать за ее вкусами и пристрастиями, чтобы заполнить зал. А то, что является твоим, кровным делом, – зала, к сожалению, не заполнит и материального достатка не принесет. Все, что предлагала не классическая, не академическая музыка, перестало удовлетворять.

Я был в поиске. Теперь, по прошествии лет, с полным основанием могу определить тогдашнее свое состояние как духовный кризис. Впервые нечто похожее я уже испытал когда-то, в 1-ом классе музыкальной школы. И вот, неожиданно для однокурсников и преподавателей, не говоря уже о родителях, в середине 3-го курса Консерватории взял на год академический отпуск и возвратился в Тольятти. Внешне все шло своим чередом: там я сразу включился в концертную деятельность в составе успешного эстрадного коллектива, в ротацию которого вкладывались немалые средства. А в душе шла напряженная работа по переосмыслению прожитого, наработанного; нужно было оглянуться назад.

Ни в Узбекистане, ни в Киргизии, где прошло мое детство, поблизости храмов не было. И первое, что я сделал, когда наша семья переселилась в Тольятти, - пошел в православный храм и принял Крещение, в 15-летнем возрасте. Это был мой сознательный, добровольный шаг; даже дата запомнилась: 15 октября (в день кончины святого праведного воина Феодора Ушакова!). А когда я учился на 4-ом курсе, многие из моих однокашников пели в открытом неподалеку от училища Вознесенском храме, и меня стало тянуть к ним в хор – в храм, в неизвестную область. И меня туда взяли! Со священником мы фактически не общались, нашим непосредственным руководителем была девуш-

ка-регента. Как человеку невоцерковленному, мне стоило огромного труда выстаивать службы – это было подлинным мучением. Наш хор располагался на балконе, и с высоты я всякий раз с изумлением смотрел на прихожан: «Как это – я, молодой сильный парень, не могу стоять так, как стоят эти дети и бабушки?! Что у них есть такое, чего лишен я?». Став студентом Консерватории, я сразу начал ходить в храм как прихожанин. В храме меня восхитил синтез искусств, который охватывает весь спектр человеческого восприятия. Я отчетливо ощутил, что искусство и науки в полноте могут реализоваться только в религиозной плоскости, только в церковном искусстве. Вдохновляло евангельское учение, которое открылось как сокровищница земных и надмирных смыслов. В храме я купил книгу «Маргарит» – сборник поучений, основанный на творениях святителя Иоанна Златоуста, излюбленное чтение на Древней Руси. Книга была издана на современном русском языке, и я принял ее как руководство к действию, особенно раздел о духовничестве. В книге говорилось, что без духовного окормления нет спасения, и давалась характеристика духовника как человека святой и благочестивой жизни. Ключевым для меня стало слово «святой», и я и был убежден, что речь идет именно о *святых*. Своим духовником я выбрал святого преподобного Максима Грека с иконы. Так и обратился к нему: «Будь моим духовником!». Вспоминаю об этом с улыбкой... А тогда, во время академического отпуска, возникло желание бросить Консерваторию и получить духовное образование. Вскоре состоялся серьезный разговор с матерью. Выслушав меня, мама сказала: «Я все понимаю, но сначала привези мне диплом, а потом поступай, как знаешь».

Я вернулся в Консерваторию. Как уже говорил, на первых двух курсах я разочаровался в эстрадной духовой, не академической музыке. Но «неизведанной землей» оставалась классика. Именно более полным погружением в классическую музыку знаменуются последние годы учебы – на 4-ом и на 5-ом курсах. Со мной работала замечательный педагог Татьяна Иосифовна Кан. На госэкзаменах мы, ее ученики, услышали от нее знаменательные слова: «Теперь я вас могу, не стесняясь, послать на любой европейский фестиваль камерных ансамблей». Значит, чего-то достиг. Нет бы «радоваться и ликовать», но я устроен как-то по-другому: если бы ругали – у меня был бы стимул работать дальше. А что теперь? Я потерял интерес к достигнутому. Звали новые горизонты.

Консерваторию я закончил с Красным дипломом, уже нацелив себя на получение богословского образования в Москве. О священстве я еще не помышлял, речь шла только о духовном образовании, об углубленном изучении творений святых отцов и учителей Церкви – к чему я чувствовал неодолимую тягу. Оптимальным вариантом представлялось поступление в Православный Свято-Тихоновский гумани-

тарный университет. С этой целью я вскоре поехал в Москву. Но, как говорится, «человек предполагает...». Вышло все по-другому и совершенно неожиданно для меня.

В Москве я встретил своего приятеля. Он показал мне столицу, а потом мы отправились в Сергиев Посад. К моему удивлению, вход в Духовную Семинарию был свободным – очевидно, это было связано с приемом документов от поступающих. Мы вошли в здание, прошли по коридору и оказались перед раскрытым окошком в стене. Я обратился к сидевшему там работнику, хотел задать какие-то вопросы. Но меня, что называется, взяли в оборот. «Документы привезли? Давайте». Я машинально дал. Меня записали, напомнили, каких бумаг еще недостает...

За необходимой рекомендацией я поехал в Тольятти к священнику, у которого пел в хоре, учась в училище. Батюшка так и не смог меня вспомнить. Все же рекомендацию дал, весьма своеобразную. В ней значилось: «Знаю его как добропорядочного и молодого человека». Ведь нужно же было хоть что-то написать ...

В Московскую Духовную Семинарию из 150 поступавших были приняты 90 человек. В их числе оказался и я. Первое чувство, которое испытал, поступив в Семинарию – радость, огромная радость от того, что меня принял к себе преподобный Сергей! Другая радость пришла неожиданно, когда я вдруг узнал, что мощи моего небесного покровителя – преподобного Максима Грека – почивут совсем рядом, в Духовской

Покровский академический храм (Московская Духовная Академия)

церкви Лавры. И я приложился к его раке!!! Третьим чувством было удивление. С полным основанием могу сказать, что я прошел довольно суровую школу: прежде жил впроголодь, всегда был вынужден сочетать учебу с работой во многих ансамблях – чтобы как-то поддержать свой быт, что называется, ради хлеба насущного. Для духовной литературы приходилось буквально выкраивать – и финансы, и время. А здесь, в Семинарии – все бесплатно: и питание, и учеба!

Катехизис у нас вел замечательный преподаватель Константин Ефимович Скурат. Бывало, он так углублялся в свой предмет, что мог растрогать и нас, и себя, и при всех заплакать. Очень верующий человек! Риторiku преподавал Александр Александрович Волков. Я был потрясен его занятиями: он нас буквально **учил говорить**. Я для себя штудировал его книгу «Курс русской риторики» - публичные выступления всегда считал своим слабым местом... Каковы были мои изумление и радость, когда совсем недавно, в 2016 году, я встретил в Саранске Александра Александровича. Оказалось, что его супруга родом из Саранска, и здесь они проводят каждое лето! Наша встреча была очень теплой.

Я учился ровно, можно сказать хорошо. Но волновало другое. Условия, как я уже говорил, были для меня тепличными – и в бытовом, и в духовном плане. Все преподносилось «на блюдечке». Только не могу сказать, чтобы это сказывалось благотворно. И вера, и благоговение стали ослабевать. Кроме того, я был уже сложившимся человеком, а меня окружали юнцы, не знавшие жизни, ничего не испытавшие. Мне были глубоко чужды их мальчишество, их мелкие проказы, недовольство всем и вся. С ужасом в душе ощутил справедливость, хотя бы частичную, известной шутки: «Хочешь потерять веру – иди в Семинарию, а Академия размочит остатки веры». Я пришел к выводу, что этот семинарский уклад не для меня – иначе я окончательно потеряю веру. Таков был печальный итог первого года обучения...

А Господь меня вел. Я стал второклассником. Приближался Покров, 14 октября. В Московских духовных школах этот праздник отмечается особенно торжественно, проводится много мероприятий, концертов, съезжается масса гостей. Много девушек... Я обратился с молитвой ко Пресвятой Владычице Богородице с такими словами: «Мать Божия, завтра Твой праздник. Если я никого не встречу, то буду готовить себя к монашеству. Дай мне мою половинку! И если я встречу ее, то дай мне узнать это – сердцем, душой и умом!». Вот и праздник. Я стоял за кулисами, ожидая выхода на сцену в составе хора. Рассматривал собравшихся. «Где она? Где она?». Ее не было. Неожиданно позвонил однокурсник, принявший сан, мой друг. Попросил сопровождать сестру его жены Машу, тем более, что ей нездоровилось... Я расстроился: конец моим поискам! Машу я знал, никакого оптимизма по этому поводу не испытывал. Девушка с боевым характером, с претензиями мне казалась недося-

гаемой, а я всегда скромно держался. Пришлось отбывать повинность. Я ходил с ней скучный, что-то бубнил ей, как никудышный «гид». Думаю, мы оба мучились. Собеседник я был никакой. Наконец-то наступило время расставаться. Вечером посадил ее в электричку. В ожидании отправления наступила дежурная пауза. Но перед тем, как закрылись двери, я посмотрел ей в глаза. Оказалось, что и она смотрела на меня. Глаза в глаза. Электричка тронулась, и я почувствовал, что с ней уходит что-то мое, родное. Душа зарезонировала, сердце защемило, а ум понял: «Это Она!». Сразу позвонил ей: «Очень рад был тебя встретить. Жалко, что я не прыгнул к тебе в вагон, чтобы тебя проводить дальше. Сожалею, что не смог с тобой поехать. Мы еще встретимся?». Ответ прозвучал иронично, с интонацией вниз: «Да, да, да. Конечно, конечно»...

Это было 14 октября. 22 ноября того же года я сделал ей предложение, а 22 февраля мы повенчались. Бог даровал мне человека по сердцу! Матушка Мария стала моей верной спутницей, соратницей в подлинном смысле этого слова, единомышленницей во всех благих начинаниях. Мы вместе уже 11 лет, у нас три сына – старшему, Матвею, шесть лет, Фоме – три года, Андрею – девять месяцев.

К молитве о встрече со своей половинкой, я всегда присоединял еще одно прошение – о даровании мне духовного наставника. И Господь услышал! Духовник моей супруги стал и моим духовником. Это редкий и, наверное, идеальный случай для семейной пары. Настоятель храма в селе Образцово возле города Щелково в Подмоскovie, протоиерей Александр Семенов был удивительным человеком. Невысокого роста, подвижный, крепкий, отец Александр самим своим видом вселял оптимизм. Бывало, придешь к нему понурый, загруженный, весь в проблемах, и слышишь любимую фразу батюшки: «А нет проблем!». И начиналась беседа. Я получал потрясающий ответ, который поражал своей ясностью, глубиной и простотой, и действительно снимал проблему. Это был поистине духовный, очень верующий человек. Каждая беседа с ним западала в душу. Теперь, во все переломные и сложные этапы тогдашней жизни мы с супругой всегда следовали советам нашего наставника. Каково же было мое изумление, когда оказалось, что по своей светской профессии отец Александр – **музыкант-кларнетист**! Как и я!!! До принятия сана он управлял хором. На всю жизнь запомнились его слова: «Церковное искусство – это путь к спасению»...

Семинарская жизнь шла своим чередом. О священстве я по-прежнему еще не помышлял. Помню, как-то в наш класс вошел незнакомый епископ очень солидного вида. Строго посмотрев на каждого из нас, Владыка попросил поднять руки тех, кто хочет стать священником. Кажется, подняли руки все... Кроме меня одного. Потом Владыка задал другой вопрос: «А кто из вас хочет заниматься наукой?». На этот раз поднялась одна-единственная рука. Моя...

А вскоре, через помощника инспектора, руководство Семинарии предложило мне готовиться к рукоположению в диаконский сан. Укрепленный духовным наставником, я отнесся к этому как к послушанию. Так, учась в 3-м классе, я стал диаконом. Чин рукоположения в Покровском семинарском храме совершил Владыка Ректор, Преосвященнейший епископ Верейский Евгений (Решетников). К моему рукоположению мама внешне отнеслась спокойно. И только впоследствии я узнал от нее, что меня, еще младенца, она посвятила Богу! Вышло так, что в полугодием возрасте я тяжело заболел. Когда мое состояние было критическим, мама с мольбой обратилась к Богу: «Господи! Если не мне, тогда пусть Тебе он здесь служит!»...

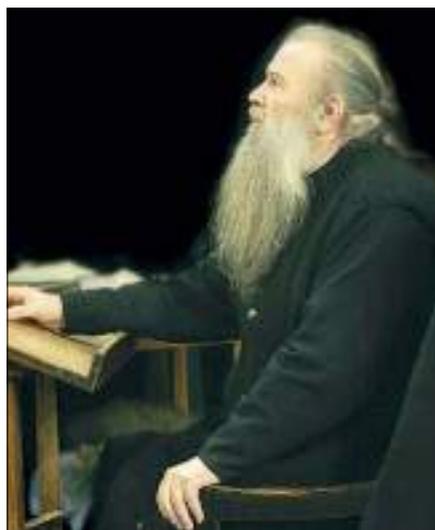
Примерно через год, учась уже в 4-ом классе, я стал священником и был прикомандирован к Патриаршему подворью в селе Здехово, где в воскресные и праздничные дни служил в Свято-Никольском храме. Жизнь моя круто изменилась. Теперь я жил уже не в семинарском общежитии, а в доме своей супруги в подмосковном городе Фрязино, откуда ездил на учебу в Семинарию – дорога на электричке занимала два с половиной часа в одну сторону.

Со службой я быстро освоился, понял главное: это – мое! К тому же в служении Богу я смог применить и свои музыкальные данные. Это стало единым служением! Словно слились воедино две больших полноводных реки. Ощущалась стабильность: семейное счастье, уют, жилье и служение в Подмосковье...

Неожиданно быстро закончились годы учебы. При выпуске из Семинарии я подал бумагу на имя Святейшего с просьбой остаться в Московской епархии. Естественно, описал и свои стабильные бытовые условия. Ответ был совершенно неожиданным. Всем, кто желает остаться служить в Московской епархии, предлагалось отправиться на три года либо на Север, либо на Дальний Восток. Лично мне предстояла поездка на Сахалин. В долгих беседах с духовником родился такой план. Я попрошу командировать меня на Сахалин всего на полгода. За это время разверну катехизаторскую деятельность среди местного населения, подготовлю будущих священников, после чего спокойно вернусь во Фрязино... «А нет проблем, - шуточно подбадривал меня отец Александр, - будешь рыбку, икорку есть!».

Только что назначенный Управляющим делами Московского Патриархата митрополит Саранский и Мордовский Варсонофий (Судаков), к которому я попал на прием, сразу отверг все мои начинания. Тогда я взмолился: «Ваше Высокопреосвященство! Моя жена не очень впечатлена Сахалином. Что же, я должен разрушить домашнюю церковь, чтобы устраивать Церковь на Сахалине?». Владыка откинулся в кресле, долго и пристально смотрел на меня. Потом спросил: «Хочешь ко мне в Мордовию?». Я растерялся и ответил не очень вежливо: «Спасибо, тоже не надо».

Об этой беседе я тотчас рассказал своему духовнику. Выслушав, отец Александр устроил мне полный разнос. И добавил: «Да если бы меня позвал к себе митрополит, я все бросил бы и поехал!». На другой день я вновь предстал перед Владыкой Варсонофием. Он читал мое прошение, и заметно было, как светлеет его лицо. А в прошении значилось: «...Для меня и моей семьи явилось большой радостью Ваше приглашение в Саранскую и Мордовскую епархию. Обещаю служить верою и правдою своим музыкальным и педагогическим дарованием...». Пусть не очень скромно, но искренне! Так с июля 2009 года я стал клириком Мордовской епархии и преподавателем церковного пения Саранского Духовного училища. В качестве жилья нам с матушкой была отведена классная комната на втором этаже...

Архимандрит Матфей (Мормыль)
(1938 - 2009 гг.)

Теперь, наверное, самое время оглянуться назад и рассказать о самом значимом и самом сокровенном, что я вынес из моей Alma Mater и чем напитался за годы учебы. Речь пойдет о незабываемых встречах с живой легендой Свято-Троицкой Сергиевой Лавры и Московских духовных школ – каковым был их главный регент заслуженный профессор архимандрит Матфей (Мормыль). Нам он преподавал литургику, Новый Завет и церковное пение. Это были *нескучные* уроки! Сложный теоретический материал или напряжение в классе отец Матфей всегда сдобривал каким-нибудь шутивным словом или обращением. К примеру, вызывая к доске меня, Максима Адамова, батюшка вопрошал с шутивным пафосом: «Адам, где ты?!». Я не был здесь исключением. Шутивно-доброжелательные выражения отец Матфей находил для каждого семинариста, некоторым даже давал прозвища. Ставил он, в основном, четверки и пятерки. Зная это, мы с еще большим усердием учили его предметы – стыдно было злоупотреблять добротой отца Матфея. Он любил людей, мы это чувствовали и старались отвечать ему тем же. Как сейчас помню низкий, хрипловатый, доходящий до сердца голос.

Официально хор, возглавляемый отцом Матфеем, считался братским, т.е. относился к Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, но большинство хористов составляли учащиеся. В их числе оказался и я. Все поступившие были сразу направлены к отцу Матфею на прослушивание. В

хор я был взят вторым тенором. Выступления хора и репетиции также проходили *нескучно*. Всегда находилось место для шутки, порой неожиданной. Так, при окончании пасхального тропаря на греческом языке «...зоин харисаменос» («...живот даровав») на последнем слоге отец Матфей, в знак окончания фразы, выразительно прикладывал палец к **носу**. А когда мы исполняли «...разрешив **Адамов грех**...», он демонстративно указывал на меня, чем вызывал оживление в хоре.

С концертами духовной музыки мы посетили Нижний Новгород, где выступали в консерватории, город Дивноморск (около Сочи), село Душиново Московской области. Только теперь, работая с отцом Матфеем, я имел возможность глубже осознать, что такое музыкальная интерпретация. Для «Бати», как, любя, мы его называли между собой, не существовало тактовых черт, помеченных в нотах. Вся логика построения музыкальных фраз строилась исключительно на основе духовных смыслов. Этим отец Матфей уникален среди выдающихся дирижеров-регентов. Действовало потрясающе! Удивительно и то, что для осознания этого чуда мне понадобилось пройти полный консерваторский курс. А ведь, как я узнал, отец Матфей не имел систематического музыкального образования. С точки зрения «музыкальной буквы», он поступал **неправильно!!!** Но, с точки зрения духа, это было точное попадание!

Батюшка не переносил фальши во всех ее проявлениях – от музыкальной до человеческой. Поэтому с лодырями и халтурщиками он бывал резок, равно как и с зазнайками-умниками. С последними он расставался, не взирая на их порой великолепные музыкальные данные. Отец Матфей был человеком горящим, и он ждал от нас такого же трепетного отношения к делу. Оттого бывал резок и грубоват, многим это не нравилось. Но я понимал, я чувствовал, что это была реакция любящего отца. Иногда, так сказать, в кулуарных спорах, мне приходилось защищать отца Матфея перед одноклассниками. Думаю, он чувствовал исходящую от меня моральную поддержку. Однажды, когда читались часы перед Божественной Литургией, наш хор безмолвствовал, пребывал в ожидании. Встретившись со мной взглядом, отец Матфей вдруг ласковым жестом подозвал меня, усадил рядом и... стал гладить по голове, как дедушка внука. Сейчас я со слезами вспоминаю об этом. А тогда мне было очень неловко перед хористами. Ведь мне шел двадцать восьмой год!.. Три раза посчастливилось **регентовать** – по поручению отца Матфея управлять хором в его отсутствие. Во всех трех случаях совершалась Божественная Литургия.

Все это время я продолжал писать музыку, как духовную, так и светские вариации – песни на стихи Арсения Тарковского («Я учился траве», «Ломали старый деревянный дом» и др.) и другого замечательного поэта – о. Дмитрия Дудко («Не опуститься и не сломиться», «Господи, дай мне сил»), священника, более известного своей общественной дея-

тельностью и публицистикой. А ведь он – еще и член Союза Писателей России! Для меня это были попытки трансляции духовного содержания посредством светского языка, и я считаю их довольно удачными. Это музыка для светских, невоцерковленных людей, но она всецело посвящена Богу. Написал и духовные произведения – «Богородице Дево, радуйся», «Величит душа моя Господа», «Душе моя, почто грехами богатеши?». Последнюю вещь подарил отцу Матфею, снабдив ее дарственной надписью. Я писал «в стол», все эти опыты еще ждут своей реализации.

С принятием сана я уже не имел возможности петь в хоре. Отец Матфей не скрывал сожаления по поводу моего ухода. Сожаление было взаимным. Однажды по радио передали интервью с отцом Матфеем. Среди прочего его спросили, что он считает самым главным в клиросном послушании? Ответ поразил меня: «Я не знаю, – сказал он. – Но думаю, каждый должен петь, будто он поет в последний раз. Тогда это будет трогательно, тогда это будет “жертва вечерняя”». Вскоре после этого мы встретились в коридоре учебного корпуса. Отец Матфей угасал, теперь его возили в инвалидной коляске. Я шел навстречу, а прямо передо мной официантка несла тарелку с огурцами в профессорскую трапезную. Поздоровались. Увидев меня, батюшка остановил официантку, взял у нее с тарелки огурец и протянул мне: «Адамчик, возьми огурчик!». В ответ я поделился впечатлением от его недавнего интервью, процитировал. Мы оба прослезились... Это было в июне 2009 года. А 15 сентября пришла весть о кончине батюшки. На похоронах я нес его гроб. Отчетливо осознавал, что с отцом Матфеем ушла целая эпоха в церковном хоровом искусстве. Но душа не желала смириться с этой мыслью, и я дал себе слово – по мере сил продолжить дело своего учителя.

На Мордовскую землю мы с матушкой прибыли с четким и осознанным намерением *создать детско-юношеский церковный хор*. Владыка Варсонофий благословил нас, отметил важность этого начинания и подчеркнул, что оно осуществляется впервые в истории Саранской епархии.

Путь рождения хора был нелегким. Первая трудность состояла в поиске и отборе исполнителей. Многочисленные попытки привлечения исполнителей из общеобразовательных и музыкальных школ оказались тщетными. Хор составили дети прихожан Свято-Предтеченского училищного храма – 18 девочек в возрасте от 8 до 14 лет.

Завершение приема и первое собрание будущих хористов пришлось на День музыки (!), и 1 октября 2009 года стало официальной датой создания хора. Ректор Саранского Духовного училища протоиерей Александр Пелин отнесся не просто с пониманием к нашему начинанию, но и предложил присвоить хору имя всемирно известного духовного композитора и выдающегося хорового дирижера Александра Андреевича Архангельского (1846–1924 гг.). Скажу откровенно: я был очень смущен этим предложением. Архангельский – колоссальная фигура! Имя этого «короля ре-

гентов», под музыку которого, по выражению современников, любила молиться вся Россия, в пору носить целой консерватории или огромному хору виртуозов (сам Александр Андреевич управлял даже объединенными хоровыми коллективами численностью до 300 певчих!), но никак не нашему маленькому начинающему коллективу. В то же время Мордовия стала творческой колыбелью А.А. Архангельского, начавшего самостоятельную жизнь в Краснолободском Духовном училище, куда он поступил в 1856 году десятилетним мальчиком.

Александр Андреевич Архангельский (1846 - 1924 гг.).

Кроме того, новаторство Александра Андреевича заключалось еще и в замене хористов-юношей девушками для сохранения стабильности голосов. Обнадеживал и тот факт, что изначально хор Архангельского состоял всего из 16 человек. В общем, имя корифея обязывало, и наш мордовский женский вокальный коллектив старался «соответствовать» по мере сил.

В напряженной подготовительной работе прошел год. Как я уже говорил, мой духовный наставник отец Александр тоже был руководителем хора, и нашим девизом стали его слова: «Вы славьте Бога, а Он прославит вас». А моя матушка до замужества пела в его хоре, даже выезжала с гастрольями за границу. Как пригодился нам этот бесценный

С духовным наставником прот. Александром Семеновым. 2012 г.

опыт! Я стал регентом и духовником хора, матушка Мария – художественным руководителем, взяв на себя тяжелейшую ношу. Чего стоили только сбор и оформление документации для обеспечения вывоза несовершеннолетних на гастроли, включая и зарубежные! Поистине самоотверженных трудов потребовали выбор и изготовление костюмов. Счастливой находкой матушки Марии стали одеяния воспитанниц пансиона благородных девиц! По старинной фотографии она восстановила выкройки и сама сшила платья для всех хористок! Изящно-женственные темно-синие одеяния с пелеринами стали визитной карточкой нашего хора.

В свой репертуар мы включили русскую духовную музыку, народные песни Мордовии и России, авторские сочинения современных церковных композиторов. Окрепнув, наш молодой хоровой коллектив вскоре вышел за пределы Мордовии и прославил Республику на III Международном детском Пасхальном вокально-хоровом фестивале «Светлая седмица» в г. Москве. Стоит ли говорить, с какой ответственностью и самоотдачей приступили мы к подготовке конкурсного выступления. Здесь важно было все: и тщательный выбор репертуара, и манера поведения на сцене, и индивидуальное певческое мастерство каждого, и, наконец, слияние индивидуальностей в единый целостный организм. Разучили церковные песнопения: тропарь Пасхи на трех языках (славянском, греческом и латинском), тропарь святому Иоанну Предтече в моем переложении, «Херувимскую песнь» А.А. Архангельского и, кроме того, песню «Моя Москва» Исаака Дунаевского и другие. В Москву мы прибыли 7 апреля 2010 г. Направились в Покровский женский монастырь, где приложились к мощам святой

У могилы архимандрита Матфея (Мормыля).
Троице-Сергиева Лавра. Апрель 2010 г.

**С митрополитом
Сливенским
Иоанникием.
г. Поморие
(Болгария).
Июнь 2010 г.**

**Наши девушки
подружились
с хористками
из Японии.
Санкт-Петербург.
Август 2010 г.**

**О. Максим
с коллегами –
дирижерами:
Николаем Беляевым
(г. Казань)
и Марко Фанти
(Италия) – в центре.
Санкт-Петербург.
Август 2010.**

блаженной старицы Матроны. На другой день поехали в Троице-Сергиеву Лавру, где приобщились Святых Христовых Тайн на Божественной Литургии в семинарском храме преп. Иоанна Лествичника. Я провел экскурсию по территории Лавры. Приложились к мощам преп. Сергия, посетили могилу отца Матфея. Затем было наше первое выступление на фестивале. Оно состоялось в Культурном центре Вооруженных сил России – в Екатерининском дворце, бывшем пансионе благородных девиц. Девушки волновались безумно, но Господь помог нам выступить достойно. Жюри поставило высокие оценки, а одно произведение даже попросило спеть на «бис». После выступления была непередаваемая радость, ощущение счастья, которым хотелось поделиться со всеми прохожими. Мы шли по вечерей Москве и все вместе пели уже полюбившуюся нам песню Дунаевского «Моя Москва». Прохожие недоуменно поглядывали на нас, но наши лица светились счастьем, и многие улыбались нам в ответ.

9 апреля наступил апогей фестиваля. Утром мы прибыли в храм Христа Спасителя на Божественную Литургию, где пели хоровые коллективы со всей России, приехавшие на фестиваль. Мы тоже приняли участие в службе. После службы в зале Церковных соборов состоялся финал международного конкурса. Более трех десятков коллективов и более сорока сольных исполнителей оспаривали первое место в различных номинациях. **ЛУЧШИМИ из церковных хоровых коллективов жюри признало нас!**

Окрыленные успехом, мы подали заявку на участие в VII Международном фестивале православной музыки «Св. Богородица – Достоинство есть» в Болгарии. Всего было подано больше тысячи заявок, но комиссия отобрала только 33 коллектива. В их числе и нас! Открытие фестиваля началось 9 июня 2010 г. с крестного хода по улицам курортного города Поморие на берегу Черного моря. После этого в центральном храме города в честь Рождества Пресвятой Богородицы митрополитом Сливенским Иоанникием был отслужен молебен в сослужении как местного, так и прибывшего на фестиваль духовенства. Для многих это было поистине грандиозное событие – сотни верующих сердец, прибывших в Болгарию со всех уголков планеты, соединились в удивительной и трогательной молитве. Во время проведения фестиваля митрополит Сливенский Иоанникий совершил две Божественные Литургии в сослужении болгарского, русского и мордовского духовенства. В каждом храме города тоже шли богослужения, на которых пели хоровые коллективы – участники фестиваля. Наш хор выступал в третий день фестиваля в категории Византийского пения. Мы были самыми юными участниками в своей категории. Репетиции проходили ежедневно. Храм был заполнен слушателями. И вот нас объявляют. «Пресвятая Богородица, помоги!», - промелькнуло в сердце. На выступление каждому хору отводилось 5-7 минут. После исполнения «Херувимской песни» Архангельского, Ве-

личания Феодора Ушакова, написанного мной, и «Достойно есть» болгарского композитора Георгия Попова, основателя этого фестиваля, зал взорвался аплодисментами. Это были минуты радости и счастья. Организаторы фестиваля несколько раз благодарили меня за интересную интерпретацию музыкальных произведений, а Георгий Попов, приятно удивленный услышанным, аплодировал стоя, говоря: «Браво!». Во время фестиваля проходили встречи и семинары руководителей, хормейстеров и регентов. Обсуждались профессиональные вопросы, музыканты дели-

лись опытом и новыми идеями. 12 июня организаторы фестиваля собрали участников на прощальный вечер в дегустационный центр, где все могли снова пообщаться в спокойной и дружеской обстановке. В целом фестиваль произвел на всех участников хорошее впечатление. Мы узнали много нового. Это и фестиваль международного уровня, и новая для нас страна – Болгария. Для большинства это был первый выезд за границу и первый полет на самолете, впервые в жизни некоторые увидели море,

побывали в аквапарке. За время пребывания в Болгарии мы укрепились не только в вере, но и в исполнительском хоровом мастерстве, культурно и интеллектуально обогатились, да и просто отдохнули. Эта поездка осталась на многие годы в сердце каждого участника нашего хора. Если говорить о материальной стороне, то мы оплатили только дорогу туда и обратно, а проживали в отеле за счет принимающей болгарской стороны. Когда летели в самолете, поражали плывшие совсем рядом облака, напоминавшие размешанное в воде молоко, города внизу, похожие на географические карты. Время от времени за иллюминаторами можно было увидеть другие самолеты, и тогда наш лайнер набирал высоту так, что закладывало уши, и девчонки испуганно, но восхищенно взвизгивали. За участие в фестивале наш хор получил два диплома и приз - резную статуэтку. Победителя на этом фестивале жюри вообще не выбирает. Главная цель организаторов – духовное сближение православных людей из разных стран. А лучшие коллективы получают приглашение на следующий фестиваль. И мы получили такое приглашение!

На всю жизнь запомнилось участие в VIII Международном фестивале хорового искусства «Поющий мир», проходившем в Санкт-Петербурге, с 29 июля по 6 августа 2010 г. Кафедральный собор Петра и Павла просто поразил своими огромными размерами. Выступали коллективы из Дании, Италии, Польши, Японии. Незабываемым стало посещение «аллеи композиторов» в Некрополе Александро-Невской Лавры, где мы спели панихиду над местом упокоения Александра Андреевича Архангельского, имя которого носит наш хор.

А среди участников фестиваля оригинальной манерой пения и потрясающими голосами выделялся женский хор Высшей школы «Анзё Гакуэн» из Японии, под руководством Киёши Хирабаяши, мужчины лет 60-ти. Наши хористки быстро подружились с японками, а я поменялся с Киёши хоровыми партитурами. Уже в скором времени мы ввели в свой репертуар песни на японском языке «Ояману киша» («Мчится паровозик»), «Хоторикой» («Сверчок»). Хочется надеяться, что где-то далеко, в Стране Восходящего Солнца, пусть на ломаном, но русском языке, звучат наши духовные песнопения.

Так в тревогах и радостях, в трудах и поисках, в репетициях и гастрольх промчались пять лет – как один день. Наши девушки возросли – и духовно, и физически, и в творческом плане. Они стали взрослыми. Ирина Селезнева поступила на Регентское отделение при Московской Духовной Академии, Александра Тряпкина – в Московскую Консерваторию имени П.И. Чайковского (по классу скрипки), Виктория Жирнова – в Мордовский государственный университет на факультет национальной культуры и руководит молодежным хором Свято-Феодоровского кафедрального собора г. Саранска. Многие хористки вышли замуж.

Перед новым набором у нашего коллектива наступила «оперативная пауза».

Архиепископская Гриваюта

Дана

Детско-юношескому церковному
хору им. А.А. Архангельского

(художественный руководитель -
Мария Адамова, духовник и регент -
сплценник Максим Адамов)

в благословение
ко славу Святой Церкви
в связи с годовщиной со дня основания

Митрополит Саранский и Мордовский
Управления делами Московской Патриархии

(Саранск, 1 октября 2010 года)

2

ОСЛАВЯ № 10711 27 СЕНТЯБРЬ 2008 г.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ Александр Александрович

Родился 11 сентября 1889 г. в селе Сельцево. По окончании Московского университета (Психологический факультет) в 1912 г. работал в государственном институте Метелькино. А затем в Архангельске в качестве преподавателя в Архангельской семинарии. В 1915 г. окончил педагогический институт в 7-м Московском духовном университете. В 1917 г. переехал в Архангельск и в 1918 г. стал преподавателем в Архангельской семинарии. В 1920 г. переехал в Архангельск и в 1921 г. стал преподавателем в Архангельской семинарии. В 1922 г. переехал в Архангельск и в 1923 г. стал преподавателем в Архангельской семинарии. В 1924 г. переехал в Архангельск и в 1925 г. стал преподавателем в Архангельской семинарии.

Детско-юношеский церковный хор имени А.А. Архангельского

Воспитание детей, которое должно быть направлено на формирование личности, является задачей, стоящей перед нами. Детско-юношеский церковный хор имени А.А. Архангельского является одним из лучших в Архангельске. Он был создан в 1995 г. и с тех пор занимается воспитанием детей. В настоящее время в хоре участвуют около 30 человек. Хор проводит различные мероприятия, такие как концерты, экскурсии и т.д.

ОСЛАВЯ № 10712 11 ЯНВАРЬ 2009 г.

ПЕРВОЕ МЕСТО - У НАШЕГО ХОРА

Воспитание детей, которое должно быть направлено на формирование личности, является задачей, стоящей перед нами. Детско-юношеский церковный хор имени А.А. Архангельского является одним из лучших в Архангельске. Он был создан в 1995 г. и с тех пор занимается воспитанием детей. В настоящее время в хоре участвуют около 30 человек. Хор проводит различные мероприятия, такие как концерты, экскурсии и т.д.

Воспитание детей, которое должно быть направлено на формирование личности, является задачей, стоящей перед нами. Детско-юношеский церковный хор имени А.А. Архангельского является одним из лучших в Архангельске. Он был создан в 1995 г. и с тех пор занимается воспитанием детей. В настоящее время в хоре участвуют около 30 человек. Хор проводит различные мероприятия, такие как концерты, экскурсии и т.д.

ОСЛАВЯ № 10712 11 ЯНВАРЬ 2009 г.

Саранскому хору аплодировали в Столи

Воспитание детей, которое должно быть направлено на формирование личности, является задачей, стоящей перед нами. Детско-юношеский церковный хор имени А.А. Архангельского является одним из лучших в Архангельске. Он был создан в 1995 г. и с тех пор занимается воспитанием детей. В настоящее время в хоре участвуют около 30 человек. Хор проводит различные мероприятия, такие как концерты, экскурсии и т.д.

СЕРВИС И СУВЕНИРЫ

«Слава твоя, Боже, и Он прославит нас!»

Воспитание детей, которое должно быть направлено на формирование личности, является задачей, стоящей перед нами. Детско-юношеский церковный хор имени А.А. Архангельского является одним из лучших в Архангельске. Он был создан в 1995 г. и с тех пор занимается воспитанием детей. В настоящее время в хоре участвуют около 30 человек. Хор проводит различные мероприятия, такие как концерты, экскурсии и т.д.

Девочки пели в церковном хоре...

Говорят, что в церкви, когда поют, душа летит вверх, а тело вниз... Мы слышали об этом много раз. Но когда мы сами услышали, как поют девочки из церковного хора, мы поняли, что это действительно так. Потому что они поют так чисто, так искренно, так с любовью к Богу и к своему народу. Мы слышали их в церкви, на концертах, на праздниках. И каждый раз мы слышали в их голосах ту же чистоту, ту же искренность, ту же любовь к Богу и к своему народу. Мы слышали их в церкви, на концертах, на праздниках. И каждый раз мы слышали в их голосах ту же чистоту, ту же искренность, ту же любовь к Богу и к своему народу.

Вот девочки из церковного хора. Они поют так чисто, так искренно, так с любовью к Богу и к своему народу. Мы слышали их в церкви, на концертах, на праздниках. И каждый раз мы слышали в их голосах ту же чистоту, ту же искренность, ту же любовь к Богу и к своему народу.

Мы слышали их в церкви, на концертах, на праздниках. И каждый раз мы слышали в их голосах ту же чистоту, ту же искренность, ту же любовь к Богу и к своему народу. Мы слышали их в церкви, на концертах, на праздниках. И каждый раз мы слышали в их голосах ту же чистоту, ту же искренность, ту же любовь к Богу и к своему народу.

Мы слышали их в церкви, на концертах, на праздниках. И каждый раз мы слышали в их голосах ту же чистоту, ту же искренность, ту же любовь к Богу и к своему народу. Мы слышали их в церкви, на концертах, на праздниках. И каждый раз мы слышали в их голосах ту же чистоту, ту же искренность, ту же любовь к Богу и к своему народу.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПОЮЩИЙ МИР. СЯРКИЙ СЛЕД В ДУШЕ.

1-й том из 6 томов. 2010 год. 160 страниц. 1000 экз. Цена 100 руб.

В 1-м томе из 6 томов. 2010 год. 160 страниц. 1000 экз. Цена 100 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Мы слышали их в церкви, на концертах, на праздниках. И каждый раз мы слышали в их голосах ту же чистоту, ту же искренность, ту же любовь к Богу и к своему народу.

КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

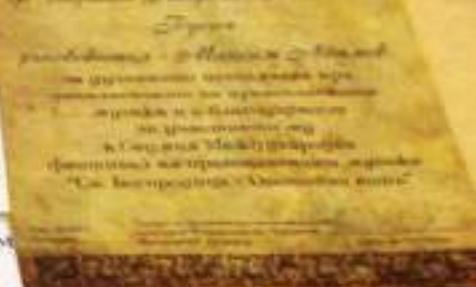
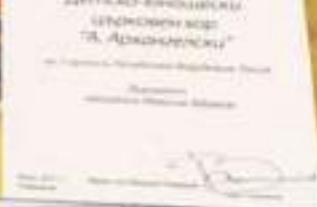
Мы слышали их в церкви, на концертах, на праздниках. И каждый раз мы слышали в их голосах ту же чистоту, ту же искренность, ту же любовь к Богу и к своему народу. Мы слышали их в церкви, на концертах, на праздниках. И каждый раз мы слышали в их голосах ту же чистоту, ту же искренность, ту же любовь к Богу и к своему народу.

«Всем миром к Господу воздыма»

Мы слышали их в церкви, на концертах, на праздниках. И каждый раз мы слышали в их голосах ту же чистоту, ту же искренность, ту же любовь к Богу и к своему народу. Мы слышали их в церкви, на концертах, на праздниках. И каждый раз мы слышали в их голосах ту же чистоту, ту же искренность, ту же любовь к Богу и к своему народу.

ПРАВОСЛАВНАЯ ВЫСТАВКА-ФОРУМ
"Крестинские жердеи"

ДИПЛОМ

награждается

ДЕТСКО-ЮНОШЕСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ ХОР
САРАНСКОГО АРХАНГЕЛЬСКОГО ПРИМРОО
САРАНСКОЙ ЕПАРХИАЛИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИИ

НАГРАЖДАЕТСЯ
Детско-юношеский церковный хор им. А.А. Архангела
при Софии православной митрополии Мордовии
Художественный руководитель – Мария Адамова
Директор – священник Максим Адамов
за активное участие в концертной программе
православной выставки-форума

13-14 октября 2013г.
Саранск

Страшным ударом для нас с матушкой стало сообщение о внезапной кончине нашего духовного наставника отца Александра Семенова. Ему было 63 года. Вскоре на Санкт-Петербургскую кафедру перешел Высокопреосвященнейший митрополит Варсонофий. Я чувствовал себя осиротевшим. Господь укрепил меня. Нашу Мордовскую митрополию возглавил Высокопреосвященнейший митрополит Зиновий - в миру Анатолий Алексеевич Корзинкин, выдающийся скрипач-виртуоз, Лауреат многих международных конкурсов. К слову сказать один из учеников Владыки – знаменитый концертмейстер и скрипач Дмитрий Погорелов, ныне солист Чикагского симфонического оркестра.

Воспрянь, душа! Нас ожидают новые свершения, новый поиск, новые открытия. Кстати, именно от Владыки Зиновия я впервые услышал старинный, сразу полюбившийся афоризм: **«Музыка – это язык ангелов».**

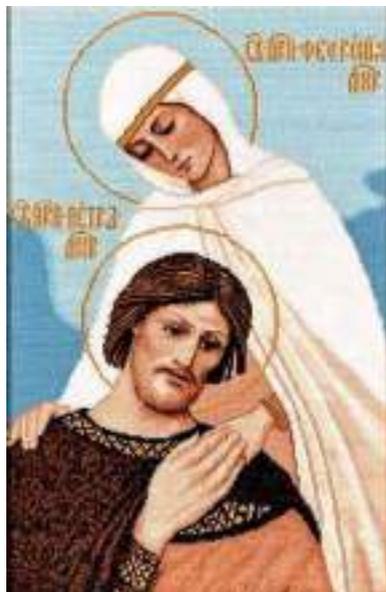

Иерей Максим и матушка Мария Витальевна Адамовы со чадами Матвеем (справа), Фомой и Андреем (на руках у матушки)

Протоиерей Алексей ПЕНЬКЕВИЧ

**СВЯТЫЕ БЛАГОВЕРНЫЕ КНЯЗЬ ПЕТР
И КНЯГИНЯ ФЕВРОНИЯ,
В СХИМЕ ДАВИД И ЭВФРОСИНИЯ,
МУРОМСКИЕ ЧУДОТВОРЦЫ**

Поэма-житие

I

В лесном краю звенит кукушка,
Заводит речь сама с собой,
Вот где-то вторит ей подружка
По-над зеленой стороной.
Леса бескрайни и высоки,
В зеркальных водах глубоки,
И тихо шепчутся осоки
По берегам реки Оки.
Еще страна не знает ига,
И не печется среди золы
Здесь в дебрях горькая коврига
Вдали от глаз и от стрелы.
Не вьется гарь в клубках тумана,

И на заре в речной красе
Глубь не кровавится, как рана,
И нет слезы в ночной росе.
Как филин косится с прищуром -
Так смотрит ночь в сырую рань...
Стоит лесной хозяин Муром,
Стоит красавица Рязань.

II

Игра лучей подобна ласкам,
Цветами землю замело.
И неспроста в краю рязанском
Зовется Ласковым село.
Как луч на куполе играет!
А там, где пестрый луг зацвел,
Цветок цветку слегка кивает,
Приемлют друг от друга пчел.
Холмится лес за дальним тыном
И, рой приметив наперед,
Там старый бортник вместе с сыном
По дуплам ищут скрытый мед.
Когда же рдеет вечер мгляный
В вершинах ясеней и лип,
И воздух сладкий, воздух пряный
В покое сумерек разлит, -
В село ведет их путь приметный,
И, дав мальчикам орехов горсть,
Всё обсуждают план заветный -
Измыслить собственную бортъ.

**Часовня на месте дома святой Февронии.
с. Ласково, Рязанская область.**

III

Мы в дом войдем, коль вам по нраву,
Где чередой, за годом год,
Себе и Господу во славу
Живет весь бортнический род.
Но старики и сын степенный
По сонму дел ушли с утра,
В светлице с пряжей непременно
Февронья – дочка и сестра.
Прядет под тихие напевы -
Красе Февроньюшке день мал!
В честь Сирской мученицы-девы
Покойник дед ей имя дал.
И к тайнам травного целенья
Ум приобщить сподобил Бог,
И к чуду клиросного пенья,
Где антифон так тих и строг...
Она прядет, и средь работы
На образ глянет, сдержит вздох.
Как знать нам девичьи заботы?
Но все, что ждет, подай ей Бог!

IV

Пчела взяла последний взяток,
Цветок разбуженный креня,
И стайка маленьких опяток
Рыжеет шляпками у пня.
В овраге вспыхнул куст рябины,
Зардели ягоды в соку,
И листья клена и осины
Кружатся, падают в Оку.
Вдруг стало сумрачно и тихо...
Сейчас польет, того и жди!
И занялись на редкость лихо
Сплошные долгие дожди.
Разбушевалась непогода,
Когда вошла в один из дней
В ворота крытая подвода,
Ввели оседланных коней.
И в забытьи, с укусом гада,
Оструплен весь, внесен был вождь.
Горела в горнице лампада.
Шумел, шумел по кровле дождь.

V

Земля умылась первым снегом,
 Глядит невестой у крыльца.
 (Снег первый служит оберегом
 Красе девичьего лица,
 Когда был взят, гласит поверье,
 Тот снег в серебряный кувшин)...
 И хмурый сыч, взъерошив перья,
 Глядит с насиженных вершин.
 Снежинок медленные звезды
 Летят с серебряных высот,
 Наполнив брошенные гнезда
 На старом клене у ворот.
 ...Февронья странника лечила,
 На помощь Господа призвав,
 И с ней была святая сила
 И сила всех целебных трав.
 Чело пылало, словно уголь,
 Но вот, иссякшая гроза,
 Лихой недуг пошел на убыль.
 Очнувшись, гость открыл глаза.

VI

Князь Петр, брат муромского князя,
 Меньшим остался не у дел.
 Уйти в поход, судьбой томяся,
 Иль в монастырь – он не успел...
 Вернулся слух, вернулось зренье,
 Глаза открыл он и как раз
 Увидел радость и волнение
 Девичьих милых, чудных глаз.
 ...По вечерам ему и маме,
 Заботы дня преодолев,
 О преподобном Варлааме
 Она читала нараспев.
 О там, как понял бренность мира
 Вдруг царский сын Иоасаф,
 И о премудрости Акира,
 И о заморских чудесах.
 Все эти давние преданья
 Князь знал почти что наизусть,
 Но счастлив был, забыв страданья,
 Всё слушать их из милых уст!

VII

Пчела проснулась чуть до срока,
Летит неровно, клонит в сон,
Луга проведая для оброка,
Согрелась в церкви меж икон.
Пестрей цветов платки и шали,
Искрится розовый стихарь.
В лучах весны сердца прияли
Пасхальный радостный тропарь.
- Христос воскрес, воскрес из мертвых,
Своею смертью смерть поправ,
И сущим всем в чертогах смертных
Живот победой даровав!
С игрой лампад в глубинах взора
Князь Петр стоял пред солеёй,
И глас Февронии из хора
Звенел ему – такой родной!
Их ждал, молвой не наказуем,
Тот миг, ниспосланный с небес...
Вот с троекратным поцелуем
Летит: «Воистину воскрес!»

VIII

Два белых лебедя заплыли
В затон за дремлющим селом.
Ласкаясь в блесках влажной пыли,
Они плывут, крыло с крылом.
На них Господь глядит с участием,
Для них реки закатный блеск.
Земным покоем, тихим счастьем
Исполнен каждый новый всплеск...
Мечтам являет лес бескрайний
Зубцы невиданных палат.
Не знать деревьям зыбкой тайны,
Ах, верно знают, лишь молчат!
Стоит Феврония у клена,
Свивая в пальцах шелк косы,
Глядит на отблески затона
В лучах закатной полосы.
И вечер теплый, несказанный
Струится счастьем, тих и ал.
Сегодня князь уврачеванный
Её взять в жены обещал...

IX

...А князь отъехал на рассвете,
О чем уж было решено.
Грустной, родней всего на свете
Светилось девичье окно.
Два княжих отрока делили
В соседнем доме время дней.
- Храни Господь! – и все вскочили
На застоявшихся коней.
Изгой! Изгой! От слов «из»-«гоить»,
Что значит просто «ощипать».
Велик Господь, и где ж с Ним спорить,
Не всякой птице дал летать.
Князь возвращался в Муром скучный,
Где жил у брата в терему.
Всегда меньшей, во всём подручный,
Эх, горек, горек хлеб ему!
Но – князь, не бортник он, и гложет
Обет девице, как упырь:
Он взять дочь бортника не может.
Скорей в поход. Иль в монастырь!

X

- Нейдёт, не едет витязь милый,
Уехал, сердца не спросясь.
А нам, кукушка, век постылый
Здесь коротать, не вспомнит князь!
Ах, что, кукушка ты вещаешь,
И разве ж это может быть?
Неужто ты мне обещаешь,
Мне обещаешь долго жить?
И птица слушала признанья,
Лишь ей Февроньюшку понять.
Ой, князь не кончил врачеванья,
Никак недуг придет опять...
Заря на небе отыграла,
Вот на село спустилась ночь,
И мать украдкою вздыхала,
Да чем Февроньюшке помочь!
А через день, с лучом заката
Делились новостью в селе,
Что сел по скорой смерти брата
Князь Петр на муромском столе.

XI

Прошла весна, и лето красно
Глядится в зеркало Оки.
Ждала Февроньюшка напрасно,
В ладьях все плыли – рыбаки.
Шумит ли дождик за окошком,
Псалтырь читая наизусть,
Зовет ли бор её с лукошком -
Девичью душу давит грусть.
Неверен сердцу, гость залетный
Смутил чреду спокойных дней.
О нем, о нем простор зеленый
Шумит листвою тополей...
Когда ж вода покрылась пухом,
В затон, казавшийся без дна,
За впереди бежавшим слухом
Вошли два княжеских челна.
Знакомый отрок для призванья
Вошел в светлицу, поклонясь:
Вновь ожидая врачеванья,
В челне лежал смущенный князь...

XII

Ни в чём Феврония не стала
Больного князя упрекать.
Он лишь взглянул... и – не пристало
Ему смущенья прибавлять.
Сердцам являя попеченье,
Господь недугом свел их вновь,
И в пору нового леченья
Цветком раскрылася любовь.
Князь был здоров к исходу лета,
Любя, любим, вновь полон сил!
Средь моря глаз, цветов и света
Их сельский пастырь обручил.
В руках, дрожавших от волненья,
Лучился образ так светло.
Родитель дал благословенье,
И воду вспенило весло.
Прощай, село! В тумане хмурым
К венцу Феврония плыла,
И в княжий град, в боярский Муром
Она княгинею вошла.

XIII

В княжом дому пируют гости,
Уже порядком захмелев.
И невпопад «Премудрость, прости!»
Гудит диакон нараспев.
Вот увели. И взором ярен,
С другими взглядом укрепясь,
Вдруг подался вперед боярин
И молвит хмуро: «Слушай, князь.
Ты всем нам люб, в том нету спора,
Здесь каждый гость – твой верный друг.
Но взял жену ты слишком споро
И не спросив ближайших слуг.
Твой брат покойный, сам ты видел,
Бывал покладист, нас поняв.
Ты, князь боярынь всех обидел,
Себе женой селянку взяв.
Иль отпустить её пристало,
Иль сам из города ступай...»
Княгиня бедная молчала.
- Ой, княже, княже, выбирай!

XIV

...В простых ладьях, почти без клади,
От стен, сокрытых вдалеке,
Они плывут по водной глади,
По серой медленной Оке.
Ладья вершит свое движенье
Вдоль камышей, лесов, стогов,
Не отличить их отраженья
От настоящих берегов.
Исчез комар к поре осенней,
Лишь редкий ворог прозвенит,
Да рыбий всплеск без опасений
У самых весел вдруг вскипит.
Лес разноцветною стеною
Стоит, под берегом двоясь,
И вдаль, подавлен тишиною,
Обняв княгиню, смотрит князь.
И злой судьбе в опереженье
В душе ведет печальный сказ.
- Оставив отчее княженье,
Ой, станешь, князь, ты – древолаз!

XV

Заря цветком осенним вянет,
Нисходит мрак в речную тишь.
Как тать ночной, в лицо заглянет
На всем лету шальнаямышь.
День отгорел полоской алой,
И вечер тих, как в забытьи.
Дал отдых князь дружине малой,
Стоят у берега ладьи.
Усталых птиц спустились клинья,
Явилась первая звезда.
- Моя Февроньюшка-княгиня,
Теперь мы тоже без гнезда!
Друг верный рядом, как на страже,
В его сердечной маяте:
- Бог милосерд, не сетуй, княже,
Нас не оставит в нищете.
Костер голодный ест поленья
И разгорается сильней.
Звучат вечерние моления...
Пусть утро будет мудреней!

XVI

Луна, как странник, издалека
Плывет в ладье из облаков.
Спят журавли и спит осока,
И рыбы спят у берегов...
Но день грядет в лучах восхода,
Приходит, ночи не спросясь.
От всех вельмож и от народа
Спешат послы: «Прости нас, князь!
Бояре властвовать желали:
Тотчас открылись мятежи,
И от ножей коварных пали
Все, наострившие ножи.
Мы сыты долею примерной,
Не вспоминай о прошлом зле!
С твоей супругой благоверной
Воссядь на муромском столе!»
Хранит Господь и Матерь Дева!
И, повернув ладьи назад,
Петр и Феврония без гнева
Вернулись княжить в Муром-град.

XVII

Державство их, гласят преданья,
Во всем стяжало благодать,
Чужды неправого стяжанья,
Для сирых – как отец и мать,
Любовью равной всех дарили,
Творили милость в простоте,
По Божьим заповедям жили
В смиренье кротком и посте,
И под конец, избрав моленья
Себе в удел в остаток дней,
Они оставили княженье,
Уйдя под сень монастырей.
И вот уже в одежде схимьей,
И гроб двуспальный источен.
Княгиня стала Евфросиньей,
Князь Петр Давидом наречен.
И о кончине помышляли,
Чтоб их услышал кроткий Спас
И чтобы свой живот скончали
Они в один и тот же час.

XVIII

Черница молча вышивала.
Уже не те ни глаз, ни слух!
Она для храма поспешала
Расшить узорами воздух.
И Петр, Давидом нареченный,
Прислал сказать ей: «Жду, сестра!
Вот, оставляю мир сей тленный.
Идем же вместе, нам пора».
Спокойно к схимнице-княгине
Пришло значенье этих слов.
- Ах, подожди, мой господине,
Я в Божий храм дошью покров.
Вновь старец-схимник посылает
Всё то же слово ей сказать.
И в третий раз он ей вещает:
- Мой час настал, не в силах ждать.
Она посланнику кивнула,
Последний раз иглу взяла
И в ткань узорную воткнула,
Три раза нитью обвила.

XIX

И вот сказать она послала:
- Мой брат Давид, готова в путь.
Им волей Божией пристало
В Седмицу Светлую уснуть.
В единый срок они предали,
Свершив моления, Богу дух.
И шали белые упали
На недоконченный воздух.
И, как желали, гроб двуспальный
В соборе принял их тела.
И чин свершался погребальный,
И вся земля проститься шла.
Но перед тем, как вспоминалось,
Их положить пытались врозь.
И дважды чудо совершалось,
И тело – с телом обрелось.
Так не имущим разуменья
Хотелось вновь их разлучить,
И в жизни, и по преставленьи
Они желали вместе быть...

XX

В лесном краю звенит кукушка,
Заводит речь сама с собой.
Вот где-то вторит ей подружка
Над синей окской стороной.
Холмы лесисты и высоки,
Луга цветами замело.
И тихо шепчутся осоки,
И дремлет Ласково-село.
А в древнем Муроме доньне
В двуспальной раке мощи спят.
Князь-схимник с схимницей-княгиней
Дары духовные дарят.
И, землю кротких восприемля,
Чего всегда желали так,
За новобрачных шлют моления,
Благословляют их на брак.
И всё живут, живут преданья,
И помнит их речная синь...
Вот и окончено сказанье.
Дай Бог вам здравия. Аминь.

**Памятник святым
Петру и Февронии
на берегу Оки**

**Мощи святых
Петра и Февронии
покоятся
в Свято-Троицком
Новодевичьем
монастыре
в г. Муроме**

Руководство Саранской Духовной Семинарии,
редакционная коллегия журнала «Духовная школа»
выражают

СЕРДЕЧНУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ

Сопредседателю Попечительского Совета
Саранской Духовной Семинарии,
Президенту группы компаний «Талина»,
Председателю Регионального объединения работодателей
«Союз промышленников и предпринимателей
Республики Мордовия»

БИРЮКОВУ
Виктору Степановичу
и
другим благодетелям
(их имена, Господи, Ты знаешь!)

за оказанную помощь в осуществлении данного издания

Духовная школа №2 (6) 2017

0+

(Без возрастных ограничений)

Издатель: Саранская Православная Духовная Семинария

Адрес издателя: 430000, г. Саранск, ул. Саранская, 52

Типография «Юнион-принт»,
603022, г. Н. Новгород, Окский съезд, 2

Подписано в печать г.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 6,51
Тираж 500 экз. Заказ №

Цена договорная

**Главный редактор – Высокопреосвященнейший ЗИНОВИЙ,
митрополит Саранский и Мордовский**

**Ответственный редактор – протоиерей Алексей Пенькевич,
кандидат богословия**

**Корреспонденты – Самонов А.Е., Тугушев И.А., Чушкин А.И.
Дизайн и верстка – Мельников К.Г.**